

ПЕСНЬ
О
РО
ЛАНДИ

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Р. О. ШОР и Б. И. ЯРХО

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

АКАДЕМИА
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

ПО ОКСФОРДСКОМУ ТЕКСТУ
ПЕРЕВОД СО СТАРО-ФРАНЦУЗСКОГО
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Б. И. ЯРХО

ACADEMIA
1934

*Заставки, переплет, суперобложка и форзац
по рисункам Т. Н. Глебовой*

ВВЕДЕНИЕ

По поводу «Песни о Роланде» написаны книги за книгами, статьи за статьями. Тексты, пособия, исследования, переводы могут составить целую библиотеку. Накоплено необозримое море сведений, и, тем не менее, многие из вопросов, связанных с этой поэмой, все еще остаются открытыми. До самых последних лет не смолкают споры, и литература о Роланде непрерывно растет. Интерес поддерживается как художественными достоинствами самого памятника, так и нижеследующими обстоятельствами, стимулирующими и усложняющими его исследование:

а) сравнительное обилие вариантов самой «Песни»; нити, связывающие ее с различными моментами истории средневековой Европы;

б) многочисленные элементы феодального быта, в ней отразившиеся; разветвленное родство «П. о Р.» с другими памятниками цикла Карла Великого и с другими старо-французскими поэмами;

в) разнообразие литературных форм, в которых был обработан сюжет «П. о Р.»; наконец, грандиозное распространение сказания о Роланде по всей Западной Европе.

Намереваясь уделить каждому из этих моментов некоторое место в своем введении, мы считаем нужным вкратце охарактеризовать проблемы, находящиеся в настоящее время в центре внимания исследователей, и сформулировать свое отношение к ним. Аргументацию наших положений читатель найдет в дальнейшем.

1) Кардинальным пунктом споры в последнее время является вопрос о *социальной среде*, в которой возникла «П. о Р.». В настоящий момент преобладает (особенно во Франции) теория, согласно коей «Песнь» является творением рук духовенства, написана монахом или клириком для пропаганды крестового похода.

Средневековье, действительно, богато такой церковно-пропагандистской литературой, и даже сюжет «Роланда» неоднократно обрабатывался в этом духе.

Но именно сличение «П. о Р.» с такого рода памятниками сразу вскрывает глубокое различие между ею и ними (см. § 3,б).

«П. о Р.» — памятник, возникший и эволюционировавший в *воинской среде* (сперва дружинной, затем рыцарской). В дошедшей до нас стадии она пропитана самосознанием и самоутверждением рыцарского сословия в эпоху его социального расцвета. Пройдя через ряд певцов и переписчиков, «Песнь», между прочим, попала в руки такого (или таких?), который постарался украсить ее обрывками школьно-церковной учености; но эти прибавки так и остались внешними украшениями.

Вся идейная концепция (см. § 6,а), все изложенные в поэме моральные воззрения (§ 3,в, 1) свидетельствуют о ее тесной связи с воинской идеологией; о том же говорит обработка персонажей и мотивов сказания (§§ 8,9).

Самое рыцарство представлено в *идеализированном*, так сказать, сублимированном виде. Для авторов «Песни» это сословие стоит в центре мироздания; все остальные слои общества представлены только подсобными персонажами (архиепископ восхваляется, главным образом, за то, что хорошо орудует мечом и копьем); характерно полное отсутствие упоминаний о пехоте, реальное боевое значение которой на самом деле было довольно велико и в рыцарский период. Все рыцари без исключения (как христианские, так и неверные) храбры: трусов среди них нет. Все они беззаветно преданы своим сеньорам, и измена одного из них составляет стержневую трагедию поэмы. Все они, конечно, и религиозны, но в тех пределах, в которых это считалось необходимым для мирянина. Даже на бога рыцарь смотрит как на феодального сеньора: перед смертью он вручает богу перчатку — знак ленной зависимости.

Более подробное освещение отдельных моментов покажет, что причисление «П. о Р.» к памятникам духовной литературы есть дело совершенно безнадежное.

2) Но если признать «мирское» происхождение «Песни», то этим проблема социального фона будет разрешена лишь в общей форме. В «П. о Р.» отразились *два периода* развития воинского сословия: а) конец до-рыцарского и б) начало рыцарского (см. § 3,а). Который

из этих двух моментов преобладает, конечно, очень трудно определить (наша наука не изобрела еще для этого точных весов). Но мы в настоящем введении сочли нужным особенно подчеркнуть значение первого периода, в который, по нашему убеждению, сложился остов сюжета, а также основные элементы его идейной и эмоциональной концепции (§ 2).

Мы поступили так потому, что в последнее время в науке возобладало мнение, будто «П. о Р.» возникла на рубеже XI и XII вв. и никаких литературных корней в прошлом не имеет. В § 3 мы постарались выяснить эти корни. Здесь же подчеркнем только, что по крайней

Рыцарь с копьём
С печати Тибо IV, графа
де Блуа (1138 г.)

Рыцарь с копьём
С печати Гильома II, графа
Невера (1140 г.)

мере все политическое мировоззрение «Песни» гораздо больше подходит к каролингской, нежели к капетингской эпохе.

Самым важным является то, что в «П. о Р.» империя преобладает над церковью, что эти два института еще не находятся в состоянии борьбы за власть — борьбы, под знаком которой проходит вся вторая половина XI в.

Особенно характерно индифферентное отношение к папе, фигуре в каролингскую эпоху, действительно, второстепенной, но разросшейся в могучую силу к началу крестовых походов. Об этой враждебной императору силе в «П. о Р.» нет и помину: «Песнь» звучит так, точно Каноссы (1077 г.) никогда не было.

3) Самый вопрос об отражении в нашей поэме так называемых «крестовых походов» тоже нуждается в расчленении. В интересующий нас отрезок времени (778 — 1100 гг.) крестовые походы пережили три фазы:

а) Борьба империи с мусульманами в Южной и с язычниками в Восточной Европе (VIII, IX и X вв.).

Мы стараемся показать, что идеология «крестового похода» не только уже существовала в своих основных чертах, но даже вкладывалась (с IX в.)¹ в рассказы о походах Карла Великого и Людовика Благочестивого в Испанию.

б) Начало испанской «реконксты» (XI в.)¹. Согласно новейшей теории (Бедье — Буасонад), участие французских рыцарей в этой войне послужило главным стимулом к сложению «П. о Р.». По нашему мнению (см. § 2, б, 4 и § 3, а, б), в тексте «Песни» нет ничего, что указывало бы на влияние именно этих походов; оно, конечно, возможно, но черты его в нашей поэме совершенно неуловимы. С этой теорией, впредь до приведения новых доказательств, можно не считаться.

Рыцарь с мечом на коне
По печати Гюи IV, графа
Лавалья (1095 г.)

в) Крестовые походы *par excellence*, т. е. движение в Палестину (с 1095 г.). Сильно сказались они только на «Эпизоде с Балигантом», той

части «П. о Р.», которую большинство исследователей считает позднейшей вставкой. В самом корпусе поэмы почти нет специфических черт, относящихся к этим походам.

4) Влияние рыцарского периода (помимо вышеупомянутой социальной окраски) сказалось и в создании нашему сюжету международной и междусословной популярности в Западной Европе. В эпоху своего расцвета рыцарство не только политически и экономически воз-

¹ Реконкста — обратное отвоевание Пиренейского полуострова у арабов.

обладало над остальными слоями, но и вовлекло их в свою культурную сферу: вызвало у них интерес к своим интересам, идеализацию своих общественно-моральных идеалов, обработку своих литературных сюжетов. В § 4 мы сделали попытку показать, как вместе с отмиранием рыцарского миропонимания отмирает и сказание о Роланде, и проследить связанные с этим литературные процессы.

5) В спорах об истории «Песни» проблема ее формы была почти позабыта, и некоторые устаревшие воззрения продолжают некритически передаваться из поколения в поколение. Насколько это возможно в краткой вступительной статье, мы пересматриваем проблему поэтического языка «П. о Р.» и указываем направление, в котором должны идти дальнейшие поиски. В переводе мы стараемся передать стиль «Песни», охарактеризованный нами как преимущественно «плеонастический». В отношении метрики наш перевод представляет одну из участвовавших в последнее время попыток воспроизвести по-русски силлабический стих.

Как один из наиболее законченных и красочных памятников воинской литературы, в частности, как выражение психологии рыцарства в момент бурного подъема и энергичной борьбы за гегемонию, «П. о Р.» еще и сейчас вполне заслуживает интереса со стороны наших читателей.

І. ИСТОРИЯ

§ 1. Сложение «Песни»

а) *Тексты*

Начнем с перечня вариантов «Песни», которые мы далее, в отличие от вариантов всего сказания о Роланде, будем именовать «рукописями».

1) *Оксфордский текст* (O), асонансированный — 3998 стихов.

Рукопись относится приблизительно к 1170 г. и представляет копию, сделанную англо-нормандским писцом с оригинала, диалект коего не выяснен. Список сделан тщательно, и сохранность рукописи тоже вполне удовлетворительна. Лишь в очень немногих местах текст требует обязательного восполнения или исправления с помощью других рукописей.

Оксфордский текст дает несомненно самую архаическую форму «П. о Р.», что, конечно, не исключает возможности сохранения отдельных древних черт и в остальных рукописях. Поэтому настоящий перевод сделан с Оксфордского текста. Из других рукописей внесено только то, без чего получалась явная лакуна или бессмыслица. В основу положено критическое издание Дженкинса («La Chanson de Roland» Oxford Version, ed. T. A. J e n k i n s [D. C. Nath and C^o] Boston, New-York, Chicago, London, s. a.); но использованы также издания G a u t i e r (Tours, 1900) и V é d i e r (Paris, Edition d'Art, 1925 и его же комментарий, 1927).

2) *Венецианский асонансированный текст* (V 4), рукопись XIV в. на так называемом франко-итальянском языке (см. § 1, б) — 6012 стихов.

3) *Рифмованные тексты, рукописи Шатору, Венецианская* (V 7), *Парижская, Лионская, Кембриджская* — в каждой более 8000 стихов. Все это — обычные для

XIII и XIV вв. переработки старых поэм в сторону многословия и уточнения рифмы с наклонностью к «романическому» развитию сюжета (см. ниже § 3, д).

Из долгих споров о соотношении рукописей выяснилось, что О является представителем особой группы, отличной от других, которые вместе составляют так называемую группу α, характеризующуюся, главным образом, большой вставкой в конце (см. прим. к ст. 3675).

Очевидно, однако, что группы О и α являлись далеко не единственными разновидностями «П. о Р.» в XII в.

«Ruolantes Liet» — перевод баварского священника К о н р а д а (К), сделанный около 1131—1133 гг. — стоит ближе к V4, чем к О, но нечего и думать о том, чтобы причислить его к группе α, так как он не знает вышеупомянутого специфического для этой группы прибавления и дает подробности, неизвестные ни одному французскому тексту (см. прим. к ст. 97).

Несомненно по какой-то песне (а не по прозаическому рассказу) составлена школьная латинская поэма XII в. «Песнь о предательстве Гвенонч». Оригинал, по всей видимости, представлял вариант, весьма отличный от сохранившихся старо-французских текстов и, может быть, даже более древний, чем О (?).

Две компиляции — древне-исландская «Карламагнуссага» первой половины XIII в. и гаэльский роман «Samruen Charliamen» — основаны, повидимому, опять-таки не на одном, а на нескольких вариантах «П. о Р.».

б) Место сложения

Такое разнообразие вариантов показывает, что на рубеже XI и XII вв. «П. о Р.» многократно перепевалась и, вероятно, во всех концах территории, на которой господствовал французский язык. В самом деле, оба старейших по форме (асонансированных) текста сохранились на двух противоположных окраинах этой территории и являются как бы «переводами» на окраинные диалекты с *неизвестных нам оригиналов*.

Оксфордский текст возник в Англии, где после 1066 г. т. е. после нормандского завоевания, литературным языком высшего общества стал французский. Скоро там образовался некий литературный центр: туда сте-

нались труверы, там возникла своя французская историография, там перепевались и приспособлялись к придворным вкусам кельтские сказания об Артуре и Круглом Столе, там развивался французский театр¹. Неудивительно поэтому, что там же пелась и была зафиксирована одна из популярнейших героических эпоей — «П. о Р.». Несомненно, однако, что не там она возникла. Оксфордский текст отстывает от обычного англо-нормандского диалекта и являет пестроту, свойственную копиям с иноземных оригиналов; но скудный лингвистический материал того времени не позволяет отнести извод к какому-нибудь определенному материковому наречию.

Венецианский текст написан, как сказано, на особом искусственном, так называемом «франко-итальянском» языке, на котором никто не говорил и которым пользовались итальянские жонглеры, перепевавшие для своих земляков французские поэмы. Италия не обладала собственным национально-героическим эпосом. Этот товар импортировался из Франции странствующими певцами, которые даже не трудились переводить, а, пользуясь родством языков, просто несколько приспособляли французские слова к итальянскому произношению². Позади этой диковинной огласовки, конечно, тоже нельзя распознать основного французского диалекта. Если, к тому же, принять во внимание, что оригинал О и оригинал V4 не тождественны, то вопрос еще усложняется.

Внутренних индий для локального прикрепления «Песнь» не содержит: в ней воздается честь и нормандцам (ст. 171, 3049), и анжуйцам (ст. 106, 3806), и собственно-французам из Иль-де-Франса (ст. 3032). Невозможность опираться на эти похвалы при выяснении родины песни доказывается хотя бы хвалебным

¹ Древнейшая французская мистерия («Адам») дошла до нас в англо-нормандской рукописи.

² Русский читатель может себе приблизительно представить, какого рода этот язык, если прочтает какой-нибудь польский текст XVI — XVII вв., переделанный для пользования русских, например, следующее место из Хронографа: «Тогда древо солнечное индейским языком отповедало: ты звитежца света и пан естес, але царства оцовскаго пожадных часех не увриш».

отзывом о баварцах в ст. 3030—3031: ведь певец, во всяком случае, не был немцем. Все предпочтения, отдаваемые отдельным племенам, могут объясняться двойко: либо один автор песни был связан так или иначе со всеми тремя дворами (королевским, нормандским и анжуйским), либо «Песнь» перепевалась разными жонглерами перед различными дружинами, так что в нее постепенно вставлялись лестные для данной аудитории замечания. Среди всех этих набегующих друг на друга волн исследователю все труднее становится нащупать дно: нога уходит в зыбучий песок.

в) *Время сложения*

То же, пожалуй, даже в большей мере происходит при попытке определить время возникновения «П. о Р.», как таковой, т. е. как эпической поэмы о Ронсевальской битве в 10-сложных силлабических стихах. Самый стих засвидетельствован уже в X в. (Кантилена о св. Евлалии), но «П. о Р.» является первой светской поэмой в этой форме.

Древнейшее свидетельство о существовании «Песни»¹ принадлежит Вильгельму Малмсберийскому, написавшему свои «Деяния английских королей» между 1114 и 1125 гг. Он передает, что перед битвой при Гастингсе (1066 г.), в которой решилась судьба англо-саксонского государства, нормандцы Вильгельма Завоевателя в песне поминали Роланда:

«Тут, затянув «Песнь о Роланде» (Cantilena Rolandi), дабы воинственный пример сего мужа распалил бойцов, и, призвав помощь божию, завязали сражение»².

¹ Другие источники (Рауль Канский, Ордерик Виталис) указывают лишь на существование сказания и на популярность Роланда и Оливьера в начале XII в.

² Англо-нормандский поэт Вассе (Wasse) в поэме «Деяния нормандцев» (около 1160 г.) уточняет картину: жонглер Тайльфер якобы «шел перед герцогом (Вильгельмом) и пел про Карла и Роланда песнь, про Оливьера и вассалов, что полегли у Ронсевалья». Выдумал ли он сам этого Тайльфера? Вернее предположить, что он передает распространенное предание, древности коего нельзя ни утверждать, ни отрицать.

Нет никаких разумных оснований опорочить это свидетельство; как бы то ни было, из него с несомненностью явствует, что около 1114 г. (и, конечно, даже в юности Вильгельма Малмсберийского) «П. о Р.»

Жонглер

С латинского манускрипта
Национальной библиотеки
(XI век)

считалась наследием давних предков, которые привезли ее в Англию с материка. Если бы «Песнь» возникла, как думают многие, только во время первого крестового похода, т. е. около 1100 г. (в качестве произведения одного поэта), то и Вильгельм говорил бы о ней как о новинке. Что же касается мест, свидетельствующих о знакомстве с обстановкой крестовых походов (упоминание об армянах, печенегах и т. п. — см. прим. к ст. 3220 — 60), то эти места могут быть поздними вставками, тем более, что все они встречаются только в так называемом «Эпизоде с Балигантом» (см. прим. к ст. 2609), истинность коего весьма сомнительна. Ведь мы знаем, что

другие тексты вставили ряд эпизодов, которых нет в О. Почему же в О не может быть многого, чего не было в старой песне?

Таким образом, мы о древности «Песни» только и можем сказать, что она могла возникнуть не позже 20-х годов XII в. и не раньше конца 778 г. (когда умер Роланд).

2) Авторство

Из всего вышесказанного следует, что и о способе сложения «П. о Р.» мы не можем утверждать ничего определенного. Упоминание о некоем Турольде (см. прим. к ст. 4002) и каком-то его отношении к Оксфордской рукописи ничуть не помогает решению вопроса. Менее всего вероятно, что Оксфордский текст вышел из-под пера одного автора точно в таком виде, в каком он дошел до нас, т. е. что он сложен не по другой поэме, а по прозаическим источникам. Правда, «Песнь» ссы-

ляется на какие-то «Деяния франков» (см. прим. к ст. 1443); но ведь она же ссылается и на показания св. Эгидия (ст. 2096), жившего более чем за сто лет до Роланда. Вообще нельзя верить жонглеру, когда он «хочет свою образованность показать» или придать вес своим словам ссылкой на авторитеты.

Тезис о единоличном авторстве (поддерживаемый Жаненом, Беккером, Бедье, Буасонадом, Дженкинсом и др.) возник в противовес старой «теории кантилен», которая предполагала, что большие эпопеи (в роде «Илиады», «Нибелунгов», «П. о Р.» и т. п.) возникли из слияния отдельных малых песен. Эта теория в настоящее время оставлена. Но значит ли это, что «Песнь» сложена непременно сразу и непременно в том виде, какой дает нам О?

Какие основания есть у нас полагать, что О — самый первый вариант? Обыкновенно сравнивают его с другими рукописями и, находя в них что-либо дилнее по сравнению с О, говорят, что это поздние «прибавки». Но когда в латинских вариантах XII в. не находят «посольства Бланкандрина» и «эпизода с Балигантом» (см. прим. к ст. 122, 2609) — тогда утверждают, что они «опустили» эти места. Таким путем мы ничего не добьемся.

Главным аргументом в пользу единоличного авторства О является то впечатление цельности, которое эта версия производит. Но разве большинство русских былин не производят точно такого же впечатления единства? А между тем мы знаем, что они перепадаются бесконечное число раз и что отдельные сказители вносят в них всякие изменения.

Вполне вероятно, что «П. о Р.» складывалась точно таким же образом, а О есть лишь одно из звеньев

Жонглер
С латинского манускрипта
Национальной библиотеки
(XV век)

в цепи этой эволюции. Доказать это положение, конечно, нельзя; но правдоподобность его поддерживается следующими соображениями.

Сравним разные рукописи (в особенности рифмованные) между собой. Бедье с удивлением останавливается перед тем обстоятельством, что строфы, описывающие тот же эпизод, и даже стихи, выражающие ту же мысль, крайне редко совпадают по форме выражения. Это можно объяснить только тем, что жонглер не имел перед собой писанного текста, а перепевал по памяти; запомнить от 4000 до 8000 стихов слово в слово было невозможно; поэтому он запоминал только ход событий и важнейшие тирады, а затем импровизировал заново одни и вариировал другие тирады. Повторяем, что нет оснований исключать жонглера О из этого правила. Далее, в О имеются неустрашимые противоречия (см. прим. к ст. 564, 769, 792), что, впрочем, возможно и при единоличном авторстве.

Но главным признаком, говорящим в пользу нашего понимания, кажется нам следующее место (ст. 926), где «Песнь» впервые упоминает о мече Роланда, Дюрандали. Певец вводит Дюрандаль так, как будто он уже предполагает знакомство читателя с этим мечом.

(925) Vedez m'espede, ki est e bone e longe,
A Durendal jo la metrai encontre.

Видите меч? он и долгов и прочен:
Его скрещу я с Дюрандалью вскоре.

Такой способ мало вероятен для поэта, который бы сам выдумал эту Дюрандаль, но весьма вероятен для сказителя, который знает, что слушатели его уже не раз слышали о Роланде и его мече. Очень может быть, что в более старой песне меч Роланда впервые упоминается на месте теперешних ст. 1065 — 1066 («Я Дюрандаль вонжу в тела врагов, добрый мой меч»...).

Когда же распространенность и общеизвестность этой песни стала очевидной, перпевающие сказители уже не считали нужным «представлять» Дюрандаль публике, и один из них вставил ст. 925 — 926. Вообще наш жонглер знает и предполагает известным многое, лежащее вне его непосредственной темы, как то: взятие Кордр (ст. 97), отношение Альды к Роланду (ст. 1720 — 1721), взятие Нюбля (ст. 1775) и, повидимому.

даже сказание о «грехе Карла» (ст. 2097). Словом, он — не пионер в деле прославления Карла Великого.

Итак, всего вероятнее, что мы имеем дело с коллективным, вернее, *треемственным авторством* (?). Несомненно, что некоторые (а может быть и все) авторы-перепеватели близко стояли к воинскому сословию или даже принадлежали к нему. Это явствует из подробного описания поединков и ударов, главным образом из досконального знакомства с деталями вооружения и из любовного отношения к коню (ст. 1488 — 1496) и к мечу ¹.

Был среди них, может быть, даже клирик (?) или, по крайней мере, человек, потерявший среди паломников на больших пилигримских путях и водивший компанию со священниками или школярами. Впрочем, клерикальная струя в «П. о Р.», как увидим ниже, не очень сильна (см. § 3, в).

В последней части «Песни» географический кругозор внезапно расширяется: вместо одной Испании — перед нами чуть ли не весь известный тогда мир (см. прим. к ст. 3217 — 3518). Это заставляет нас предположить, что, по крайней мере, один из последних авторов черпал сведения либо от крестоносцев 1095 г., либо от паломников, в XI в. массами двигавшихся в Палестину и являвшихся предтечами крестоносцев. Мы предполагаем, что в первоначальных версиях всего этого ближневосточного элемента не было (см. § 3, а).

Но это уже вплотную подводит нас к контроверсе о происхождении сказания, к которой мы теперь и переходим.

§ 2. Происхождение сказания

а) Историческая основа

Самый острый и спорный вопрос, связанный с «П. о Р.» представляет проблема генезиса самого сказания независимо от той формы, в которую оно облекалось на пути своего становления. Когда и где впервые стали петь или рассказывать о Ронсевальской битве? Как стал Роланд национальным героем средневековой Франции?

¹ Меч делит славу со своим хозяином: имя его должно стать известным после победы (ст. 2142 — 2143).

В основе сюжета «П. о Р.» лежит бесспорный исторический факт, засвидетельствованный несколькими хрониками и всего подробнее изложенный в «Жизнеописании Карла Великого», составленном его современником и приближенным Эйнхардом¹.

Согласно этому рассказу, Карл в 778 г. вступил в Испанию, занял ряд городов (см. «П. о Р.», 4—5) и направился в обратный путь через Пиренеи. В одном из ущелий на его аррьергард (см. «П. о Р.») напали баски. Дело происходило *темной ночью*. Враги напали *сверху* (с лесистых гор) и сбрасывали франков в долину (см. разве только «П. о Р.» ст. 2043). Баски захватили обоз (ср. ст. 755—759) и перебили всех до единого. «В этом сражении были убиты *Эггизард*, королевский стольник (*Eggihordus, regiae mensae praepositus*), *Ансельм*, пфальцграф (*Anselmus, comes palatii*) и *Хруодланд*, начальник *Бретанской марки* (*Hruodlandus, Britannici limitis praepositus*). Поражение осталось *неотмщенным*; согласно другому источнику (см. прим. к ст. 915) оно очень огорчило короля. Гибель стольника Эггизарда подтверждается подлинной его *эпитафией* (см. Приложение II), из которой мы узнаем, между прочим, точную дату Ронсевальского сражения — *15 августа 778 года*.

«Роланд» (*Röllanz*, косв. пад. *Rollant* < *Rodlant*) — правильная французская форма от древне-немецкого (франконского) *Hruodland*. Равным образом и звание маркграфа (маркиз) засвидетельствовано в «П. о Р.» (ст. 630). Итак, наш Роланд несомненно существовал, был немцем (франком), погиб в 778 г., а при жизни именовался маркграфом, т. е. военным губернатором пограничной провинции (марки), защищавшей франкское королевство от бретонцев и тянувшейся приблизительно от Вана (*Vannes*) до области Авранша². Но тут-то и начинается загадка: исторические источники, точно по уговору, молчат о маркграфе Хруодланде. Он не издал ни одного распоряжения, не засвидетельствовал ни одной грамоты, не сделал ни одного пожертвования на церковь, ничем не проявил себя в делах управления. Ни до, ни после Эйнхарда никто о нем не

¹ Полный перевод этого рассказа мы приводим в Приложении I.

² Нынешний департамент Иль-э-Вилен и часть Морбиана.

упоминает... Имя его впервые всплывает в нашей «Песни», на рубеже XI и XII вв., окруженное неожиданным ореолом славы.

После трехсот лет, отделяющих «Песнь» от события, и самое это событие и его участники предстают в совершенно другом свете, чем у Эйнхарда.

Перечислим важнейшие изменения:

а) поход, начавшийся и закончившийся в 778 г., превращен в семилетнюю войну;

б) бесславное побоище превратилось в героическую борьбу немногих против многих, с блестящими подвигами и поединками (которых на деле никто не мог бы видеть, так как, если верить Эйнхарду, резня происходила под покровом ночи); кроме того, честь франков омыта мезтью;

в) баски заменены сарацинами;

г) введен целый ряд посторонних лиц из VIII (Турпин, Одджер), IX (Гуенелон) и X (Джефрейт) веков;

д) напротив, исчезли самые видные и именитые участники события, Эггихард и Ансельм, которых Эйнхард называет в первую голову, так как по чину они были выше Роланда;

е) наконец, — и это самое удивительное, — никому неизвестный Хрудланд возведен на вершину общепризнанной славы, стал племянником императора и покорителем всей Западной Европы.

Вокруг вопроса о том, как и когда произошли эти метаморфозы, собственно говоря, и вертится весь спор.

б) Время возникновения сказания

Все разнообразие мнений по вышеуказанному вопросу можно обобщенно сгруппировать в две теории:

А) теория постепенной эволюции сказания;

Б) теория внезапного возникновения в XI в. (причем О признается почти дословным повторением искомого извода).

Согласно теории (А), сказание начало развиваться немедленно после события (может быть, даже в самой дружине покойного маркграфа) и, постепенно обогащаясь в устной передаче новыми мотивами, было в XI в. впервые занесено на пергамент (Г. Парис. Мюллер и др.). Объяснение это, будучи в принципе вполне естественным и простым, страдает одним недостатком,

а именно: ни одно из предполагаемых звеньев эволюционной цепи не сохранилось, так что, в сущности, пропасть между событием и «Песнью» заполнена гипотетическими величинами. Словом, теория (А) правдоподобна, но недоказуема.

Ей противопоставляется новая теория (Тавернье, Бедье, Беккер, Буасонад и др.), более сложная, но наталкивающаяся в своей аргументации на такие трудности, которые делают ее и недоказуемой и неправдоподобной.

Основные положения теории (Б) можно вкратце свести к 4 пунктам:

1) *Молчание памятников* до «П. о Р.» указывает на то, что в промежутке между VIII и XI вв. вообще не существовало никаких сказаний, а тем более песен о Роланде.

2) Первые легенды (fictions) возникли в *духовной среде* и были приурочены к церквам, где покоились останки ронсевальских героев.

3) В XI в. какой-то *клирик* сопоставил эти местные легенды с *писаными трониками* и создал из этого гениальную эпопею, «П. о Р.», почти в том же виде, в каком она сохранена Оксфордской рукописью.

4) Стимулом к созданию церковных легенд и самой «Песни» послужил *интерес к Испании* и борьбе с сарацинами, усилившийся благодаря походам французских баронов за Пиренеи в XI в. (когда различные испанские властители призывали их на помощь против мавров) и поддерживавшийся, кроме того, паломничеством к св. Иакову Компостельскому. Разберем эти пункты по порядку.

1. Прежде всего — отсутствие памятников эпоса. Как известно, до нас вообще не дошло ни одного памятника французской мирской поэзии, который был бы старше «П. о Р.». В самом деле, вплоть до конца XI в. включительно светские песни (на национальных языках) считались недостойными того, чтобы тратить на них пергамент¹. Значит ли это, что их вовсе не было?

¹ Это правило действительно для всей континентальной Европы, и мы могли бы с тем же успехом отрицать существование немецкой героической поэзии до XII в., если бы случайно на старом переплете не сохранился отрывок из песни о Хилтебранте (VIII — IX век).

Если твердо стать на эту точку зрения и быть последовательным, то надо заключить, что «П. о Р.» есть вообще первое героическое стихотворение на французском языке, так сказать, первый младенческий лепет французского эпоса. Такого абсурда никто из сторонников теории (Б) и не утверждает: все признают, что были более ранние песни, но что они не старше XI в. Этим они подрывают крепость своей позиции, заключающуюся в отказе оперировать с гипотетическим материалом. В самом деле, если признать существование несохранившихся песен, то почему эти песни не могли относиться, между прочим, к Роланду и не могли быть старше XI в.? Что за грустная картина народа, который в течение трех веков ни о чем не поет (ведь и лирическая поэзия тоже не сохранилась) и только предоставляет клирикам сочинять духовные стихи!

2. «П. о Р.» якобы возникла из церковных легенд, распространявшихся по путям больших паломничеств. Это положение звучит крайне странно в устах тех, кто отказывается признать песенные источники, потому что они «не сохранились». Ведь и церковные легенды о Роланде тоже не сохранились, а у них было больше шансов на запись, чем у мирских песен. Не значит ли это заменять икс игреком? В самой обработке «Песни» нет ничего такого, что бы непременно требовало церковного источника. Достаточно сравнить ее с «Историей Турпина» (см. ниже), клерикальной обработкой того же сюжета, чтобы обнаружить капитальную разницу. Там все действие приводится в движение святыми (главным образом св. Иаковом), на каждом шагу совершаются чудеса, самые герои — святые (beatus Turpinus, beatus Rotholandus); много чисто школьной учености (рассуждение о семи свободных искусствах, об идоле Магомета). В «П. о Р.» действуют смертные люди и земные страсти: ход действия определяется враждой Гуенелона к Роланду; совершается всего одно чудо; святые патроны церквей (это самое важное) никак не участвуют в развитии сюжета.

3. Итак, если мы отбросим все гипотетические промежуточные звенья, то нам остается только заключить, что «П. о Р.» возникла непосредственно из Эйнхардова «Жизнеописания». Правдоподобно ли это? Почему этот копавшийся в истории поэт вычеркнул имена Ансельма и Эггихарда и заменил их лицами, не имев-

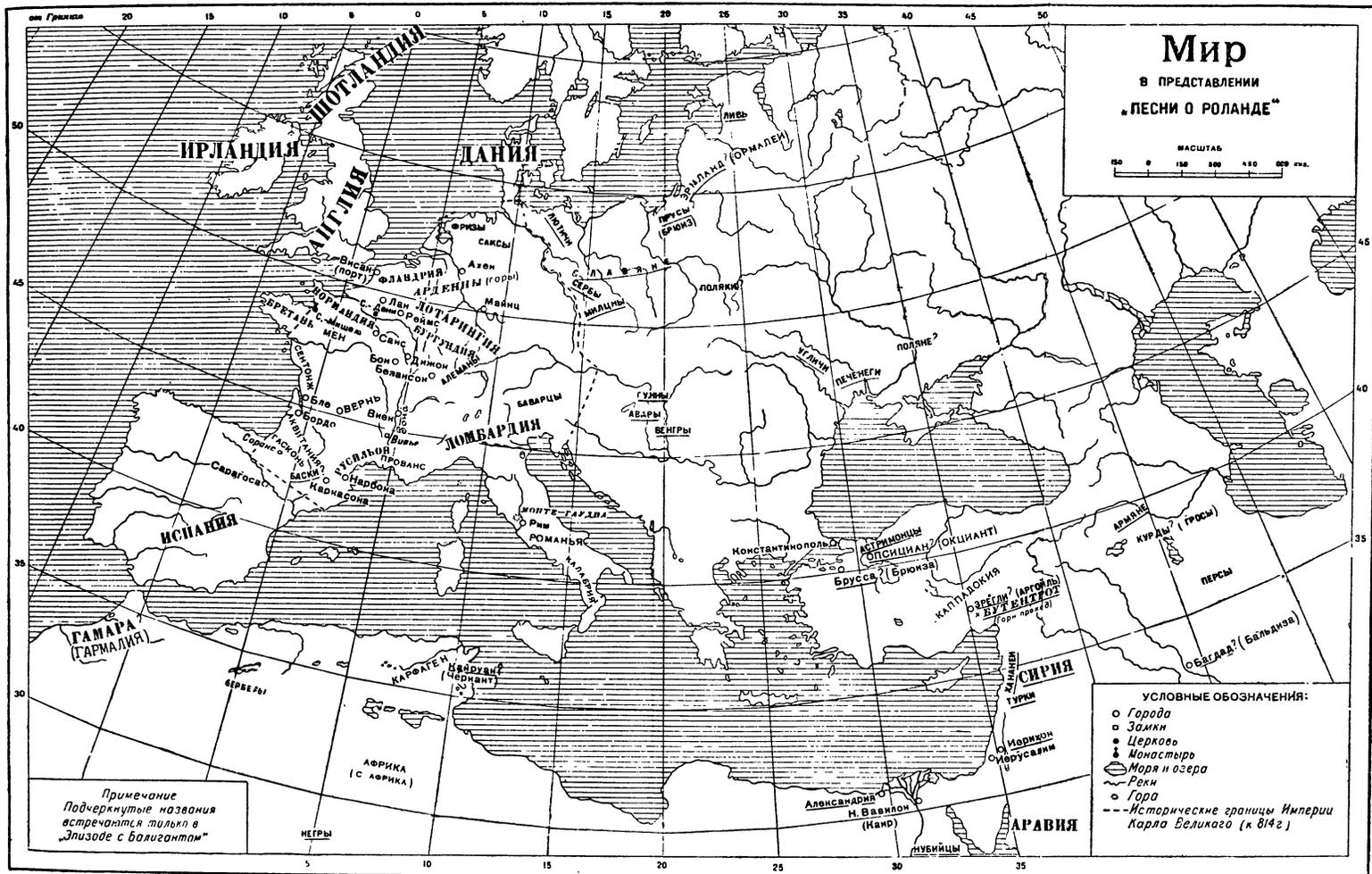
шими никакого отношения к походу 778 г.? Что могло побудить его выделить и возвеличить именно Роланда, которого Эйнхард ставит на последнее место? Почему он выбрал своей темой именно поражение франков, притом *поражение бесславное* и давно исчезнувшее из памяти потомков? Словом, без дополнительных источников (кроме Эйнхарда) нам не обойтись. Ту или иную эволюцию необходимо признать.

4. Теперь спрашивается: можно ли и нужно ли помещать начало этой эволюции в XI в.? Бедье думает, что раньше для этого не было стимула, что сказание о Ронсевальской битве никого не заинтересовало бы до того времени, пока не появилась *идея крестовых походов* против испанских мавров. Идея же эта якобы зародилась в XI в., когда французские бароны со своими дружинами толпой переходят Пиренеи на помощь испанским христианам. В обстановке этих походов якобы возникла «П. о Р.»¹.

Но, прежде всего, никакого явного влияния походов XI в. мы в «П. о Р.» не обнаруживаем. Особенно важно следующее обстоятельство: в этих походах главную роль играли кастильцы, наваррцы, арагонцы, каталонцы; любопытно, что при обширнейшем этнографическом диапазоне «Песни» эти народы в ней отсутствуют; о них не сказано ни добра, ни худа. Анахронизмов «П. о Р.» не боится, и, если бы автору эти народы были известны, он не постеснялся бы всадить и их в эпоху Карла Великого. Не заставляет ли это предположить, что Испания здесь рисуется скорее такою, какой застал ее Карл в 778 г. или Людовик в 800 г., когда еще речи не было о вышеперечисленных народах-реконкистадорах?

Далее, автору приписывается близкое знакомство с *географией Испании*. Буаснад даже настаивает на том, что автор жил в долине Эбро и писал в кругу лиц, участвовавших в походах XI—XII вв. Но приглядимся поближе. Мы можем даже оставить в стороне то, что автор помещает Сарагосу на горе (см. прим. к ст. 6). Обратим внимание на географическую номенклатуру. Из двадцати семи имен, относящихся к Испании, не искажены и легко узнаваемы только семь: Aspre — Аспе, Certaigne — Серданья. Cizere — Сиз,

¹ В é d i e r. Légendes épiques, III, 368, 451 и др.

Мир

в ПРЕДСТАВЛЕНИИ
„ПЕСНИ О РОЛАНДЕ“

МАСШТАБ
1:500 000

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Города
- Замки
- ⊕ Церковь
- ⊖ Монастырь
- ⊕ Моря и озера
- ~ Реки
- ▲ Гора
- - - Исторические границы Империи Карла Великого (к 814г)

Примечание
Подчеркнутые названия
встречаются только в
„Эпизоде с Базигантом“

Galice — Галисия, Moriane — Мориана, Sarragose — Сарагоса, Tu (d) ele — Тудела. Труднее узнать пять: Balasguet — Балагер, Cazmarines — Камариньяс, Moineigre — Монегрильо, Pine — Пенья, Valterne — Валь-

Бой крестоносцев с мусульманами
С витража в аббатстве Сен-Дени (XII век)

terra. Спорны пять: Cordres (Кордова или Кортес?), Noples (Напаль или Ноблехас?), Sebre (Эбр или Сегре?), Sibilie (Севилья или Севиль?), Tortelose (Тортоса или Тортолес?). С натяжкой поддается идентификации: Brigal (Барбергаль). Остальные девять: (Belferne, Comibles, Durestant, Gelne, Haltilie, Mar-

brise, Marbrose, Primes, Valtenebre) или искажены до неузнаваемости, или просто выдуманы. В общем, эта география менее всего свидетельствует о том, что Оксфордский текст (или «близкий к нему» подлинник) составлялся на месте действия. Можно думать, что земляки Турольда из Туделы (см. прим. к ст. 4002, 4, в) были бы крайне шокированы как коверканием повседневно слышимых ими имен, так и вызыванием из небытия совершенно фантастических местностей вроде Марбризы и Марброзы. Вернее будет утверждать, что эта номенклатура могла попасть в «П. о Р.» в какое угодно время и каким угодно путем (например, по рассказам воинов или паломников); но чем дальше от Испании мы отодвинем место возникновения Оксфордской *версии*, тем легче будет объяснить вышеприведенные искажения (см. также § 3, а β).

Теперь переходим ко второму аргументу, к *идее крестового похода в Испанию*. Повидимому, никто не станет отрицать, что своею популярностью в XII и XIII вв. сказание о Роланде обязано именно идеологии крестовых походов (только вряд ли походов в Испанию, а вернее в Святую Землю), что на почве этого умонастроения и началось пышное развитие и, главным образом; широкое распространение нашего цикла. Но это еще не значит, что идея крестового похода (т. е. войны христиан против нехристей, как «правого» и «богоугодного» дела) была внесена в наше сказание только в XI в. Напротив, мы с достоверностью можем утверждать, что это произошло *никак не позже IX в.* Действительно, так называемый Астроном, писавший около 840 г., в своем «Жизнеописании Людовика императора» (см. прим. к Приложению I) повествует:

«Лета 778... постановил он (Карл Великий), преодолев трудности Пиренейских гор, направиться в Испанию и, с Христовой помощью, *помочь церкви, страдавшей под жесточайшим игом сарацинским*» (laborantique ecclesiae sub Sarracenorum acerbissimo iugo suffragari).

Так как реальный поход 778 г. никакой такой цели не преследовал ¹ (напротив, Карл выступал в качестве

¹ Более ранние так называемые «Эйнхардовы Анналы» (MGH, SS. I, 159) под 778 годом дают: «Тогда, убежденный доводами вышеуказанного сарацина (ибн-ал-Арби)

союзника одних сарацин против других), то ясно, что объяснение Астронома носит *чисто идеологический характер*. Это и есть «идея крестовых походов» в первой своей стадии. Идея эта была крайне популярна в IX в. Благочестивая цель (освобождение церквей) приписывалась и предполагавшемуся походу Карла Лысого в Испанию (около 850 г.)¹, и итальянскому походу императора Людовика II (в 868 г.)². Знаменитые поэты (например, Седулий Скотт) прославляли победы франков над арабами, и победы эти считались делом рук божьих (см. § 3, а).

Идеология эта питалась и развивалась во время упорной борьбы Людовика Благочестивого (781 — 814 гг. — король Аквитании, 814 — 840 гг. — император) и других Каролингов с испанскими и итальянскими сарацинами³. Во всяком случае, нам достоверно известно, что поход 778 г. рассматривался именно в таком свете и что, стало быть, участники его уже в IX в. (а вовсе не в XI в.) могли прослыть *бойцами за веру*.

Но как среди этих бойцов выдвинулся маркграф Роланд? Был ли он чем-либо замечателен до сражения? А если был, то почему молчат о том историки? Это до сих пор остается неразрешимой загадкой⁴,

и не напрасно преисполнившись *надеждой на завоевание некоторых городов в Испании* (*spem capiendarum quorundam in Hispania civitatum*), Карл, собрав войско, выступил в поход и, перейдя Пиренейский хребет в области басков, прежде всего подступил к Памплоне, наваррскому городу, и принял ее в подданство». Это тот же рассказ, но без «идеи крестового похода».

¹ В «Книге Откровений» Аудрада Модика (*Abh. d. Baug. Akademie, XIX, 384*).

² *Adonis Chronicum* (MGH, SS. II, 323).

³ Подробное обоснование этого положения см. у Ярхо «Юный Роланд» (изд. «Academia» и ГАХН, 1926 г.), стр. III и сл. Оно отчасти уже получило признание на Западе (*A. N ä m e l. Neue Jahrbucher für Wissenschaft, Berlin 1, 39*). Даже чрезвычайно неблагоприятная (впрочем, дилетантская и легковесная) рецензия в «*Romania*» 52, P. 1926, pp. 522 — 525, признает убедительность *этой части* работы.

⁴ Менее всего способны разрешить ее те, кто возводит «П. о Р.» к Эйнхарду. Нельзя объяснить хода мыслей,

и ничего кроме гипотез по этому вопросу не имеется¹.

Как бы то ни было, уже с VIII—IX вв. имелись налицо все данные для *возникновения* сказания и для его *развития*, к описанию коего мы и приступаем.

§ 3. Развитие сказания

а) Героическое развитие

Сказание это в светской своей обработке пошло с самого начала по пути *героизации* участников Ронсевальского побоища. Это был первый шаг в сторону вымысла, если верить Эйнхарду: в ночной свалке с незримым, издалека стреляющим противником никто не мог ни быть героем, ни видеть чужое геройство. И, однако, предание об этом сражении превратилось в

по коему певец откинул Ансельма и Эггихарда и почему-то возвеличил Хруодланда, да еще придал ему вместо засвидетельствованных товарищей какого-то нигде не засвидетельствованного Оливьера.

Действительно, те памятники, которые знакомы с Эйнхардом, склонны сохранять его показания или согласовывать их с песнями. Во всяком случае, знакомство с Эйнхардом сразу явственно обнаруживается. Например, в «Каролинусе» Э г и д и я П а р и ж с к о г о (около 1200 г.):

Здесь же и граф Ансельм погиб средь кровавого ливня
Дротов, и с ним Эггебард, управитель в дворце королевском,
Пал и начальник земель, пограничных с Бетанью, что между
Неисчислимы исчислен, Роланд, сражен был, сословья
Рыцарей доблестный цвет, носивший оружие с честью.

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что жонглеры «П. о Р.» в глаза не видали Эйнхарда.

¹ *Гипотеза*, изложенная в работе «Юный Роланд», так же недоказуема, как и все остальные; зато она правдоподобна и, главное, объясняет стимул возникновения и развития сказания. Стоит только поверить песням в том, что Роланд действительно был «племянником» (сыном сестры) Карла, чтобы стали ясными и интерес к его личности, и молчание современных источников, и незаслуженная слава Ронсевальского побоища. Но здесь не место для гипотетического материала; интересующихся отсылаем к самой книге;

серию подвигов, совершенных во славу франкского оружия и христианской веры против поганых сарацин. Превращение басков в арабов тоже содействует «героизации», так как чем грознее противник, тем славнее бой. Конечно (и в этом нет разногласия между исследователями), для вышеописанного процесса нужна соответствующая историческая обстановка, которая питала бы интерес к такого рода борьбе. А интерес этот, как мы показали, мог существовать и в VIII, и в IX, и в XI вв. Немудрено поэтому, что слава героев росла из века в век и что сказание не умерло, а, напротив, обогащалось чертами каждой эпохи.

Всматриваясь в тот социально-исторический фон, на котором разыгрывается действие «П. о Р.», мы явственно различаем по крайней мере два слоя красок (промежуточные слои от нас ускользают).

«Дорыцарский период» с экономической стороны характеризуется тем, что основу землевладения составляют по преимуществу аллоды (вотчины) и непрочные бенефиции (земли, отданные во владение или пользование). В социальном отношении преобладают свободные землевладельцы крестьянского типа, из которых набирается войско; высшее сословие состоит по преимуществу из придворной знати (а в некоторой своей части еще из потомков франкских «эделингов»). Культурную верхушку составляют монастыри, вокруг которых (в особенности после смерти Карла Великого) сосредоточивается вся высшая литературная деятельность; светская поэзия считается простонародной и недостойной записи; в начале этой эпохи при дворе еще держится немецкий (франконский) язык, но к концу IX в. двор романизуется. В политическом отношении нынешняя Франция еще чувствует себя частью Империи, и французские (австразийские) короли претендуют на императорскую корону; конец этого периода более или менее совпадает с пресечением каролингской династии (927 г.).

Правильнее будет сказать, что переход от первого периода ко второму во Франции совершается в течение всего X в. Поэтому-то черты X в. распылчаты, и отражение их в «П. о Р.» трудно уловить.

«Рыцарский период» в землевладении характеризуется преобладанием наследственного феода. В социальной области выдвигается сословие всадников (ritier,

chevalier), составляющих *многочисленную* (в отличие от старых «эделингов») аристократию; особенно характерна для этого периода ступенчатая структура рыцарского общества¹. В культурном отношении наряду с монастырем вырастает новый центр — рыцарский замок²; при многочисленных дворах светская поэзия на национальных языках оспаривает гегемонию у духовной и получает право на запись; в самой духовной среде белое духовенство перестает быть второстепенным культурным фактором; оно создает университеты; каноники по учености соперничают с монастырями; при епископских дворах пышно расцветает светская поэзия на латинском языке. В политическом отношении чрезвычайно важно укрепление сеньориальной юрисдикции, разделившее всю Европу на множество мелких, феодальной цепью связанных государств; Франция в этот период перестает чувствовать себя частью Империи, и франкский патриотизм сменяется французским.

а) Дорыцарский период

С этим последним вопросом о характере патриотизма в нашей поэме тесно связано установление эпох героического развития сюжета. Патриотизм этот носит явно смешанный характер. Franc и Franceis (Franc

¹ Выше всех стоит верховный государь, император или король (1-й щит), за ним следуют герцоги, маркграфы и непосредственно королю подчиненные (иммедиатизированные) графы (2-й щит); затем следуют вассалы второй группы, владельцы сеньорий с собственной юрисдикцией, большей частью бароны (3-й щит), затем — подвассалы, вавасоры, землевладельцы без сюзеренной власти (4-й щит) и, наконец, безземельные министерялы, принадлежащие все же к рыцарскому сословию. Это и есть «феодализм» в узком смысле. В последнее время и у нас и на Западе стали употреблять слово «феодализм» в таком расширенном значении, что для необходимой нам в данном случае культурно-исторической периодизации этим термином невозможно было воспользоваться.

² Очень сложного вопроса о культурной роли городов мы здесь не касаемся, так как эта сторона средневековой жизни никак не отразилась в «П. о Р.»:

de France, Franceis de France, cil de France) употребляются часто в одном смысле (см. прим. к ст. 50). Слово «Франция» (дивная, сладкая, вольная) никакого указания на эпоху не содержит: Francia в смысле «государство франков» употребляется сплошь да рядом и в каролингскую эпоху¹. Гораздо важнее то, кем населена «сладкая родина»: оказывается, что сюда входят саксы, фризы, швабы (алеманы), баварцы. Также и Лотарингия не входила в состав Франции²; ее герцоги были вассалами императора. Таким образом, родина, за которую сражаются герои, «Большая Земля», представляется нам скорее в виде каролингской империи VIII—IX вв.³, чем в виде французского королевства. Столица этого государства — немецкий Ахен («П. о Р.», ст. 135); между прочим упоминается Лан, резиденция западных каролингов; но Париж, отчина капетингского дома (ст. 927—1328), не упоминается вовсе. Претензий на такое обширное государство Франция XI в. иметь не могла; певец (или переработчик) нашел эту ситуацию в старой песне. Здесь отразилась не «героическая миссия Франции» (как думает Бедье), а «героическая миссия франков».

Расцвет франкского племенного самосознания достигает своего апогея после 800 г., когда франки стали гегемонами Запада, восстановив империю древних римлян. Первый известный по имени немецкий поэт Отфрид (середина IX в.) весь горит этим франкским патриотизмом. О своем народе он говорит так:

Они так смелы на войне, — совсем как встарь римляне,
И говорить вы не должны, что превзошли их эллины.
Берутся за дело премудро и умело.
И в поле, и в дубраве годны ко всякой справе.

.....
Ни одного народа нет, что с ними биться пробует:
Франки их отвадили, всем урок задали,

¹ Алкуин (конец VIII в.), например, пишет Карлу Великому: «Се новые Афины воссияли во Франции (in Francia), токмо гораздо знаменитейшие...»

² «Лотарингия» — «царство Лотаря» выделена в особое королевство после смерти Лотаря I (855 г.), внука Карла Великого.

³ Нормандия образовалась тоже при каролингах (911 г.).

Император Лотарь

800 — 801 г., который закончился взятием Барселоны. И отдельные мотивы и даже некоторые поэтические приемы так близки к «П. о Р.», что стоит остановиться несколько подробнее на этом факте.

Поэма открывается прославлением Людовика Благочестивого (тогда еще короля Аквитании), смирившего свирепых басков и далеко отогнавшего сарацин от своих пределов. Много городов и крепостей (*castella*, ср. «П. о Р.», ст. 4) он покорил (ст. 61 — 62). Но есть один сопротивляющийся франкам город, Барселона (ср. «П. о Р.», ст. 6), из которого мавры чинят набеги на Империю. Людовик собирает совет (ср. «П. о Р.», ст. 169), чтобы узнать мнение вождей. Сантио (Санчо), князь басков, высказывается за мир (как Гуенелон); напротив, Вильгельм Тулузский (подобно Роланду, ст. 196 и сл.) выражает свою ненависть к «черному» племени сарацин (ст. 145) и советует воевать. Король целует его за это и, велит Бигону созвать войска (ср. «П. о Р.», ст. 2950); он клянется головой, что смирит Барселону.

(269) Вот отовсюду стеклись войска по обычаю франков
(См. «П. о Р.», ст. 2999).

Перечисляются вожди и племена, участвующие в походе

(273) В стане своем Вильгельм раскинул по полю ставки,
Херипрехт и Лиутхард, с ними *Бегон и Берон*,
Сантио вождь и Либульф, и *Хильтипрехт с Хисим-бардом*

Многие с ними еще: долго их всех исчислять.

Врозь разлеглась молодежь остальная по ровному
полю
Франк и гасконец, и гот, и аквитанская рать¹.

В перечне вождей интересны соединения аллитерированных пар имен (Бегон и Берон), как в перечне перов (ст. 2402) и в других местах «П. о Р.» (Базан и Базильи, Джерин и Джерьер).

¹ Реальные народы, составлявшие войско аквитанского короля. В 3-й книге той же поэмы Людовик выступает уже императором во главе войска, состоящего из швабов (алеманов), саксов, тюрингов, бургундцев и франков (ср. «П. о Р.», ст. 3035, 3077, 3084, 3700).

Начинается осада города. Король созывает совет.

(283) Только что, светом блестя, Аврора вернулась к
людям,

Званные графы сошлись *пред королевским шатром*.

Тут, соблюдая чины, они *на траве* разместились.

Ср. «П. о Р.», ст. 669 — 673, в особенности ст. 671
(«На мураву он сел перед шатром»).

На этом совете король выражает следующую мысль:

(289) Если бы господа чтил их род и Христу поклонялся,
Если б помазан он был миром святого креста,
Мир заключили бы мы и мир охраняли бы крепко,
Дабы прочнее к творцу верою их привязать.

Ныне ж нам этот народ ненавистен: спасение наше
Он отвергает, служа власти диавольских сил.

А посему нам велит громовержца безмерная
милость

Вновь под державу его племя сие возвратить

(Ср. «П. о Р.», ст. 3595—3599 и др.).

Это, конечно, — *идеология религиозной войны*, «крестового похода».

Правитель Сарагосы, Задун, надеется на помощь Кордовского халифа (ст. 329 — 30); в расчетах Марсилля тоже важную роль играет халиф (алгалиф). Задун (ст. 423 — 426) собирает граждан и просит совета (ср. «П. о Р.», ст. 20 — 21). Так же, как Бланкандрин («П. о Р.», ст. 28 и сл.), они советуют отправить к франкам послов с просьбою о мире. Но Задун случайно попадает в плен. Франки штурмуют город (ср. «П. о Р.», ст. 3650). Умоминаются стенобитные машины (ст. 498, ср. «П. о Р.», ст. 98). «Такой битвы никогда еще не было» (ст. 499, ср. «П. о Р.»). Король с копьем в руке (ср. «П. о Р.», ст. 2492) врывается в город. Франки занимают Барселону и проводят там ночь (ср. «П. о Р.», ст. 3653), а затем уничтожают идолов, совсем как в «П. о Р.».

(531) Праздничный день наступил, и вот с веселием
в город

Сходит Людовик-король, богу исполнить обет.

Тут он очистил места, где чтились святилища беса.

(Ср. «П. о Р.», 3664—3666).

Затем, снабдив укрепления города гарнизоном (ср. «П. о Р.», ст. 3676), Людовик возвращается в свою землю (ст. 3682) и посылает весть о победе Карлу Великому. Услышав это,

(558) [Кесарь Карл] к небесам очи и руки воздел ¹.

Точь-в-точь как в «П. о Р.», ст. 137:

Руки простер к Творцу наш властелин.

Во 2-й книге Эрмольд представляет нам Карла стариком с белой, как цвет, головою (ст. 14: *florida canities*, «П. о Р.», ст. 117):

Blanche ot la barbe e tot florit lo chief,

восседающим на золотом престоле (II, ст. 5; ср. «П. о Р.», ст. 115). Карл хвалит сына за то, что тот победами «возвысил его империю» (ст. 24) и, в частности, поразил мавров (ст. 27); Роланд тоже изображается завоевателем, увеличившим империю Карла за счет неверных.

Эта картина, столь сходная со многими мотивами «П. о Р.», интересна с двух сторон. Прежде всего, это рассказ *современника*: таким образом, фактическая сторона поэмы дает нам материал для суждения о том, что описание борьбы с маврами, данное «Песнью», вполне могло возникнуть на почве событий VIII—IX вв². Кроме того, основные черты идеологии этих войн уже даны в IX в.: распространение христианства и франкский патриотизм. В этом направлении, очевидно, уже с IX в. *героизируются* участники Ронсевальской бойни.

Но еще интереснее литературная сторона поэмы Эрмольда, манера описания. Ко всем вышеприведенным параллелям здесь можно прибавить еще отдельные черты из 3-й книги, где повествуется о борьбе с бретонским вождем Мурманом (820 г.). Услышав о набегах Мурмана, император посылает к нему посла

¹ «Воздетые очи» взяты из В и р г и л и я (Энеида, II, ст. 405), а «руки» прибавлены от себя.

² Ср. «Юный Роланд», стр. 119 — 120. Там приводится ряд моментов из пиренейских войн IX в., служащих параллелями к различным перипетиям нашей «Песни».

Витхора. Посол отправляется *один и верхом*¹, как Гуенелон в «П. о Р.». Реально, конечно, одиночной поездки имперского посла быть не могло. По приезде посол произносит речь: с угрозами требует подчинения (ср. «П. о Р.», ст. 425 — 440). Выступает жена Мурмана (ср. «П. о Р.», ст. 634), но в другой роли: она науськивает князька против франков. Во время разыгравшегося затем сражения подробно описан поединок Мурмана с франком Хослом: перебранка с угрозами между противниками, причем начинает, конечно, враг (ср., напр., «П. о Р.», ст. 1190 — 1210 и др.); затем Хосл, уклонившись от Мурманова дрота,

Быстро гонит коня рогоного шпорой железной
И, побуждая его, прямо на Мурмана мчит:

(ср. «П. о Р.», ст. 1197)

«Биться не время теперь ничтожным метательным
дротом»

(ср. «П. о Р.», ст. 1361)

Крепким франкским копьём толстый висок он пробил.
Мурман железом прикрыл и темя и прочие части,
Франк же искусно сумел этот удар нанести.
На-земь свалился с коня пронзенный сулицею Мурман
(Ср. «П. о Р.», ст. 1267)

На зло и горе себе телом он землю прижал.
Франк же с коня соскочил и мечом ему голову рубит:
Жизнь, покинувши плоть, с криком далече бежит.

Спутник Мурмана убивает Хосла; отрок Хосла — этого спутника, но и сам одновременно падает от его руки (ср. такие сцены в «П. о Р.», ст. 1545, 1580, 1605 и др.). Франков хоронят с почетом (ср. «П. о Р.», ст. 2960).

По возвращении в *Ахен* происходит *судебный поединок* на конях между двумя готскими графами, из которых один обвиняет другого в измене, совершенной

¹ Ст. 89: «Витхор собирается в путь, *верхом*, чтоб исполнить веленье». «Собирается в путь» заимствовано у В и р г и л и я (Энеида, I, ст. 678, *ire parat*), а «верхом» прибавлено от себя.

в Испании. Бой происходит на том же месте, что и в «П. о Р.» (ср. прим. к ст. 3850).

Все эти мотивы (кроме судебного поединка), конечно, составляют не исторический материал, а части поэтики Эрмольда. Их сходство с «П. о Р.» приобретает особый интерес, если мы примем во внимание, что именно Эрмольд был знаком с *народными песнями о Карле Великом*:

Сколько на свете разбил он (Карл Великий) козней
Лукавого Змия,
Сколько богатых даров христолюбивым он дал.
Радостно песни о том раздаются по целому свету.
Больше в народе поют, нежели в искусных стихах.

(«П. о Р.», ст. 191)

Не из этих ли песен взяты *те черты поэтики Эрмольда, которые не восходят к Виргилию?* И не общим ли происхождением объясняются сходства с поэтикой «П. о Р.»¹? Романские народные песни, прославлявшие дорогих покойников, засвидетельствованы².

Латинская ритмическая поэзия эпохи каролингов тоже богата эпицедиями (плач по убиенным).

Итак, в IX в. имеются и *исторические условия, и идеология, и, может быть, поэтика*, нужные для «героического развития» нашего сказания. «В атмосфере постоянных походов за Пиренеи, со взятием городов и неппрочными договорами, с периодическими кровавыми неудачами, с быстрой сменой обороны и нападения, с постоянно угрожаемым тылом, благодаря предательству басков — в этой атмосфере была зачата трагическая картина Ронсевальской битвы» («Юный Роланд», стр. 121). Здесь баски (уже почти усмирённые Людовиком) сменились более грозными сарацинами; здесь война с неверными казалась перманент-

¹ Это, конечно, гораздо вероятнее, чем гипотеза о заимствовании *ученым поэтом* Турольдом (в XI в.) у Эрмольда Нигелла (см. Д ж е н к и н с, стр. XIX): куда бы девались *все* виргилианские выражения, которыми нашигована поэма Эрмольда и которых нет в «П. о Р.»? Да и вообще стиль «П. о Р.» так отличен по своим формам от любого подражания «Энеиде», что о *непосредственном* родстве не может быть и речи. (см. гл. III, Стиль).

² Ср. «Юный Роланд», стр. 102 — 103.

ной, и поход Карла Великого мог растянуться до семи лет (трафаретное «эпическое число»). Здесь же и Карл стал стариком, каковым он всегда должен был рисоваться участникам барселонского и позднейших походов. Здесь, под влиянием событий 827 г. (поражение по вине недобросовестных вождей, см. прим. к ст. 3752), могла возникнуть версия об *измене*. А в конце IX в. было пристегнуто к нашему сказанию и имя прославленного изменника Гуенелона (см. прим. к ст. 217).

β) Рыцарский период

Так объясняются старые (не подходящие к XI в.) черты нашей «Песни» и импульс, поддерживавший жизнь сказания. Но, защищая эту теорию, мы далеки от намерения преуменьшать значение позднейших наслоений. В согласии со всеми исследователями необходимо признать, что эти наслоения отмечают новый решительный сдвиг в героическом развитии сказания о Роланде. Речь идет о превращении узко-дружбинного предания в достояние всего общества не только во Франции, но и далеко за ее пределами. Необходимо считаться с фактом, что именно с этого времени сказания о Р. начинают в *восторженно-панегирическом духе* обрабатываться не только среди воинского сословия, но и в рядах духовенства (черного и белого), в городах (где им внимают и богатые купцы в своих домах, и бедные мастеровые на площади) и даже в деревнях (см. § 3, в). Это резкое повышение интереса может объясняться только резким же изменением в составе и настроении аудитории, обусловленным в первую очередь повышением социального веса рыцарства, формированием его общественных идеалов, которые вызывают к себе уважение у других сословий¹.

¹ Возвышение нового сословия (политическое и социальное) отражается также и в области культурной и моральной, в которой мнение рыцарства с XII в. становится все авторитетнее для других слоев населения. Мы имеем в виду, главным образом, первоначально пренебрежительное отношение духовенства к «необразованному» рыцарю и к его жизнепониманию, основанному на воинской доблести (т. е. на убийстве) и на возвеличении земной

Кульминационного пункта это уважение достигает в XII в. и именно в связи с крестовыми походами, укрепившими интернациональное общение рыцарей и создавшими относительное единство рыцарской культуры в Западной Европе.

Можно сказать, что весь социальный колорит героизма в «П. о Р.» принадлежит рыцарскому периоду. Кроме черт, свойственных рыцарскому обществу вообще, мы различаем также немногие элементы, которые могли проникнуть в «Песнь» только во время первого крестового похода (1095 — 1099 гг.) или, может быть, в предшествовавшую ему эпоху массовых паломничеств (2-я половина XI в.)¹.

любви (т. е. блудодеяния); однако, по мере культурного возвышения рыцарства (а также белого духовенства), это пренебрежение сменяется сначала уступками, а потом и полным признанием рыцарской морали, как наивысшего достижения для мирян. Чтобы в этом убедиться, достаточно проследить эволюцию дидактической литературы (писанной духовенством для рыцарей) от Генриха из Мелька до Томазина из Циркларии и Андрея Капеллана. Что касается идеологического влияния господствующего сословия на город, то можно привести немало примеров писателей-горожан, восторгающихся рыцарскими идеалами (Готфрид Страсбургский, Жан де Мён и др.) и притом пишущих по заказу богатых бюргеров (Конрад Вюрцбургский); даже после падения престижа рыцарства и появления в городах резкой антирыцарской литературы (начинается это со второй половины XIII в.) идеалы доблести, вежества и служения даме еще долго держатся в городах, где и хозяева и слуги зачитываются рыцарскими романами.

О том, как разбогатевший крестьянин старается подражать рыцарю, пространно повествуют Нитхарт (XIII век) и многие другие. Когда рыцарский эпос начинает проникать в деревню, нам точно не известно; но по некоторым данным и этот процесс следует отнести на границу XII и XIII вв.

¹ За эпоху паломничества (т. е. до 1095 г.) говорит только один «отрицательный», но небезынтересный факт: войны в «П. о Р.» не носят креста, нашитого на платье крестоносцев. В позднейшей (около 1130 г.) обработке «П. о Р.» священника Конрада этот знак постоянно упоминается!

Прежде всего, в империю Карла Великого введены элементы, выкристаллизовавшиеся только в течение X в., как отдельные государственно-этнические единицы: овернцы, пуатвинцы, анжуйцы. За этими элементами тянется цепь представлений о постепенном разложении и ослаблении королевской власти, мало

Рыцарь XI века
С ковра в Байе

соответствующих образу Карла Великого, символизирующему эпоху собирания земли.

Далее следует ступенчатая структура общества: Карлу подчинен Роланд, а Роланду — граф Гуальтьер-дель-Ум (ст. 801): Гуенелона провожает толпа подвассальных ему рыцарей (ст. 349). Лен у Гуенелона — наследственный: он завещает его сыну Бальдевину (ст. 315) и вассалов призывает к верности но-

Конечно, никаких решительных выводов из этого негативного факта сделать нельзя, но обратить на него внимание следует.

вому сеньору (ст. 364). Символические акты коммендации и инвеституры разбросаны по всей «Песни» (ст. 76, 223, 2373, 3213 и мн. др.). Сюда же относятся понятия капитанов (ст. 2320) и перов (см. прим. к ст. 263). Солидарность рыцарского рода, которая создается на основе наследственного лена и майоратной сеньории¹ и из которой вырастает понятие знатности: тридцать родичей закладывают свою жизнь за Гуенелона и Пинабеля (ст. 3847). Наконец, относительная самостоятельность феодала выражается в его праве объявлять вражду, «усобицу» (Urfehde), не спросив у сеньора. Право усобицы было одним из ценнейших прав феодала. Даже «имперский мир» 1103 г., пытавшийся сколько-нибудь ослабить эту войну всех против всех, признавал право всячески вредить врагу на дороге (но не в доме). Вот и граф Гуенелон считает, что раз он официально «объявил вражду» Роланду и перам, то может всеми средствами добиваться их гибели и никто не смеет назвать его преступником (ст. 3775 — 3778).

Рыцарь с мечем
С печати города Суасона (XII век)

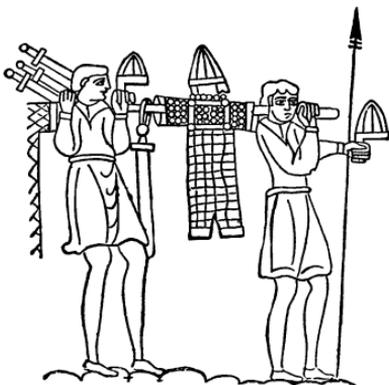
Вооружение наших героев и их военная организация тоже указывают на рыцарские времена. Очень важная подробность: все герои — *всадники*: рыцарь сражается пешим только тогда, когда конь убит или подруга лопнула. Примечательно, что *пехота* *вовсе не упоминается*, конечно, не потому, что ее не было, а потому, что не место в «героическом»

¹ Лены, не связанные с сюзеренными правами, имели тенденцию делиться (иногда даже поровну) между сыновьями. Сеньории же с собственной юрисдикцией государство стремилось сохранить за старшим в роде.

сказании всякой шушере: это — *поэтическая условность*¹.

Сюда же относится усложненное (по сравнению с каролингской эпохой) вооружение рыцарей, в особенности стальная ярмолка с бармицей, похожая на древне-русскую «мисюрьку», но носимая под шлемом (ст. 3435). Особенно характерны отличительные знаки (эмблемы?) на щитах (ст. 2531), пока еще отличающие индивидуума, но вскоре затем превращающиеся в родовые гербы.

Так как уже в каролингском обществе царило весьма почтительное отношение к знатым дамам, то очень трудно уловить специфические рыцарские черты этого рода в «П. о Р.». Показательным, пожалуй, является только одно место.

Вооружение рыцаря
С ковра в Байе (конец XI века)

(1960) Ни даме ты, ни собственной жене
Не прихвастнешь на родной стороне,
Что хоть на грош ты причинил мне вред.

Если считать, что похвальба перед женой является старой формулой (см. прим. к ст. 1960), то тем более характерным становится прибавление посторонней «дамы», может быть, уже являющейся предметом «служения» (?). Однако опасно из этого одного места делать далеко идущие выводы для эпохи, когда даже в Провансе трубадурская лирика была только в зачатке.

Теперь переходим к специальному вопросу об отражении в «П. о Р.» крестовых походов в Сирию и Пале-

¹ Испанский эпос о Сиде упоминает о пехоте, но тоже мимоходом.

(965) Мечом опоясаны, пришли с ним две сотни
Знайте, не в счет идет у них пехота.

стину. Эти походы, как известно, тянулись от 1095 г. до конца XIII в. (в 1291 г. пала последняя твердыня крестоносцев в Палестине). Ясно, что наша «Песнь» могла заставить только самое начало этого мощного движения, захватившего все государства и все общественные слои Западной Европы, бросившего сотни тысяч людей в далекий неизвестный поход, из которого большая часть не вернулась.

Для того, чтобы выяснить отношение «П. о Р.» к этому движению, мы вкратце напомним некоторые важнейшие черты, характеризующие крестовые походы в «Святую землю»¹.

а) Вначале вся организаторская роль принадлежит папству, воинствующей церкви, борющейся со светской властью за политическую гегемонию, в особенности за влияние на господствующее рыцарское сословие. Недаром Клермонский собор 1095 г., на котором папа Урбан II провозгласил 1-й крестовый поход, был одновременно днем суда над императором и над французским королем, двумя сильнейшими властителями в Европе. Крупные монархи (Конрад III, Людовик VI) примкнули к движению, вернее, были втянуты в него только в середине XII в., т. е. тогда, когда «П. о Р.» давно уже существовала в теперешнем своем виде. Но и тогда верховное руководство походами принадлежало папе.

б) Рыцарство шло в Палестину за землей, которой дома нехватало, ввиду численного роста рыцарского сословия и непрерывного дробления феодалов.

в) В силу различных условий (на которых мы здесь не будем останавливаться) к крестовым походам примкнул нерыцарский элемент: обедневшие крестьяне, торговцы, скomorохи, бродячие клирики, беглые холопы и просто бродяги. Все они нередко передвигались с женщинами и детьми, так что поход зачастую больше походил на переселение, нежели на военную экспедицию.

И вот этих-то основных черт крестовых походов XI — XII вв. мы тщетно будем искать в «П. о Р.».

¹ Так как эти факты в «П. о Р.» не отразились, то мы даем лишь голый перечень, не вдаваясь в исторический анализ, дабы не перегружать статьи не относящимся к делу материалом.

О папе — ни слова.

Не церковь, а император возглавляет и, главное, объединяет здесь борьбу с неверными (церковь в лице Турпина играет здесь ту подчиненную роль, которая принадлежала ей при каролингах).

О колонизаторских целях рыцарства ничего не говорится: герои нашей поэмы завоевывают земли не для себя (как вожди крестовых походов), а для империи.

Остальная, не рыцарская масса совершенно отсутствует.

Дело в том, что «П. о Р.» в основе своей принадлежит более древним временам, и последние перепеватели лишь слегка оживили ее веяниями новой эпохи.

Что касается специфических черт, внесенных *крестовыми походами*, то (помимо эпизода с Балигантом¹) можно привести разве только проповедь Турпина (ст. 1127 — 1135), напоминающую обычные проповеди крестовых походов, в которых павшие удалцы приравниваются к святым мученикам. Зато с «Балигантом» (см. прим. к ст. 2609) мы вступаем в совершенно новую сферу. Сразу до возможных тогда пределов *расширяется географический горизонт* «Песни». Конечно, Карл носился с идеалом царства божия на земле, сам крестил саксов, сарбвов, аваров, а сын его Людовик — сарадин и датчан; саксонские императоры X в. несли крест к своим соседям, полабским славянам, ляхам, мадьярам. Но грандиозная картина борьбы со всем языческим и мусульманским миром, нарисованная в конце «П. о Р.», — это не перспектива каролингской эпохи. Вряд ли также эта картина могла вырасти при узком кругозоре испанской реконквисты в XI в.¹ Многочисленные

¹ Здесь мы должны поставить все точки над «i». Ничто, абсолютно ничто не обязывает нас признать какое бы то ни было влияние испанских походов XI в. на «П. о Р.» (влияние, само по себе, возможное, но в нашей поэме нигде явственно не выступающее). Ко всему сказанному выше (§ 2) прибавим еще вопрос о взятии Сарагосы. Конечно, этот город не был взят ни Карлом, ни Людовиком; но Сарагоса была местом, откуда исходила инициатива похода 778 г. (см. прим. к ст. 6 и 122) и центром военных действий против христиан после падения Барселоны, в особенности во время поражения 827 г., и, стало быть, являлась предметом воцелений короля. Взята была Сара-

анахронизмы, исторические и географические несоответствия показывают, что автор «эпизода» и сам вряд ли бывал в Палестине и шел перед аудиторией, которая не могла его проверить. Но важна сама исполнительская концепция христианского Запада, противоопоставленного всему Востоку, от Балтийского моря до Каира. Важна также картина *морского похода* Балиганта, которая вряд ли могла возникнуть на фоне прежних (до 1095 г.) сухопутных войн против мусульман. Самых мусульман, правда, певец Балиганта и его предшественники представляют себе весьма неточно. Фатимитский султан Египта выступает как глава ислама (прим. к ст. 2614). Напротив, халиф, повелитель правоверных, хотя бы и кордовский, является лицом второстепенным, которого сарагосский царек может отослать к неприятелю в качестве заложника (ст. 493). Магометан он считает идолопоклонниками. Но это невежество он разделяет с большинством писателей эпохи крестовых походов (см. Буассонад, стр. 248). Му-

госа впервые в 1118 г. войсками Альфонса VII, короля Кастилии и Арагона, причем отличились наваррские войска и их союзники французы, предводительствуемые Ротру де-Перш (см. Буассонад, стр. 49). Ни одной специфической детали этого события в «П. о Р.» нет. Допустим даже, что это считалось французской победой (?). Ведь Сарагоса пала впервые: победители это знали, этим гордились. Неужели вместо того, чтобы воспеть их подвиг, им нужно было преподнести песню, в которой говорится, что все это уже было сделано и до них? Кто и зачем вздумал бы умалять их геройство? Разве что французы из ненависти к испанцам сложили эту песнь, чтобы показать, что их король давно уже сделал то, чем теперь гордится Альфонс. Но такого происхождения «П. о Р.», кажется, никто не предполагает. Если певец так восхищался сиром Ротру де-Перш, то зачем бы он стал прятать его под псевдонимом откуда-то выкопанного Роланда?

Кроме того, мы отрицаем также необходимость признания какого бы то ни было влияния на «П. о Р.» паломничества к св. Иакову Компостельскому. Мало того: полное молчание «Песни» о св. Иакове делает это влияние более чем сомнительным. В тексте вообще не упоминается ни один испанский святой, ни одна церковь по пути к Компостеле.

сульманское общество он представляет себе по образцу своего собственного — с феодами, с вручением перчатки, с графами, виконтами, комтурами и канониками.

Только рыцарский период, окрасив сказание в свои тона, сообщил ему интернациональное значение, сделал его интересным для европейского рыцарства и для всех тех, чьи взоры были обращены на рыцаря с надеждой и восхищением.

б) Циклизация

В рыцарское время сказание о Роланде начинает свое триумфальное шествие по Франции, а со времени крестовых походов и по всей Европе. Оно увеличивается в своем сюжетном составе, нарастает, как лавина.

Прежде всего происходит *увеличение личного состава*, т. е. введение лиц, прославившихся в другом месте или в другое время (см. прим. к ст. 106, 170, 171 и др.).

Параллельно с этим происходит *притяжение мотивов*, т. е. развитие сюжета путем заимствования из других сказаний. Уже Оксфордский текст, как мы видели (см. § 1 в), предполагает существование других сказаний о Роланде: мы, значит, уже не застали начала процесса циклизации; О — уже *часть мифла*. В половине XII в. появляется один из интереснейших памятников этого цикла «История Турпина»¹, или Псевдо-Турпин (Т) — часть сборника легенд и других достопримечательностей, относящихся к церквям, которые расположены по дороге из Франции к испанскому святилищу св. Иакова Компостельского; сказание о Роланде вложено здесь в уста Турпина (см. прим. к ст. 170), а часть, относящаяся к Ронсевалу, несомненно восходит к какой-то старой версии «П. о Р.». Но помимо Ронсевальской битвы здесь рассказаны также бои Роланда с царями Аголандом, Фурре, с исполоном Ферракутом и взятие им разных городов. Эти моменты затем разрабатываются в других поэмах (например, борьба с Аголандом — в «Аспра-

¹ Turpini Historia Caroli Magni et Rotholandi, ed. F. Castets, Paris, 1880. Прекрасно исследована Б е д ь е в Légendes épiques, III.

монте», борьба с Ферракутом — в английском романсе «Роланд и Вернагу» и др.), прибавляются эпизоды, составляющие темы новых песен, как-то борьба с Отинелем («Отинель») и Оспинелем (в нижне-немецкой поэме «Карл Мейнет») и др. Мы, разумеется, не можем подробно останавливаться на всем этом материале: слишком далеко увел бы он нас от «П. о Р.».

Но ясно, что когда таких подвигов появилось множество и они стали обрабатываться в сводных памятниках, в больших компиляциях (как Т, Хроника Филиппа Мускеса XIII в., скандинавская Карламагнуссага и мн. др.), то появилась необходимость располагать эпизоды во времени и *связывать* их между собой, т. е. прибегать к *хронологической циклизации*.

Роланд, о котором первоначально ничего не было известно, кроме смерти¹ приобретает благодаря притяжению мотивов целую биографию: детство (франко-итальянские поэмы «Берта и Милон», «Орландино» XIII в., французская поэма Жирара Амьенского «Карл Великий», конец XIII в.) юность («Аспремонт», «Вступление в Италию», «Взятие Помплоны» и мн. др.), первую любовь («Джирарт Вианский», см. прим. к ст. 1720). Словом, происходит *биографическая циклизация*.

Остальных героев сказания приводят в связь (большей частью родственную) с другими эпическими персонажами (напр., Гуенелона с Дооном Майнцским и его семьей; ср. прим. к ст. 3766); мало того, жонглеры, побуждаемые ненасытным интересом слушателей к этой поэме, сочиняют как бы продолжение ее, приписывая героям достойное потомство. В поэме «Гвидон Бургундский» сыновья паладинов, пробывших 27 лет (вместо прежних семи) в Испании (накопление мотивов заставило удлинить срок), отправляются на помощь к отцам и застают их стариками. В «Гальене» герой, сын Оливьера, идет на поиски отца и находит его на Ронсевальском поле. Это — *генеалогическая циклизация*.

в) Социальная дифференциация

О Роланде поют и в рыцарских замках, и в военном лагере, и на городских площадях; пишут о нем в мо-

¹ И, может быть, рождения (?) — см. «Юный Роланд», стр. 59 — 61.

настырях, рассказывают в деревенской избе (см. Приложение IV), распевают в хороводах (см. § 4, б). Общественные группы, через которые проходит сказание, приспособляют его к своему вкусу и пониманию. Но большинство этих явлений протекает вдалеке от «П. о Р.», а часто и от ее сюжета. Здесь мы должны коснуться только взаимоотношений воинской и клерикальной обработки сказания, так как эти два фактора сказались на «П. о Р.» и ближайших к ней памятниках.

Мы уже говорили (см. § 1, в), что влияние духовенства на «П. о Р.» не подлежит сомнению. Не совсем достоверно только, каким путем шло это влияние. Сличение Оксфордского текста с подлинно клерикальными обработками приводит нас к выводу, что между «П. о Р.» и этими обработками имеется огромная количественная разница в использовании чисто церковных литературных элементов. Гадать о происхождении этой разницы — бесполезно. Может быть, среди жонглеров был «недоучившийся» клирик? Может быть, этот клирик был полон мирских интересов? Может быть, даже вовсе не было клирика, а был человек, там и сям нахватывший обрывков школьной премудрости? Кто это может знать? Лучше постараемся описать, в чем состоит вышеозначенная разница.

Клерикальный элемент средневековых произведений обнаруживается в трех аспектах: 1) моральном, 2) религиозно-мистическом и 3) школьном.

1) Дифференциация в моральной оценке Карла Великого началась еще при его жизни и очень рано проникла в литературу. Только что мы процитировали место из Эгмольда Нигелла, проклинающее, что уже в 20-х годах IX в. в народе слагались о Карле восторженные песни. Так называемый Сангалленский Монах (Ноткер Заика?), писавший в конце того же века, передает со слов *воина*, дружинника Карла Великого, рассказы, до небес превозносящие императора. Не так, однако, было в монашеской среде, где многое творившееся при гуманистически настроенном дворе Карла вызывало ханжеское порицание. Хулители, конечно, не могли говорить громко, но все же они значительно осмелели после смерти Карла, когда Людовик ввел при дворе аскетический, враждебный

античности «анианский»¹ дух. Уже около 820 г. в монастыре Рейхенау записано «Видение Веттина», которое в 824 г. положено на стихи известным поэтом Валахфридом Страбоном: в этом Видении Карл Великий (ум. в 814 г.) изображен в чистилище, где он терпит муки за свою развратную жизнь (имя Карла из осторожности заключено в акростих).

Карл Великий
Мозаичный портрет начала IX в.

В это же время, вероятно, перенесено на Карла и сказание о св. Эгидии и грешном короле (см. прим. к ст. 2096); поводом к этому, повидимому, послужили придворные слухи, приписывавшие Карлу какой-то великий грех. Этот слух все время плетется за памятью императора, но в одних памятниках грех не назван, в других он связывается со сказанием о Роланде: Роланд якобы родился от сожительства Карла с сестрой Гислой.

«П. о Р.» знает, повидимому, сказание о грехе (2097—2098), но намекает на него вскользь и неясно. Более 'клерикальная морализирующая обработка Т (см. в.) приписывает Турлину видение: Карл до того отягчен грехами, что ему грозят вечные адские муки, и только заступничество св. Иакова его спасает (гл. XXXIII). Мало того, Т, очевидно, *знает и одиозную версию о рождении Роланда*. Так, представляя читателю па-

¹ По св. Бенедикту Анианскому, проповеднику строгой монашеской жизни, учителю Людовика Благочестивого. Этому последнему при дворе дали прозвище Людовик Монах.

ладинов Карла, он говорит (гл. XI): «Роланд, вождь, манский граф и барон Блэ, племянник Карла, сын Милона Англера, рожденный Бертою¹, сестрою Карла, (явился) с 4000 вооруженных мужей; был, однако, и другой Роланд, о котором нам теперь лучше умолчать (alius tamen fuit Rotholandus, de quo nobis nunc silendum est). Единственный известный нам одиозный Роланд — это Роланд из сказания о кровосмесительстве. На него, очевидно, и намекает автор Т, который счел нужным раздвоить личность Роланда. Итак, мы видим в «П. о Р.» весьма отличное от Т отношение к монашеской оценке личности Карла. «Песнь» лишь слегка намекает на одиозное сказание; «Турпин» же прямо говорит о греховности Карла и даже позволяет себе чуть-чуть приоткрыть завесу, скрывающую скандальную тайну.

Такое же сдержанное отношение к монашеской струе в Карловом цикле мы замечаем и во всей моральной концепции нашей «Песни».

Можно сказать, что специально церковной морали в «П. о Р.» нет. Все сентенции взяты из рыцарской жизни, говорят о верности вообще (ст. 3959) или о верности сеньору (см. 1117 — 19), о храбрости (ст. 1107) или о закаленности (ст. 2524: крепко учен, кто научен невзгодой) (см. также прим. к ст. 1725). Сравним с этим хотя бы обработку Т: там то и дело встречаются религиозно-моральные наставления (гл. XII), даже целая притча о милостыне (гл. VII); мародеры перебиты неверными, и по этому поводу читается нравоучение (гл. XV); мало того, гибель Роландова войска представляется как божье наказание за то, что воины польстились на сарацинское вино и женщин (гл. XXI). В немецкой обработке регенбургского священника Конрада изменен весь характер ронсевальских героев: «Они целомудренны и чисты, готовы продать плоть ради (спасения) души». Также и автор Т выделяет главных героев из толпы немощных духом пьяниц и развратников: для Роланда он составляет эпитафию, сплошь надерганную из панегирических стихов Венанция Фортуната

¹ У Карла не было сестры Берты: эта версия перенесена из предания о дочери Карла Берте (род. в 780 г.) и ее любви к Ангильберту.

(VI в.)¹ и не содержащую ни одной воинской добродетели:

Он — почитатель церквей, врачующий скорби сограждан, Ранам отчизны своей. — был он надежный елей.

Клиру — надежда, для вдов — покровитель и хлеб — для голодных,

Милостив к бедным он был, странникам щедро дарил...
Догматы в сердце держал, как книгами полный ковчежец:
Всяк, кто хотел, приходил, влагу премудрости пил.

В «П. о Р.» герои тоже не забывают о душе, но умирают с именем короля и «сладкой Франции» на устах (ст. 2016 — 2018, 2380). Роланд остается воином до конца: даже богу он, как вассал, протягивает перчатку (ст. 2373). Об отвращении к плоти и особым христианских добродетелях нигде нет речи. В ст. 1877 — 1882 явственно подчеркивается, что для рыцаря — одна мораль, для монаха — другая.

2) В области *религиозного элемента* чрезвычайно трудно отличить, что было ходячим народным верованием и что оставалось достоянием узкого круга церковников. Одно чудо (ст. 2458 — 2459), три видения, несколько нисхождений ангелов да обрывки легенд (о динарии Петра, об орифламме) в этом смысле непоказательны: все эти представления бытовали и среди мирян. Зато в «П. о Р.» нет ни мистических толкований, ни «диспутаций» о догматах, как в Т (гл. XII, XV, XVII).

Не пытаясь строго отделить клерикально-религиозный элемент от общехристианского, мы сделали подсчет тех стихов «П. о Р.», из которых видно, что «автор» — христианин². Таких стихов оказалось около 400 на 4002 стиха, т. е. около 10%. Такой же подсчет для первых 5000 стихов обработки *священника* Конрада

¹ Это так называемый «кентон» — мозаика из чужих стихов, пригнанных к новой теме.

² Сюда вошли, конечно, все стихи, где арабы названы язычниками, где упоминаются ложно приписываемые им божества, даже те, где просто названо имя божие. Повторяем, огромное большинство этих мест (больше 80%) могли бы быть обычными в устах любого христианского дружинника, а тем более рыцаря конца XI в., в эпоху экзальтации, предшествовавшей крестовым походам.

дал больше 1000 таких христианских стихов, т. е. около 20%. Это увеличение вдвое — результат клерикальной обработки. Достигается оно как вставкой новых молитв, увещаний, религиозно-моральных рассуждений или цитат из Писания, так и развитием кратких речений французской песни.

Так, в «П. о Р.» Карл говорит: «Авось спасется он» (ст. 156). У Конрада¹ (ст. 26, 2):

«Честь и хвалу, король изрек,
Воздадимте все и присно и вовек
Святому Христу спасителю,
Всех наших грехов искупителю,
За то, что сих язычников
Он исцелил от их грехов,
Чтоб они его познали
И к делам его прилежали».

У Конрада герои постоянно названы «слугами божьими» (в Т даже «блаженный Роланд»), сражаются они не за «сладкую Францию», а за «обетованное наследие, за царствие божие». Интересно противопоставление язычника христианину:

За *честь* сражается Торгис —
За душу бьется Ансеис.

Итак, у христианского рыцаря, по мнению Конрада, честь — на втором плане. Между ним и «П. о Р.» — целая пропасть.

Все это приводит нас к выводу, что если и подверглась «Песнь» клерикальной обработке, то обработка эта была относительно слабая. Конрад и автор Т показывают нам, во что может превратиться сюжет под рукой настоящего клирика.

3) Та же количественная разница наблюдается и в отношении ученого элемента. Вопрос сводится к тому, знал ли жонглер (или один из жонглеров) латинский язык и насколько он был начитан в латинской литературе. Материал и тут не очень велик, но все же он более показателен для клерикальной обработки, чем все

¹ К сожалению, мы вынуждены цитировать по старому изданию Г р и м м а (Ruolantes Liet, Gött. 1838), не имея под рукой другого.

предыдущее: не будь его, можно было бы начисто отрицать эту обработку.

Отдельные перковные выражения (*la vertut poisant* = *virtus potens* = действительная мощь, *lei de salvetet* = *lex salutis* = спасительный закон, *húmele* = *humilis* = смиренный и т. п.) мало показательны; некоторые из них так «обмиршились» в своей форме (*veire paterne* = *verus paternus* = истинный отцовский, вместо истинный отец, *herite* = *hereticus* = еретик), что, вероятно, звучали тогда как наши «исполать», «епитимья», «поп», а для клерикального уха может быть даже как «крылос» (вместо клирос). Встречается даже употребление таких терминов невпопад, т. е. в таком смысле, в каком не употребил бы их священник или монах: Так, Турпин (ст. 1484) говорит: «этот сарапин, как видно, большой еретик». Про самого Турпина (ст. 2255) говорится: «со времен апостольских не было такого пророка, который так бы хранил закон и обращал людей» (здесь «пророк», очевидно, употреблено в смысле «проповедник», клирик вообще не мог бы допустить появление «пророков» после «апостолов»). Это такое же неточное словоупотребление, как у нас, когда люди, не знающие французского языка, говорят «будировать» в смысле «мусировать».

Более показательно недавно отмеченное Бедье («Комментарии», стр. 311) сходство молитв с латинским *Ordo commendationis animae*, который эти молитвы парафразирует. Нам, к сожалению, не удалось проверить близость этой парафразы, чтобы установить, восходит ли она непосредственно к оригиналу. В этих молитвах (да еще в ст. 1215 и 1523) заключены и все ссылки на Библию, встречающиеся в «П. о Р.».

Цитатой из Писания является только одно место, ст. 980 — 982, но его непосредственное заимствование из Библии очень сомнительно (см. прим. к этим стихам).

Античных реминисценций в «П. о Р.» очень немного: Аполин (ст. 8 и др.) и Юпитер (ст. 1392) являются в виде мусульманских богов: упоминаются Виргилий и Гомер (ст. 2616). О последних жонглер мог слышать только в школе или от школяра.

Вообще полной уверенности в том, что сюжет прошел через руки человека, свободно читавшего по-латыни, у нас нет.

Сравним только что сделанную нами скучную вы-
борку с переработкой Конрада, который цитирует

Статуи Роланда и Оливье в портале
Веронского собора (XII век)

целые псалмы (87,9, 176,3 и др.) и пересыпает рассказ
непереведенными латинскими выражениями (deo gra-

tias, in nomine patris, qui regnat in aeternum, uenite benedicti и пр.). Нечего и говорить об ученых элементах в латинских версиях, особенно школьных, вроде С («Песнь о предательстве Гвенона, см. выше). Для примера цитируем из школьной поэмы так называемого «Karoellus» XII в. (версифицированный «Турпин»):

(31) Стоит ли все исчислять? Диомед и Гектор с Ахиллом
Гиппомедон и Аякс, Тидей и Парис с Полиником,
Если б король их послал, уверен я, в ту же минуту
Пали бы на землю все, сражены рукой Ферракута.

В самом «Турпине» целая глава (XXXI), посвящена рассуждению о свободных искусствах, даются диковинные этимологизации имен: Carolus = lux carnis = свет во плоти, Rotholandus = rotulus scientiae = свиток премудрости.

Вообще при самом широком отнесении религиозного элемента за счет клерикальной обработки (считая, например, сюда все упоминания Аполина), в эту группу попадает не более 70 стихов из 4002, т. е. не более 1,75%.

Сделаем вывод: «П. о Р.» — памятник чисто-ирской, рыцарский: рука клирика коснулась его лишь слегка и, может быть, даже не прямо, а через посредство жонглера, кое-где нахватавшегося обрывков латыни.

?) Национальная дифференциация

С XII в. сказание о Роланде начинает свое триумфальное шествие по Европе вместе с полчищами французских крестоносцев. Везде оно оседает и редко где ограничивается одним вариантом. Достаточно сказать, что (кроме французского и латинского) до нас дошли версии на следующих языках (до XVI в.): верхне-немецкий, нижне-немецкий, пидерландский, старо-скандинавский датский, новоисландский (и ферейское наречие), шведский, средне-английский, кельтский, провансальский, испанский, португальский, итальянский. На славянских языках сказание не было обработано, но слава Роланда дошла и до славянских земель. Знакомство с историей Ронсевальской битвы обнаруживает чешская Хроника Далимила (XIV в.). На стыке романского и славянского мира, в г. Дүбро-

внике. и по сей день стоит против Княжьего Дворца колонна с горельефом Роланда (Орландо): колонну возглавляет флагшток, на котором по праздникам

Статуи Роланда в Германии
Слева — в г. Стендале, справа — в Гальберштадте

развевается знамя св. Влаха (эмблема некогда знаменитой славяно-латинской республики) под охраной старо-французского витязя. Это — крайняя вежа экспансии Роланда.

Во всех почти странах, через которые проезжал, поблескивая Дюрандалью, племянник Карла, если и не рядили его в национальное платье, то, по крайней мере, привешивали ему какую-нибудь местную побрякушку. Распространению и национальной дифференциации сказания много способствовала широкая интернациональная концепция «П. о Р.». Каждый народ находил в ней что-либо, что его касалось, и останавливал на этом свое внимание.

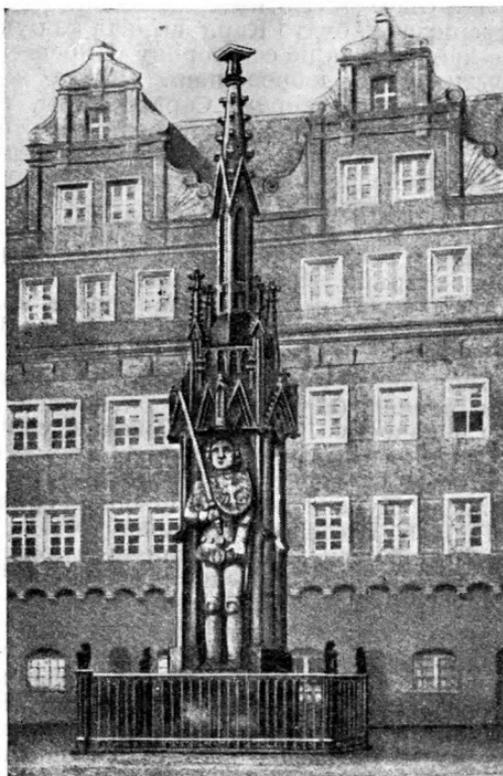
Немецкие варианты (Конрад XII в., Штриккер XIII в.) развивают те места, где «Песнь» с похвалой отзывается о баварцах и других немецких племенах. Конрад еще от себя прибавляет «щедрых швабов» и «смелых рейнских франков», он пользуется тем, что в его оригинале (близком к Венецианской рукописи) Найм назван баварцем, чтобы при всяком случае восхвалять этого героя и подчеркивать его происхождение. Очень характерна для Конрада речь, которую он вкладывает в уста Гуенелона (ст. 38, 18 и сл.) и которой не было в оригинале: «Твой племянник Роланд хочет нас всех перекричать. Но Наймес из Баварии еще многому его научит. Когда мы пробились к воротам (Кордр), они (баварцы) ворвались в город. Рассердился тут Роланд, увидев, что его опередили баварцы, отборные герои: всегда они — впереди всех. А после, что бы с нами ни случилось, везде, где кололи и рубили, были эти витязи с острыми клинками, как и подобает добрым рыцарям. За это он (Роланд) хотел их перебить, если бы ему не помешали; но они (и сами) могли ему противостать; баварцы оказались ему равными». Восхищаясь французскими героями, переводчик отдает дань национальному самолюбию.

В *итальянских* (франко-итальянских) поэмах Николая Падуанского («Вступление в Испанию» и «Взятие Памплоны» XIII в.) вводится в войско Карла Великого новый персонаж, ломбардский король Дезидерий с храброй дружиной, которая все время враждует с немцами и посрамляет их¹. Роланд рождается в Италии; детство его протекает в городе Сотрио

¹ На самом деле, как известно, Карл в 774 г. завоевал землю лонгобардов, сверг Дезидерия и возложил на себя его корону.

(«Берта и Милон», «Орландино»); он становится гон-
фалоньером римского папы.

«Дубровницкая Хроника» (написанная по-итальянски
в XIV в.) передает легендарное сказание, будто Ро-

Статуя Роланда в г. Цербсте
(Германия)

ланд в 783 г. одержал победу над сарацинами с помощью
дубровницкого флота (Archiv für Slavische Philo-
logie, V, 469).

В *Испании*, напротив, сказание о победоносном шествии французов по испанским землям оскорбляло национальное самолюбие реконкистадоров. Ученые историки и народные рапсоды наперебой стараются опорочить поход Карла и восславить испанцев. Уже у Силосского Монаха (нач. XII в.) мы читаем, что «французы ложно утверждают, будто Карл вврвал из рук язычников какие-либо города по сию сторону Пиренеев»: Памплона впустила его добровольно. «Когда же, выйдя оттуда, он подошел к городу Сарагосе, то, позволив, по французскому обыкновению, подкупить себя золотом, вернулся во-своясь, не пошевелив пальцем для того, чтобы освободить святую церковь от варварского ига».

Народные певцы подчеркивают поражение Карла и приписывают победу полуполюгендарному герою Бернальдо дель-Карпио, которого называют то племянником Карла Великого, то племянником короля дона Альфонса Целомудренного (791 — 835). Историкопатриоты XII и XIII веков подхватили эту басню¹, и у них Бернальдо становится во главе объединенных испанских племен (астурийцев, бискайцев, арагонцев и др.) и наносит Карлу поражение у Ронсевала при самом появлении его в Испании (а не на обратном походе), причем нападает не на аррьергард, а на авангард. Согласно Лукасу де Туи, поэме «Фернан Гонсалес» и «Первой Всеобщей хронике» (XIII в.), Бернальдо для этой цели даже соединяется с сарацинами и отдает себя в распоряжение Марсилия². После, с XVI в., начинают появляться в Испании переводы с

¹ На самом деле король Альфонс (который в год Ронсевальской битвы еще не был королем) неоднократно отправлял просительные посольства к Карлу Великому, причем признавал себя подчиненным императору.

² Интересно, что арабские источники приписывают нападение на аррьергард сарацинам: Карл, приглашенный в Испанию сарагосским правителем Сулейманом ал-Арби (см. прим. к ст. 122), вдруг заподозрел Сулеймана в измене (так как Сарагоса не захотела впустить франков) и увел его в плен; но сыновья Сулеймана, Матрух и Айхон, напали на уходящее войско Карла, отбили отца и вернулись в Сарагосу (см. Menéndez y Pelayo *Tratado de los romances viejos*, I, 179).

французского и итальянского, лишённые галлофобской окраски. Романсы же следуют то испанской, то франко-итальянской традиции.

В *Дании* ухватились за персонаж Оджьера Датчанина (см. прим. к ст. 170), который уже в «П. о Р.» играет весьма почетную роль. И вот автор датской «Хроники Карла Великого» (XV в.) добавляет к концу Оксфордской версии нигде более не засвидетельствованное завершение:

«В следующую ночь (после смерти Альды) явился императору архангел Гавриил и сказал: «Иди в Ливию и помоги доброму королю Ивену, ибо язычники крепко воюют его землю». На пасху собрал император в Риме большое войско и двинулся к королю Ивену. Неверный король, сражавшийся против него, звался Геалвером. Услыхав о приближении императора, он выступил ему навстречу, и много народа пало с обеих сторон. Олгер-датчанин ударил короля по шлему и рассек тело до седла; так император одержал в этой земле великую победу и защитил землю короля Ивена».

После этого в «Хронике» следуют подвиги Олгера в Саксонии и история его опалы (см. прим. к ст. 170); перемещение этих эпизодов (в источнике, т. е. в скандинавской «Карламагнуссаге», они еще помещены перед Ронсевальской битвой) должно доказать, что после смерти Роланда датский герой занял его место и стал единственной опорой государства (Карл одряхлел, Найм и Турпин ходят на костылях).

В *английском* романсе «Осада Милона» (XIV в.) Карла и его войско выручат из беды Лионель, герцог Бретонский (тогда еще чувствовалась связь между бретонцами и британцами).

Так каждый народ обрабатывает сказание о Роланде «на славу нам и на страх врагам».

д) *Романтическое развитие*

Параллельно с описанными дифференцирующими процессами происходит во всей западно-европейской литературе начиная с XII в. другой, который все усиливается вплоть до XVI в. включительно и который мы условно назовем «романическим развитием».

Заключается он в расширении элементов: 1) эротического, 2) экзотического, 3) фантастического, 4) куртуазного¹, каковые должны повысить «занимательность» рассказа.

Эти прибавки пользуются одинаковым успехом как среди клириков, так и в рыцарской (Франция, Англия и Норвегия) или городской среде (Италия, Нидерланды).

1) Застрельщиками в области расширения *эротического* элемента являются клирики, которым вообще принадлежит введение любовной поэзии в обиход средневекового общества:

Силу ков Венериных
И любви законы
Первый знал и высказал
Клирик мой ученый.
Рыцарь вслед за клириком
Стал певцом Дионы.

(Carmina Burana, 65, 41).

В Оксфордском тексте упоминается только о верности Альды Роланду да еще об успехе Маргерита у дам (ст. 957 — 959); кроме этого о любви вообще нет речи.

Но уже школяр, автор С (см. прим. к ст. 634) не только усилил роль Брамимонды, но расписал ее красоту и придал ее отношению к Гуенелону явно эротический характер. Также и Т вводит эпизод с сарацинками (см. выше)². У священника Конрада тоже любопытны некоторые вставки. Так, в лагере Карла под Кордр (22,2—3) «много знатных женщин украшали свое тело» (чего нет в источнике). В «П. о Р.» (ст. 312) Гуенелон только констатирует, что он женат на сестре Карла; у Конрада он плачет, что должен «разлучиться с самой красивой женщиной, какою когда-либо обладал человек» (ст. 52 — 53); поклон, который он в одном стихе («П. о Р.», 361) посылает супруге, Конрад растягивает на 15 стихов (62,25 — 63,12). Клириком же был и Бертран (ок. 1190 г.), воспевший любовь Роланда и Альды (см. прим. к ст. 1720). К тому же времени относятся и

¹ В это же время (приблизительно с XII в.) исподволь начинает развиваться и комический элемент (см. § 4,а).

² Альды, повидимому, оба эти автора не знали вовсе.

вставки в рукописи «П. о Р.» (см. прим. к ст. 3675, 3721), увеличивающие роль Альды и растягивающие ее причитания по возлюбленному.

Итак, оба женских образа, данных в «П. о Р.», развиваются с усилением любовных мотивов. Роман родителей Карла (т. е. Берты и Милона) разрабатывается и во Франции, и в Италии (см. § 3, б). В Скандинавии мы встречаем заимствованное; может быть, из французского источника (?), романическое приключение самого Роланда (см. прим. к ст. 277).

Но особенно пышно развился мотив сожительства с сарацинками, введенный еще версией Т. Он проникает во французский эпос (например, «Гальен»), а затем в английскую (фрагмент романа о Роланде, XV в.) и итальянскую литературу (особенно развит в прозаической «Испании»). Затем сарацинки начинают индивидуализироваться: в итальянской поэме «Поражение при Рончисвалле» (XV в.) Бланкандрин (Бьянчардино) приводит в лагерь Карла Кандио, дочь Марсилия, заинтересовавшуюся славой Роланда. Вообще в позднем эпосе влюбленные сарацинки играют огромную роль, и Роланду приписывается несколько галантных приключений («Сентонжская Хроника», Франко-итальянское «Вступление в Испанию», итальянский «Поход в Испанию», ниже-немецкий «Карл Мейнет» и др.).

2) Но эти последние можно отнести и к *экзотическому* элементу. Этот элемент вносится в эпопею под влиянием литературы, заимствованной из иностранных источников, главным образом византийских (например, роман об Александре Великом). В «П. о Р.» он еще мал: только упоминание диковинных народов и безудержный поток экзотических имен в эпизоде с Балигантом могут быть отнесены сюда. Но настоящее царство экзотики начинается в XIII в. Сказывается она, главным образом, в интерполяции путешествий в восточные земли. В такие фантастические путешествия, мода на которые появилась с самого начала крестовых походов, отправляется и сам Роланд («Вступление в Испанию»), и его отец («Берта и Милон» и др.); особенно подробно развиты персидские приключения Роланда в итальянском романе «Поход в Испанию» (Viaggio).

3) *Фантастика* прикрепляется, главным образом, к вставным эпизодам, каковые являются вольными

изобретениями жонглеров (Николай Падуанский во «Вступлении» сам признается, что выдумал восточные приключения Роланда), и выражается в рассказах о великанах, колдунах, заколдованном оружии, чудесных источниках, а порой и вмешательстве самого дьявола («Поражение при Рончисвалле»). Многое здесь является развитием элементов чудесного, данных уже в Т.

4) *Куртуазный* колорит создается, главным образом, подробным описанием пышной одежды, празднеств, церемоний, сокровищ. Уже Конрад (писавший для двора баварского герцога Генриха Гордого, женатого на дочери императора Лотаря) развивает этого рода мотивы. Так, наряд и вооружение Гуенелона («П. о Р.», 343 — 347) описаны в 67 стихах, да еще 20 стихов посвящены изукрашенной самоцветами одежде его свиты. К явлениям такого же порядка относятся длинные описания похорон в рукописях «П. о Р.» (см. прим. к ст. 367⁵). В более поздних памятниках эти элементы разбросаны повсюду.

§ 4. Отмирание сказания

а) Комическая реакция

При частых перепевах уже знакомого сюжета пафос, наконец, ослабевает, и прежнее восторженное отношение к подвигам кажется устаревшим, вызывает улыбку или насмешку. Повидимому, склонность к такой эволюции особенно сильна в городской литературе, так как в городах прежнее почтительное отношение к рыцарству стало в конце XIII в. сменяться недоброжелательством благодаря разочарованию в крестовых походах и постепенному отмиранию культурно-исторической роли рыцарского сословия¹. И действительно, указанную эволюцию нашего цикла мы наблюдаем со всею ясностью в стране городов, в Италии.

¹ Это отношение отражается уже в сатире XIII в. («Аудиджьер» во Франции, «Мейер Хельмбрехт» в Германии) и достигает высшего художественного оформления в «Дон-Кихоте» Сервантеса.

Сперва речь идет только об усилении комического элемента в целях занятости; эта манера имеет все больший успех по мере того, как публика перестает принимать старые басни всерьез, перестает страдать и радоваться вместе с героями. Характерна эволюция фигуры «Смешного рыцаря» Эстоута (от лат. Stultus — глупый). Началась она еще во Франции, где (в рифмованных рукописях «П. о Р.») он является первым пером, убитым при Ронсевале; уже несколько комический оттенок этот персонаж носит в поэмах «Отинель» и «Гвидон Бургундский» (это передалось и в Англию: «Сер Отуэл»). Но особенно пышно Эстоут расцветает на итальянской почве. Уже во франко-итальянских поэмах («Вступление» и «Взятие Памплоны») он фигурирует как хвастун и проказник, затем под именем Астольфо (впервые эта форма появляется в Венецианской рукописи «П. о Р.») — как шутник и насмешник («Рончисвальское поражение»), как комический негодяй («Поход в И.») и трусоватый хвастун («Испания в стихах»); если для разнообразия христиане должны потерпеть урон, то неудачником всегда выставляется Астольфо. В таком уже почти готовом виде получили его авторы шуточных поэм эпохи Возрождения (Пульчи, Баярдо, Ариосто), которые сделали его общеизвестным литературным типом.

Реакция против героического пафоса выражается у этих авторов в легком и фривольном отношении к циклу Карла Великого, свободном нагромождении одной забавной выдумки на другую. Более грубую и циничную форму эта реакция принимает под пером Пьетро Аретино (1492 — 1537 гг.). В его недоконченном «Орландино» уже все герои Карлова цикла выставлены в непристойном и позорном виде: они обжоры, сластолюбцы, трусы и бахвалы; сражаются они только с жареными куропатками и фазанами; на бой с сарацином Альмансором никто не решается выйти. Вообще все их геройство — глупая басня, выдуманная Турпином.

(11) Нес он враки такие в пышном стиле,
Что правда стыдится поведать были.

Этот «кризис доверия» — внутренняя смерть цикла. Вскоре он выдыхается даже как комическая тема. Интерес к нему пропадает.

б) Дробление цикла

Если циклизация есть процесс здорового развития в организме сказания, то «дробление» является процессом разложения этого организма. С дроблением не следует смешивать разработку отдельных эпизодов цикла до размера большой поэмы (Отинель, Аспремонт): здесь имеется расширение малого; при дроблении же — сокращение крупного. Баллады и побывальщины возникают из длинных поэм или обширных компиляций (романов и хроник). Обычно дробление связано с переходом сюжетов в другую среду, с пониженным уровнем образования (крестьянство, ремесленное сословие), а также, большей частью, с переходом от письменной передачи к устной.

Следующие явления характеризуют этот процесс: 1) свободные (не из цикла взятые) зачала и концовки, 2) перестановка частей (мотивов), 3) слияние персонажей (сосредоточение разных функций в одном лице), 4) внесение постороннего элемента (контаминация циклов), 5) выпадение мотивов, 6) выпадение имен (появление безыменных персонажей на месте поименованных), 7) выпадение персонажей (вместе с функциями).

Исследование этого процесса внутри нашего цикла приобретает особый интерес в связи с тем, что, исходя в различных странах, он везде сопровождается вышеуказанными аналогичными явлениями; кроме того, в каждой из этих стран у нас имеются варианты большей или меньшей подробности.

Для разъяснения этого процесса мы пользуемся следующими группами:

А) Скандинавские баллады: а) федейская «рима» о Рунсевальском сражении (Faerösk Anthologi, ed. Hammershaimb V, № 21,) в 356 ст.; б) норвежская «кемпевиса» о Роланде и Магнусе-конунге (Norske Folkeviser, ed. Landstad, № 14) в 124 ст. Обе баллады восходят к «Карламагнуссаге», т. е. к большой прозаической компиляции. Сюжетное наполнение стихов значительно сокращается от обилия вариаций одной и той же темы. Эти баллады поются в хороводах.

Б) Испанские романсы: а) Романс о царе Марсине, который начинается: «Вот уж начали

французы» (112 восьмисложников); б) романс, который начинается «На вербное воскресенье» (36 восьмисложников; см. Приложение III). Оба романса восходят к одному источнику, так как второй целиком содержится в первом¹. Эти романсы поются в городе и в деревне.

В) Французские побывальщины (устные легенды) из Эйи (см. Приложение IV): а) вариант II, б) вариант III. Эти легенды бытуют в деревне.

1) Удивительные и неожиданные *зачала и концовки* мелких памятников происходят отчасти от утраты связи с предыдущими и последующими явлениями цикла (певец или рассказчик восполняет пробел из собственной фантазии), отчасти от стилистической манеры народных певцов, любящих ипородные запевы и присказки². Ферейский вариант ближе всего к основе: начинается он с посольства Гуенелона (Gúdhin, произносится приблизительно Гойин), но не к Марсилию, а к Аголанту (Ангелунд), однако и здесь конец приставлен произвольный:

(89) Я не могу вам больше поведать,
Чем слышано мной самим:
Повез он всех двенадцать перов [т. е. тела их]
С собой в Ерусалим.

Особенно оригинальна в этом смысле норвежская *виса*.

З а ч а л о:

(1) Шесть моих парней дома сидели,
Чистое золото ткали;
Другие шесть поплыли к поганым
Изведать холодной дали.

¹ Этот первый романс — очень старинный: отпечатан он уже в XV в., состоит из двух тирад, не различает мужских и женских асонансов, являет еще признаки старой тонической схемы (силлабизм очень неровен).

² Вроде наших: «Старину скажу, да старика свяжу, старика свяжу со старушкой», или: «И я там был, мед-пиво пил» и т. д.

- (2) Развили они свой шелковый парус,
 Высоко на рею вдели.
 Доплыли они в поганую землю
 В две рабочих недели.
- (3) Бросили весла и крепкий якорь
 Прямо на белый песок.
 Выскочил первым Магнус-конунг
 На-земь в один прыжок.

К о н ц о в к а (вариант):

Таких не бывало на Русарволле,
 Чтоб были Роланду равны;
 Разве что Эйвинд Эрингер [*имя односельчанина*],
 Коль наденет почище штаны.

И здесь, значит, есть своя комическая реакция; вообще же (перед концовкой) эта виса завершается отправкой Магнуса в новое неизвестное путешествие.

Точно такое же отношение существует между двумя испанскими романсами. Более старый начинается со сражения, но вводит (как и ферейская рима) героев из другой части цикла (см. ниже). Второй почему-то произвольно приурочивает битву к вербному воскресенью. Оба романса кончают, чтоб как-нибудь кончить.

Первый после отречения Марсина от Маомы вводит неожиданный поворот в его настроения:

(55) Но прости меня, Маома
 (От горя я говорил);
 О себе мне думать надо,
 Ни к чему мне ехать в Рим

Этот поворот (по терминологии немецкой поэтики — Wechsel), очевидно, тоже рассчитан на комический эффект.

Второй романс кончается на среднем (по сравнению с первым), но тоже совершенно вымышленном эпизоде (см. Приложение III, 18).

В зачалах французских вариантов II и III — опять-таки сходное отношение. Вариант II (как и ферейская рима) начинается с совещания о посольстве, только происходит оно в замке Эйи. Второй же с вымышлен-

пой прогулки в саду¹. Кончаются оба варианта тоже несогласно с эпосом.

2) *Перестановка мотивов* не столь распространена: ни в ферейском варианте, ни в романсах мы ее не находим.

Но в норвежском тексте это ясно видно. «Карла-магнусага» рассказывает, что Карл послал двух рыцарей, чтоб вынуть меч из рук мертвого Роланда, но пальцев нельзя было разжать. Здесь этот эпизод происходит при жизни Роланда, который после этого трубит в рог.

Также и во французской легенде (вариант II) возвращение Ганделона от испанского короля (Марсилия) происходит после смерти Роланда.

3) Дробные памятники крайне *экономны* в смысле персонажей. Они стараются приписать разнообразные функции одному действующему лицу.

В ферейской балладе Аголанд (Ангелунд) сразу совмещает в себе наряду с собственными (ему приносят голову сына Эмунда, т. е. Эаумонта, который, впрочем, здесь превратился в отца) функции Марсилия (ему Гуенелон предаёт перов, он главенствует над язычниками в Ронсевальской битве) и Балиганта (завершённый поединок с Карлом).

(85) То был кесарь Карламагнус —
Взмахнул мечом слегка:
Рассек он конунга Ангелунда
Сразу на два куска.

Соответственно этому Гуенелон (Гойин) совмещает функции послов Карла к Аголанту (с головой Эаумонта, вместо дани) и свое посольство к Марсилию.

На него же перешли и функции его заложников («П. о Р.», ст. 3958), так что он оказывается и четвертованным и повешенным.

(87) То был подлый Гойин-ярл,
Он всех людей гнусней.
Разорвали его негодное тело
Промеж четырех коней.

¹ Вариант I начинается с пира.

(88) Взяли подлого Гойин-ярла,
Вздернули ввысь на дуб.
Вот что мне сказали по правде:
Съели вороны труп.

Остатки слияния Айголанта с Марсилием находим и в норвежской вилсе. Там безымянный языческий король требует дани (как Аголант) и бьется с Роландом при Ронсевале (как Марсилиий)¹.

В старом романсе мы застаем процесс перехода функций на полпути. Гордый отказ Роланда трубить в рог передан Ринальдо, на которого перенесена и первенствующая роль в битве; но Роланд еще не исчез.

В сокращенном романсе Роланд перенимает функцию увещания, которая в старом романсе еще принадлежит Турпину.

(34) Как хорошо ободрял их
Архиепископ Турпин:
«Эй назад, назад, французы!
Ударимте, как один!
Лучше здесь погибнуть с честью,
Чем обесчещенным жить».

4) *Контаминация циклов* и частей цикла — один из результатов путаницы, происходящей от неумения народных певцов координировать слишком разросшийся материал эпоса.

В ферейской риме, как мы видели, Аспремонское сказание смешалось с Ронсевальским, и, в самом деле, Ангелунд вызывает французов на бой в Ронсевальской долине у подножия Аспремонта (по основному сказанию Аспремонт находится в Италии).

В романсе «Вот уж начали» вся первая тирада полна посторонних героев: Ринальд (Монтальванский, герой особого цикла), Бальдоинос (брат Роланда, герой других поэм) и Бельтран (спорная личность).

¹ В другом норвежском варианте читаем:

Бились они на Русарволле,
Кровь стекала с поляны.
Гуро ваяла свой шелковый плат
И всем осушала раны.

Гуро—это Гудрун, персонаж из старо-германского эпоса.

В варианте III французской легенды наполеоновский маршал Бурмон стал сообщником Ганделона, а в одном варианте появляется, вместо Карла Великого, сам Наполеон.

5) *Вытадение мотивов* — основной момент в процессе дробления. Им определяется краткость формы и скачущее движение сюжета. Ферейская баллада сравнительно близка к изводу; в ней сохранился ряд подробностей, восходящих к «П. о Р.»: например; три рати Марсилия, бой Оливьера, превращенного в Олафа, с Алгалифом (Langaliv), разногласие между Наймом и Гуенелоном относительно трубного звука и много других. Но и здесь выпало гораздо больше, чем сохранилось (Бланкандрин, Брамимонда, Альда, Пинабель, поединки перов и т. д.).

Однако, если сравнить риму с норвежской песнью, то окажется, что последняя почти вдвое уменьшила сюжетный состав¹.

То же явствует из слияния между собой обоих испанских романсов.

«В о т у ж н а ч а л л и»:

Сражение — Просьба затрубить — Отказ — Подвиги Ринальда — Собака-мавр ободряет своих — Отступление французов — Обращение Турпина к французам — Победа — Бегство Марсилия — Отречение от Маомы — Упоминание о руке, отсеченной Роландом — Обещание пойти в Рим — Отказ от обещания.

Всего 13 мотивов.

«Н а в е р б н о е в о с к р е с е н и е»:

Сражение — Обращение Роланда к французам — Победа — Бегство Марсилия — Отречение от Маомы.

Всего 6 мотивов.

¹ Приблизительно 16 мотивов против 30. Разделение на мотивы и подсчет их — операция деликатная и не претендующая на точность; она соответствует установлению признаков в биологии, где, в зависимости от сравниваемого материала, признак может дробиться далее. Здесь, ввиду общности происхождения сравниваемых памятников и единства сюжета, граница детализации намечается довольно ясно.

Такое же отношение между II и III вариантами французской легенды.

II вариант:

Совет, собранный Карлом — Послом назначается Ганделон — Клятва — Отправка Роланда в Испанию — Измена Ганделона — Гибель Роланда — Роланд трубит — Карл слышит и хочет идти на помощь — Возвращение Ганделона — Чудо с башней — Казнь.

11 мотивов.

III вариант:

Измена — Прогулка изменников в саду — Появление Карла — Клятва — Чудо с башней — Казнь.

6 мотивов.

Этот процесс может продолжаться далее вплоть до полного исчезновения сюжета.

6) *Выпадение имен*, — процесс, в морфологическом отношении предшествующий выпадению персонажа или географического пункта. Это — обезличивание, преддверье забвения. Если в ферейской песне еще фигурирует Ангелунд, Олаф и Ансиас, то в норвежской вилсе — безымянный «языческий король» и «перы».

Если в старом романе встречается «жена Абрайма — мавританка» (т. е. Брамимонда) и «дочь Маталеона», то в сокращенном — только мавританская царица без имени.

В легенде (все варианты) тиун Басбрюн («П. о Р.», ст. 3952) заменен безличной стражей.

Сличим разбираемые варианты попарно в отношении собственных имен (в первоначальной французской форме).

Скандинавские: а) Карл, Роланд, Гуенелон, Аголант, Маргерит¹, Эаумонт, Ансеис, Оливьер, Найм, Алгалиф; Ронсеваль, Франция, Рейн, Иерусалим, Аспремонт; Дюрандаль, Олифант — 17. б) Карла, Роланд; Ронсеваль; Дюрендаль — 4.

Испанские: а) Бальдевин, Бертран, Рейналд, Роланд, Турпин, Марсили, Брамимонда, Маталеона, Магомет: Франция, Ронсеваль, Рим — 12; б) Роланд,

¹ Назван ярлом из Упланда.

Марсилий, Магомет; Мекка, Альтамира (вм. Ронсевалья) — 5.

Французские: а) Карл, Роланд, Гуенелон; Эйи, Испания — 5; б) Карл, Гуенелон, Бурмон; Эйи, Испания — 5.

7) Уже из этого перечня видно, что ряд основных действующих лиц выпадает и что этот процесс продолжается от одной стадии к другой. Не повторяя поименованных персонажей, даем такой же сравнительный перечень действующих лиц.

Скандинавские: а) 8 поименованных лиц (Эаумонт не действует), язычники, французы, короли в свите Ангелунда, перы, сарацин (покушающийся на рог) — 13; б) 2 поименованных, языческий король, перы, 2 малыша (хотят вынуть меч) — язычники — французы — королева (жена Карла) — 7 (так как двое действуют вместе, являясь коллективным персонажем).

Испанские: а) 9 поименованных, собака-мавр, мавры, французы — 12; б) 3 поименованных, мавры, французы — 5.

Французские: а) 3 поименованных, перы, король Испании, испанцы, стража — 9; б) 3 поименованных, дикий народ, стража — 5.

Мы видим, что персонажи выпадают иногда независимо от их важности в первоначальном изводе. Так, в норвежской виле нет изменника, в романах нет Карла, в последней легенде нет самого Роланда.

Особенно показателен вариант легенды, где Карл заменен Наполеоном (прим. к Приложению III).

Это — граница полной смерти: «П. о Р.» без Карла и без Роланда! Достаточно выкинуть имя Ганделона, и ни один человек (не знающий промежуточных стадий) не догадается о происхождении легенды: «*маршал изменил Наполеону и поклялся своей башней, что не выловен: башня треснула, маршала расстреляли*». Это — «Песнь о Роланде» в своей последней стадии.

II. ПОЭТИКА

§ 5. Жанр

«П. о Р.» принадлежит к так называемым «*Chansons de geste*». Слово «*geste*» (женск. р.) происходит от лат. *gesta* (мн. ч, ср. рода) «деяния». Такое заглавие

давалось латинским историческим сочинениям: «Деяния Карла Великого», «Деяния фонтанельских аббатов» и т. п. (см. прим. к ст. 1443). Это показывает, что вышеозначенные поэмы понимались как «исторические песни». Всякий, кто знает, например, русские исторические песни об Иване Грозном, о Скопине-Шуйском и т. д., знает также, насколько тут история переплетается с вымыслом. Таковы же и «Chansons de geste». Разница между ними и романами Круглого Стола (так называемый бретонский цикл) или романами об Александре (античный цикл) заключается в национальном сюжете и (первоначально) в установке на истинность. Отсюда же, главным образом, и то обстоятельство, что идеализация героев осуществляется почти без помощи фантастики (лишь с некоторой долей гиперболизма — см. ниже § 6, б). Эта установка, однако, по мере усиления «романического развития» (см. § 3, д) слабеет. Постепенно разница между «исторической песней» и «романом» стирается, чему также сильно помогает переход от асонансов к рифме и от десятистопника к александрийскому стиху (XII — XIII в.)¹.

Внутри своего жанра «П. о Р.» принадлежит к так называемой «королевской джесте», т. е. к циклу Карла Великого. Мы здесь никак не можем останавливаться на сложном вопросе о делении старо-французской героической эпопеи. Укажем только, что рядом с «королевской джестой» существует «джеста баронов» — ряд эпопей (разных циклов или вне циклов), повествующих о борьбе феодалов с королем или между собой. Эти две «джесты» представляют два разных аспекта французской истории (центральный и периферийный): в королевских песнях Франция выступает, как единое целое, против внешнего мира; в баронских — та же Франция представлена изнутри, как некое множество, раздираемое непрерывным брожением и трением своих компонентов. Первое воззрение зародилось, может быть, еще во времена «собирания земли» при меровингах и расцвело во времена Карла:

¹ Разница эта достаточно охарактеризована в § 3, д, при описании «романического развития», происшедшего в значительной мере под влиянием «романов» об Александре и др.

второе возникает при последних каролингах (X в.). Затем оба воззрения продолжают жить рядом (как две стороны одной медали) вплоть до консолидации монархии.

§ 6. К о н ц е п ц и я

а) *Идейная концепция*

В основе «П. о Р.» лежит исторически сложившаяся, цельная идеология, которая состоит из трех неразрывно сплетенных элементов: 1) крестоносного, 2) национального и 3) феодального.

1) Ст. 1212 (Нехристь неправ, а христиане правы) выражает полностью идею крестового похода. На поэтике «Песни» эта идея прежде всего отражается в характеристике обеих борющихся партий. Не только все христиане без исключения и независимо от национальности — «добрые», неизменно храбрые и (кроме Гуенелона) верные рыцари, но сарацины то и дело называются «felon» (ругательство, характеризующее то «подлость», то «злобу», то «трусость»).

Очень интересно сравнить в этом отношении «П. о Р.» с испанской «Поэмой о Сиде» (XII в.), отражающей идеологию испанской реконквисты, с которой некоторые хотят сблизить нашу «Песнь». Там мавры ни разу не обруганы, нигде их насильственно не крестят; между национальным героем и добрым мавром Авенгальвоном существует тесная дружба, этот честный мавр противопоставляется подлым трусливым каррионским графам.

Все это несовместимо с идеологией «П. о Р.», для которой мавр прежде всего — враг христианской веры (см. ст. 3596).

2) О национализме «П. о Р.» и его сложном составе мы достаточно сказали в предыдущих главах.

3) Идея вассальной верности подчеркивается повсюду. Лучшее всего эта идея выражена устами Роланда (ст. 1113 — 14). Все развитие действия вытекает из измены Гуенелона, т. е. именно из разрушения основной скрепы феодального общества; это — трагедия верности. Не даром весь сюжет воспринимался некоторыми современниками (С, V₄) как «песнь о предательстве Гуенелона». Во всей «Песни» он единственный изменник; даже «языческое» общество, в представле-

нии жонглера, держится этой же спайкой: вассалы Марсилия и Балиганта так же верны своим сеньорам, как и французы. Отсюда вся монолитная концепция борьбы, как столкновения двух компактных масс.

б) Эмоциональная концепция

Весь пафос «П. о Р.» основан на *героическо-трагической* концепции, на службе у которой находится большое число мотивов и характеристик.

1) *Героический пафос* сказывается в огромном количестве *боевых мотивов* (см. § 9), а также в подчеркивании героических качеств и восхищения перед ними.

Храбрость и доблесть упоминаются около 120 раз (т. е. приблизительно через каждые 36 стихов). Немалое место занимает и гордость, которая считается то пороком (близким к надменности, чванству), то достоинством: в положительном смысле она упоминается до 30 раз с лишним. Благородство — около 25 раз. Величие и мощь — около 25 раз. Сила упоминается редко, но она сказывается в многочисленных мощных ударах, пробивающих щиты и шлемы (48 раз), а также в огромных количествах убитых врагов. Героический гиперболизм выражается, главным образом, в общем факте победы 20 000 над 400 000. Вообще же гиперболических образов и мотивов в «П. о Р.» мало по сравнению с более поздними поэмами. Сюда относится «рассечение врага пополам до седла» (4 раза), «звук рога, слышный за 30 миль». «полуфутовое расстояние между глазами сарацина» (ст. 1218), «Чернюбль поднимает большую тяжесть, чем семь мулов» (ст. 978). «Мальприм бежит скорее коня» (ст. 890). Вот и все. Но гиперболическая концепция сказывается также в *увеличении масштаба* всего воспринимаемого. Самым употребительным эпитетом является «большой»: он встречается около 185 раз («маленький» — не более 10 раз). Если прибавить к этому другие усилительные обозначения, «длинный», «высокий», «широкий», «громкий», «сильный», то это составит еще около 90 раз¹. Таким образом,

¹ Все приводимые нами цифры могут содержать значительные ошибки, так как у нас не было надлежащего аппарата для совершенно точной постановки дела. По-

увеличительные и усилительные выражения встречаются приблизительно через каждые 14 — 15 стихов. Однако эти цифры еще не дают полной картины: к ним нужно прибавить немногие усилительные сравнения и многочисленные литотические выражения, служащие той же цели (см. § 10), а также огромные числа (400 мулов с золотом, тысяча труб, 400 боевых судов и т. п.). Тогда мы увидим истинную концепцию «Песни»: все в ней «большое», «сильное», «никогда не виданное»; мир показан в увеличительное стекло.

Сравнение с той же «Поэмой о Сиде» показало бы, как все там проще и реальнее. Мы, конечно, не можем здесь произвести такое сравнение с полными подсчетами. Но одну черту нам хотелось бы отметить для характеристики героической концепции «Песни».

Мы имеем в виду *идеализацию побуждений* наших героев, отрыв от реальной действительности крестовых походов. *Добыча* упоминается всего три раза (ст. 99, 1167, 2479), также и материальная награда христианским воинам — всего три раза (ст. 399, 699 3410). В «Сиде» все вертится вокруг добычи: упоминается она больше 25 раз; но, кроме того, все время встречаются подарки, купля, продажа, дележ. Если вспомним, как грабили крестоносцы не только в мусульманских, но и в христианских землях, то нам станет ясно, что «П. о Р.» рисует идеальный, облагороженный, так сказать, сублимированный поход.

Из вышесказанного видно, что «героическая концепция» насквозь пронизывает всю ткань поэмы.

2) *Трагическая концепция* опять-таки очень явственно бросается в глаза при сравнении с «Сидом» (цифры приблизительные).

	«П. о Р.»	«Сид»
Горе упоминается ок.	80 раз	ок. 10 раз*
Радость »	» 5 »	» 35 »

* — (и то 2 раза сокрушаются мавры).

этому мы пользуемся только самыми выразительными данными, при которых цифры, даже не будучи совершенно точными, все же показывают основные тенденции. Работа наша есть лишь предварительная наметка настоящего исследования поэтики и стиля «П. о Р.».

Французские герои постоянно «плачут» (раз 20), раз 7 падают в обморок, в то время как Сид плачет всего два раза¹. Вся тема — гибель праведных и доблестных — вызывает такую концепцию. Много писалось о том, что трагизм здесь психологизирован, превращен из простой трагедии соотношения сил (как у Эйнхарда) в конфликт чувства самосохранения с рыцарской честью: Роланд может избежать гибели, если затрубит в рог, но гордость и честолюбие (боязнь дурной славы) заставляют его предпочесть героическую смерть. Трагическая концентрация несколько разжижается длинным (около 1100 стихов) описанием блестящей победы над почти двухмиллионным войском Балаганта, вернее, над всем языческим миром — победа, перед которой Ронсевальское поражение бледнеет.

Но этот экзотический эпизод, вернее всего, является гетерогенным телом (см. прим. к ст. 2602): первоначальная концепция могла быть более цельной.

3) Вопрос о *комическом элементе* в «П. о Р.» до сих пор мало интересовал исследователей, да и значение его в масштабе всей проблемы очень невелико. Интересно только отметить, насколько ускользает от нас юмор прошедших веков, в особенности если юмористический эффект создавался исключительно средствами поэтики (образ, ситуация), без поддержки стилистических форм. В самом деле, мы сейчас лишены возможности определить, какие места «Песни» могли вызывать смех у современников. Может быть, таких мест было больше, чем нам представляется. Мы выделяем несколько таких пассажей.

а) Д о б р о д у ш н ы й ю м о р присущ фигуре архиепископа Турпина с самого первого его выступления, когда он вызывается ехать к Марсилию: «Хочу взглянуть, каков собой сосед» (ст. 270; точнее: «хочу взглянуть, каков он из себя»). Комизм вызывается сочетанием воинственности с архипастырским саном. Когда Турпин «в епитемью им дал: рубить сильней» (ст. 1138), то получается своеобразный логический

¹ Слезы в «Сиде» упоминаются 10 раз: 2 раза плачут женщины, 6 раз мужчины и женщины (при этом 2 раза — от радости). В «П. о Р.» женщина плачет всего один раз (Брамимонда), Альда же вовсе не плачет.

дксиморон. Сюда же относится добродушно-насмешливое и вместе с тем восторженное восклицание франков (ст. 1509). Замечание Турпина, что рыцарю, которому «грош цена», лучше итти в монахи (ст. 1880 — 1881), тоже должно было звучать юмористически в устах прелата.

б) Не всегда легко разграничить смешное и ужасное в гротескных образах сарацин: в черном, как сажа, Абисме (ст. 1474), в волосатом Чернюбле (ст. 976—978), в лопоухих эфиопах (ст. 1918), в щетинистых, как свиньи, милцнах (ст. 3223), в ржущих окцианцах и лающих аргойльцах (ст. 3526 — 3527).

в) Грубая комика ситуаций несомненно чувствовала в сценах расправы кухонных холуев над Гуенелоном (ст. 1821—1829) и мавров над своим же богом Аполлоном (ст. 2580 — 2591).

г) Жестокый сарказм слышится в том месте, где Балигант посылает Марсилию перчатку с повелением надеть ее на правую руку, не зная, что рука эта уже отрублена Роландом (ст. 2678). То же, пожалуй, и в словах Турпина, обращенных к маврам (ст. 1257): «Скажу вам *весть*: живым вам не уйти». Такие вызовы, бросаемые врагу, — а в «П. о Р.» их очень много (ок. 25), — может быть, чаще вызывали смех аудитории, чем нам кажется. Однако вряд ли к перечисленным нами местам можно прибавить столько, чтобы вес комического элемента в общем составе поэмы мог стать сколько-нибудь значительным.

§ 7. Сю ж е т

Воспевание национальных поражений и героизация их — явление нередкое в мировом эпосе: вспомним «Слово о полку Игореве», сербские песни о Косовской битве, наконец, вторую часть «Песни о Нибелунгах» (в основе — разгром первого бургундского королевства в 437 г.). В центре «П. о Р.» стоит такое же поражение (с той только разницей, что исторический вес его несоизмерим с только что перечисленными сражениями).

«Песнь» трактует Ронсевальскую битву не как изолированный факт, а как эпизод в длинной цепи Роландовых деяний. Действие начинается на восьмом году испанского похода; вскользь упоминаются предшествовавшие периоды борьбы (взятие Нопля и Кар-

касоны). Кончается песнь указанием на дальнейшие подвиги Карла — указанием, которым как бы подчеркивается эпизодичность темы и богатство стоящего за нею цикла.

Строение сюжета:

А) Завязка (предательство Гуенелона); два этапа: а) посольство Бланкандрина, б) посольство Гуенелона.

Б) Вершина (сражение); два этапа: а) первая рать Марсилия (гибель сарацинских перов), б) вторая рать Марсилия (гибель франкских перов).

В) Развязка (возмездие); два этапа: а) наказание сарацин, б) наказание Гуенелона.

Очень любопытен *параллелизм* в структуре частей, а также параллелизм этапов внутри частей. В последнюю часть вкраплены эпизоды: Балигант, смерть Альды, крещение Брамимонды.

Развитие действия идет в общем от этапа к этапу, причем *место действия* меняется 18 раз. Что касается *распределения времени*, то кроме обычной *последовательности* применяется и *одновременность*: пока Карл переходит Пиренеи, — Марсилий собирает своих перов; пока Карл спешит на помощь, — умирают Оливьер, Гуальтьер, Турпин и Роланд; пока Карл топит сарацин в Себре, — в Сарагосе уничтожают идолов; пока Карл оплакивает и хоронит перов, — Марсилий совещается с Балигантом. 18 перемен места, таким образом, соответствуют 14 переменам времени.

События 5 раз *предвосхищаются* (ст. 9, 95, 810, 1408, 1691); но только один раз имеется настоящая *ретроспекция* (ст. 2609), которой вводится все тот же «эпизод с Балигантом»: здесь певец считает нужным вспомнить письмо, которое Марсилий семь лет тому назад послал Балиганту¹; это производит впечатление искусственной спайки.

§ 8. П е р с о н а ж и

Тот же *параллелизм* замечается отчасти и в *подборе персонажей*: 12 франкских перов — 12 сарацинских перов; во главе их стоят племянники царей (Роланд и

¹ Конечно, в «П. о Р.» иногда вспоминаются предшествующие события, но эти реминисценции не имеют сюжетного значения.

Аэльрот); Карлу соответствует Балигант (старый, величественный, гордый, мудрый и храбрый); Оджьеру и Найму, устанавливающим полки, — Торлей и Дапарморт (3216).

Среди персонажей главную массу составляют воины, к которым принадлежат и монархи: королей, мирно сидящих на троне, пока герои воюют (как, например, Владимир в былинах, Альфонс в «Сиде», Этцель в «Нибелунгах»), «П. о Р.» не знает. Воюют даже духовные лица: Турпин и кудесник Сиглорель. Женских фигур —

Турпин примиряет Роланда и Оливье
С мозаики в Бриндизи (XII век)

всего две; кроме того, имеется очень немного аксессуарных лиц: слуги, вестники, священники, палач.

Герои (как христианские, так и сарацинские) делятся на индивидуализированных и типизированных. Последние все однотипны: храбры и верны сеньору (сарацины к тому же мерзавцы); отличаются они от всей кольчужной массы только тем, что названы по именам и титулам (Самсон, Ивон, Иворий, Оджьер и т. д.). Другие индивидуализированы только путем краткой характеристики; это — исключительно сарацинские воины: красавцы Амирафл и Маргерит, быстроногий Мальприм Бригальский, волосатый Чернюбль, огромный Фальзарон, черный изменник Абисм чародей Сиглорель.

При помощи речей и поступков выделены: Карл, Роланд, Оливьер, Турпин, Гунелон, Найм, Тьедри, Пинабель; Марсилиий, Балигант; Бланкандрин, мудрый фаталист Джанглей, Альда, Брамимонда.

Здесь есть и монолитные идеализированные фигуры: идеальные властители Карл и Балигант (последний не уступает императору ни в величии, ни в смелости, ни в справедливости¹, и вся вина его в том, что он «неправ, а христиане правы»); мудрые советники Найм и Бланкандрин; феодал, верный своему роду и в добре и в лихе, Пинабель; в противовес ему, непоколебимый приверженец императорской власти Тьедри; до гроба верная, самого Карла посрамляющая Альда.

Но есть и более разнообразно нюансированные характеры. Отмечаются недостатки любимых героев и достоинства антагонистов. Роланд благороден и храбр, но легкомыслен, самонадеян и необуздан в речах; его характер оттеняется фигурой «храброго и учтивого» Оливьера, которому певец, видимо, особенно симпатизирует: мастерски разработана и подчеркнута *моральная победа*, которую Оливьер одерживает над Роландом на Ронсевальском поле. С другой стороны, предатель Гуенелон красив, умен и отважен: один во вражеском стане, он обнажает меч против сарацинского царя и бросает свой гордый вызов. О сложной фигуре Турпина, смешноватой, величественной и грозной, мы уже говорили. Весьма тщательно обрисована Брамимонда: импульсивная, многоречивая, проклинаящая Карла, но чувствующая его величие и правоту его дела, она инстинктивно находит путь к добру. Все эти контрасты разнообразят идеализирующую манеру певца, вносят в нее реалистическую струю, сообщают иконообразной психологической картине живое движение.

§ 9. Т о п и к а

Зато значительное *однообразие* вносится частым повторением отдельных мотивов. Эти *общие места* буквально наводняют поэму.

Фоном, на котором действуют персонажи, большею частью служит *природа* (комната появляется всего

¹ Ср. ст. 3180 — 3181: его похвальный отзыв о своем смертельном враге.

4 раза). Но многие ситуации повторяются: на мураве действие происходит раз 20 (течет кровь, лежат мертвые, сидят герои), под деревом — 12 раз (деревья, впрочем, разнообразятся), при солнце — 9 раз, ночью — 3 раза; горный пейзаж описан 5 раз, равнина 2 раза, река (Себра) описана 1 раз, упомянута еще 1 раз (в Ахене); имеется одно описание грозы (ст. 1423 и сл.) и одно упоминание о грозе, одно краткое описание моря. Этим ограничивается природоописательный материал.

Огромная масса мотивов падает на отдельные *моменты боя*. Одно только побуждение к бою встречается около 40 раз; вызов врагу или издевательство над ним (перед боем) — около 20 раз; похвальба перед боем — 26; индивидуальный бой — 46 (при этом копьём действуют 29 раз, мечом — 11 раз); один бросается на массу — 12; общая свалка — 18. Все эти мотивы сосчитаны без вторичных упоминаний о том же бое (вариаций). Чрезвычайно любопытно сличить эту картину с боевыми мотивами в «Поэме о Сиде»: побуждение к битве — 11, насмешка над врагом перед боем — 1, похвальба — 3; индивидуальных боев — 5 (копьём действуют 5 раз, мечом — 6 раз (так как описаны удары обоим противников); один бросается на массу — 11; массовый бой — 8. Итак, в «Сиде», по объему равном «П. о Р.», — вчетверо меньше боевых мотивов. Совершенно другое соотношение между коллективным и индивидуальным боем: последний занимает в «П. о Р.» — около 60%, в «Сиде» — около 20% всех боев.

Огромную роль в топике «П. о Р.» играет *конь* (ср. § 3, а, в). Садятся герои на коня 13 раз; сидят на нем 8 раз; шпорят его — 20, скачут — 25 раз; но, кроме того, конь еще часто упоминается.

Вооружаются герои 9 раз. Бесчисленное количество раз упоминаются кольчуга, шлем, щит, меч, копьё, прапор.

После боевых мотивов следуют явления религиозной жизни: молитва, покаяние, церковная служба, похороны, крещение. Количество их несоизмеримо с боевыми мотивами (можно сказать, что оно будет близко к 20).

Из повторяющихся мотивов общественной жизни можно отметить разные феодальные акты (коммемдация, инвеститура, вручение перчатки, жезла, лука),

кроме того — совет (зачастую военный), а также по-сольства.

Что касается *чувственной окраски образов*, то здесь повторяющимися являются: трубные звуки (раз 20), блеск солнца, оружия, драгоценных камней (около 45). Из цветов самый распространенный — белый (около 30); затем следует зеленый (исключительно для травы — 16), алый (для крови, щитов, прапоров — 11), желтый (два оттенка — 4), черный (4), бурый (3), лазоревый (1)¹. Твердость, легкость, жара, холод, теплота (крови) встречаются редко; запахов вовсе нет. Вообще чувственная окраска очень слаба.

Из материалов самый распространенный — золото: упоминается более 60 раз; остальные (серебро, железо, сталь, слоновая кость, хрусталь, драгоценные камни, различное дерево для древков, оленья кожа, шелк) встречаются значительно реже.

Все эти повторения мотивов и признаков и создают то впечатление однообразия и бедности, которое еще усиливается сравнительной монотонностью стилистических приемов (см. § 10 и 11).

Числа в «П. о Р.» довольно разнообразны: здесь скорее действует принцип вариации, нежели типичности. Из встречающихся чисел (2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 15, 17, 20, 30, 40, 50, 60, 100, 200, 400, 500, 700, 1000, 1700, 4000, 7000, 20 000, 30 000, 40 000, 50 000, 60 000, 100 000, 400 000) самые распространенные (4 и 20 000) встречаются всего по 17 раз. Если их сгруппировать, считая сотни и тысячи за именованные числа, то получится схема:

4, 400, 4000, 400 000	29 раз
20, 20 000	24 »
100, 100 000	19 »
7, 700, 7000	14 »
1000	14 »

Принимая во внимание величину поэмы, а также то обстоятельство, что 20 000 почти всегда относится к тому же предмету (дружина перов), можно отрицать наличие «эпических чисел» в настоящем смысле слова (как, например, в былинах); есть лишь небольшое предпочтение к цифрам 4, 7, 100 и 1000.

¹ Сюда не входят масти лошадей.

III. СТИЛЬ

§ 10. Ф и г у р а ц и я

При всем богатстве литературы о «Роланде» не существует ни одного сколько-нибудь полного обзора стиля «Песни». Невозможно, конечно, восполнить этот пробел в кратком предисловии¹. Но даже беглый обзор материала позволяет внести много нового в эту необследованную область.

Стиль «простой, сильный, монолитный» (Г. Парис), «сухой, грубый, бедный» (Лансон) — все эти суждения содержат долю истины, но часто неверно толкуются. Если, например, Дженкинс (стр. XXXVI) говорит, что в «П. о Р.» «почти нет условных словесных украшений», то это совсем не соответствует действительности. При далеко неполном подсчете мы обнаружили несколько менее 800 несомненных фигур, но это количество, вероятно, еще несколько увеличится (в особенности в отношении фигур синтаксических) при более тщательном подсчете. Значит, какое-нибудь стилистическое украшение встречается по меньшей мере через каждые 5 стихов.

Нельзя также сказать, чтобы в «П. о Р.» было мало разновидностей фигур; напротив, их там порядочно: мы обнаружили около 35 несомненных типов (не считая разновидностей внутри типа).

И, тем не менее, замечание о «простоте» не лишено основания.

а) Плеонастические фигуры

Дело, прежде всего, в том, что одна семья фигур явно преобладает над остальными. Это — *плеоназмы* разных видов.

¹ Уже такие явления, как вариации и формулы, требуют дополнительного изучения. Инверсия, которая (в грамматическом смысле) встречается на каждом шагу, должна быть оценена с точки зрения стилистической; для того, чтобы определить, какого рода инверсии являются фигурами, нужно сделать пространный экскурс в область старо-французского синтаксиса. Мы здесь совершенно не касаемся этого вопроса.

Сюда относятся: простой плеоназм («плачет глазами»¹, «нет такого, которого бы он так *хотел* ненавидеть», ст. 1244), синонимия (ст. 4—5): «Твердьни нет, чтоб перед ним не пала, Истерты в прах все болони и грады»), тавтология (ст. 189—90: Примет закон спасенный, христианский, Крестится он...; ст. 667: Рано с зарей, чуть утро забелело), плеонастически эпитет («зеленая трава»), параллелизма (ст. 139: Наш император *он* поник головой).

Среди этих фигур очень большое значение имеет *полисиндетон* (многосоюзиe — около 80 случаев), особенно при сочетании пар. (ст. 230: Встал герцог Найм, «и старый и бывалый»).

Но особенно часты *синонимические пары*, колеблющиеся от слабой синонимичности до полной тавтологии (ст. 39: по чести и добром; ст. 45: и славу и почет; ст. 55: ни весточки, ни гласа; ст. 405: по путям и дорогам). Сюда же относятся *плеонастические (синекдохические)* пары (ст. 1417: Тысячи мрут и сотни: ст. 2436: ни лев ни зверь лесной; ст. 3273: Склоняют все главу и подбородок), — где одно понятие уже заключено в другом. В общем таких пар — более 160.

Мало того, плеонастическая тенденция втягивает в свою орбиту такие фигуры, которые по существу не всегда являются плеоназмами. Таковы различные фонетические фигуры, как то: аллитерированные пары, которые здесь зачастую синонимичны («и рубит и режет») и паремон, нередко сопряженный с тавтологией (ст. 1496: Век: я трусов и трусости не чтил; ст. 3883: Как подлеца, что подлость совершил).

Но и ряд *семантических фигур* могут быть построены так, что не прибавляют ничего к исходному представлению. Таковы попадающиеся в «П. о Р.» антоно-

¹ Мы почти везде сохранили эту несколько наивно звучащую странную формулу, так как она в «П. о Р.» встречается 7 раз и типична не только для французского, но и для старо-испанского эпоса. Возможен и другой перевод: «плачет из глаз», — и мы даже склонялись к нему из ритмических соображений; но все же, повидимому, «des oeils» — здесь творительный падеж, а не обозначение источника.

м а с и и («те из Испании», вместо «испанцы» и т. п.). Встречается даже раза три с и н е к л о х а совершенно плеонастического характера (ст. 3790: Пускай король соберет [на совет] *наши тела* [т. е. нас]. Мы не напили способа передать эту форму так, чтобы она не звучала комично. Плеонастический характер носят и *сравнения*, где человек сравнивается с человеком (ст. 2414: Бороду рвет, как человек во гневе; ст. 2525: Спит Карл, как тот, что сильно изнемог); такие сравнения просто заменяют наречия («гневно», «в изнеможении»).

Литота (утверждение при помощи отрицания противного), сама по себе, — вовсе не плеоназм; это — троп антитегического типа, вводящий противоположный образ для оттенения основного (например: «он — не гений», вместо «он глуповат»). Но в «П. о Р.» весьма распространен (более 50 случаев) особый вид д в о й н о й л и т о т ы, отрицающей отрицание основного образа («такого нет, чтобы не плакал», т. е. «все плачут»); здесь нет никакого противоположного образа, а есть все тот же основной с привеской двух отрицаний. К этому же типу относится «отрицание большей степени для возвеличения данной» («на свете нет большего героя», т. е. «это величайший, самый большой герой»); таких случаев тоже около 40.

Если посчитать все эти формы, то окажется, что из найденных нами без малого 800 фигур более 500 (от 60 до 65%) падают на плеоназмы, которые, значит, встречаются в среднем через каждые 8 стихов¹.

Таким образом, все замечания некоторых ученых о «сжатости», об «отсутствии многословия» в стиле «П. о Р.» отпадают совершенно. Напротив, многословие скорее отличительная черта всей фигурации, а если прибавим к этому такую композиционную черту, как «вариацию тирад» и повторение формул (см. ниже), то можно смело говорить о «плеонастическом стиле». Впе-

¹ Любопытно, что до «эпизода с Балигантом» плеоназмы как будто встречаются чаще (около 400 на 2600 ст., т. е. через каждые 6 ст.), а после — реже (около 120 на 1400 ст., по одному на 11 ст.). Впрочем, фигурация вообще в этой части беднее. Однако вопрос нуждается в более детальном исследовании. Мы воздержимся от каких-либо выводов и даже от гипотез.

чатление же «простоты» получается именно от того однообразного эффекта, который дают все рассмотренные фигуры.

б) Семантические образные фигуры

Немалую роль в суждении ученых играл незначительный процент «образных» фигур. Конечно, утверждение Г. Париса (*La Littérature française au Moyen Age*, § 36), будто во всей «Песни» есть одно только сравнение (1874 — 1875), ни на чем не основано что не мешает ему переходить из одной книги в другую (ср., напр., Дженкинс, стр. XXXVI). Но все же его суждение о том, что язык «П. о Р.» лишен образности, в общем отвечает истине.

Из фигур, основанных на *сближении образов*, встречаются следующие.

1) Тр о п ы: м е т а ф о р а (ст. 545: плащ небес; ст. 597: «десница Карла» = Роланд; ст. 2431: «цвет Франции» = перы и их дружина — всего около 8 случаев); с и н е к д о х а (ст. 42: «сыновей наших жен», вместо «паших сыновей»; ст. 246: «ни ногою»; часто: «под небом» — всего около 10 случаев); а н т о н о м а с и я (ст. 612: «сарацин испанский», вместо «Марсий», а также имена божьи, напр., «всевышний», «отче наш, воистину пелживый»).

2) Из д в у ч л е н н ы х ф и г у р этого типа встречается только с р а в н е н и е, причем тип *comproatio* (сравнение степени качества) несколько преобладает над типом *parabole* (приравнение качества). Примеры: ст. 890: «Быстрой коня пешком он пробежит» — сравнение степени; ст. 1474: «Весь черен был, как сажа из печи» — приравнение. Для того, чтобы устранить заблуждение, посеянное фразой Г. Париса, приводим стихи, где встречается сравнение: ст. 639, 890, 921, 978, 1111, 1475, 1535, 1572, 1616, 1772 (буквально: «этими словами вы напоминаете ребенка»), 1933, 2265, 2616, 2739, 2868. 3153. 3173, 3223, 3249, 3319, 3323, 3502, 3503, 3521, 3527; сюда не вошли ни плеонастические сравнения, ни сравнения по ценности («стоит меньше гроша» и т. п.); и все же это составляет 26 совершенно достоверных случаев. Здесь мы считаем нужным отметить, что 13 из этих случаев (из них 11 приравнений) приходится на ст. 2600 — 3700, т. е. на эпизод в Ба-

лигантом», а на остальные 2900 стихов падают тоже 13, из коих всего 5 приравнений; это любопытная разница, если принять во внимание, что вообще количество фигур в «эпизоде» меньше (около 15% к стихам), чем в остальной «Песни» (около 23%)¹.

В этой группе любопытно отметить полное отсутствие «украшающих эпитетов», т. е. таких, которые сами в себе заключают фигуру, сравнение («белоснежная шея») просопоцею («сверлящий мороз») и т. п. Отсутствует также просопопея (олицетворение).

Несколько больше группа фигур, основанных на *контрастных образах* (антитетические фигуры).

1) Из тропов встречаются *литоты* (ст. 3030: «Вовек они в сраженьях не робели», т. е. были храбры; часто: «не любить» в смысле «ненавидеть»); часто попадаете разнообразность: «такого нет, чтоб против молвил слово»; всего — около 30 с лишним случаев. Есть один случай *ронги* (ст. 317).

2) Из двучленных фигур имеется обычная *антитеза* (ст. 1093: Роланд горяч, а Оливьер разумен) и ее разнообразность, так называемое *schema kat'arsin kai thesin*, развернутая литота (ст. 229: Бросим глупцов, подчинимся уму); довольно часты антитетические пары (ст. 1118: и стужу и жар). Есть один *оксиморон* (ст. 3978: *Вольная* есть у меня *полюнятка*).

В общем образных фигур — около 130 (из коих антитетических около 80). Это составит около 16% всех фигур².

в) Звуковые фигуры

Звуковых украшений крайне мало, если не считать тех, которые относятся к плеоназмам, т. е. в особенности многосоюбие (полисиндетон). Особенно мало «организующих фигур», т. е. таких, которые связаны с расположением в стихе.

¹ Повторяем, цифры эти не точны, но очень далеко от истины они уклониться не могут.

² Кроме перечисленных, встречаются из этой группы в малом количестве: *преамбула* (ст. 2210 — 2214, 3484 — 3488), *пролеписис* («Вынул ногой меч») и несколько сомнительных *метонимий* и *характеризмов*.

Анафоры (ст. 3949 — 3950: *Они* пошли за Гуенелона в суд, *они* — в залог за Пинабеля тут) если и встречаются, то носят, повидимому, случайный характер, так как это большею частью союзы, член, предлоги. Напротив, наблюдается как будто тенденция *вариировать повторяющееся начало* стихов (ст. 3224—3225: Тобой я взял весь вольный край Нормандский, и взял тобой Прованс и Аквитанию). При этом иногда получаются одинаковые слова на соответствующих (параллельных) местах внутри стиха — «э п а н а ф о р а» (ст. 2188 — 2189: «Затем *нашел* Беренджьера с Атоном, Еще *нашел* Ансеиса с Самсоном»); таких явлений — около 20.

Из неорганизуемых фигур есть не плеонастический п а р е г м е н о н («Франки уйдут во Францию обратно»), не синонимические ал л и т е р и р о в а н н ы е п а р ы (древко и дрот), в частности ал л и т е р и р о в а н н ы е п а р ы и м е н (Иван и Иворий, сербы и сорбы, Кларие и Кларифант, Джерин и Джерьер, Базан и Базилий, Марбриза и Марброза), одна р и ф м о в а н н а я п а р а («злаченный, расцветенный» = ad or, e a flor). Аллитерированные пары интересны, так как они, может быть, являются результатом германского (франкского) влияния на французский эпос (?); вместе с синонимическими их около 20.

Общее количество звуковых фигур трудно установить из-за сомнительности большинства анафор: количество это будет колебаться приблизительно от 60 до 75, т. е. составит не более 9% всех фигур.

в) Синтаксические фигуры

То же следует сказать и о синтаксических фигурах. Здесь не обследован вопрос о том, какие из многочисленных и н в е р с и й можно считать необычными для тогдашней поэзии (т. е. фигуративными). Из этих инверсий мы отметим только один тип, в котором существенно вставлено между двумя прилагательными («милой Франции сладкой»).

Параллелизм (ст. 3682 — 3683: «Двинулась рать и с весельем и с кликом: Прошли Нербону и с доблестью и с силой»), как и анафора, большею частью слабо отмечен, никогда не доходя до полного синтаксического совпадения двух рядом стоящих стихов (исоклон).

Напротив, при логически параллельных построениях замечается тенденция к изменению симметрического порядка, т. е. к х и а з м у (ст. 364б: «Силет ден и солнце светит ярко»), это явление встречается нередко.

Есть несколько случаев гистерологии (ст. 3772: «Послал меня на смерть и на расправу», вместо «на расправу и смерть»), один только эллипсис (ст. 339, его не удалось сохранить в переводе).

Из *интонационных фигур* имеются а п о с т р о ф а (обращение к мечу, к Франции), р и т о р и ч е с к о е в о с к л и ц а н и е от имени певца (ст. 3164: «Будь он крещен, о боже, что за воин!») и р и т о р и ч е с к и й в о п р о с (ст. 1185: «Спешат разить, а что им делать боле?»).

Можно еще указать не *сентенцию* (ст. 2524: Крепко учен, кто научен невзгодой), встречающуюся раз 12. В общем синтаксические фигуры (без инверсий) займут около 10% фигур.

Итак, мы видим, что фигурация качественно довольно разнообразна: но количественно плеоназмы подавляют остальные виды. Получается язык многословный, бедный вспомогательными образами и звуковыми украшениями — язык «настойчивый», повторяющий одни и те же мысли, слегка варьируя выражения.

§ 11. Стилистическая композиция

Весь рассказ ведется попеременно в настоящем (*praesens historicum*) и в прошедшем времени, так что иногда даже одно из сказуемых при том же подлежащем стоит в настоящем времени, а другое в прошедшем (см. также прим. к ст. 10). Можно даже сказать, что *praesens historicum* преобладает.

Касательно употребления частей речи любопытно отметить ничтожный процент прилагательных (и причастий): около 29 на 100 стихов против приблизительно 70 в «Энеиде» Вергилия и около 60 в русских былинах. Многие из них прилагательных повторяются, но вопрос о «постоянных эпитетах» еще нуждается в уточнении¹.

¹ «Постоянный эпитет» (добрый конь, копые мурзакое и т. п.) — не фигура, а композиционный момент, так как сам по себе ничего необычного (фигуративного) не содержит и становится формой только при частом повторении (т. е. при необычной пропорции). В «П. о Р.»

Весь текст на 42% состоит из *прямой речи* (1692 стиха полностью или частично являются прямой речью).

Очень сложен вопрос о *вариациях*. Один из ее видов состоит в том, что одни и те же мысли или одна и та же ситуация варьируются в двух или нескольких последовательных тирадах (*laisses similaires*, например, XL, XLI, XI, II). Другой вид — это описание ряда сходных ситуаций в сходных (но не тождественных) выражениях (например: тирады XLVIII, XLIX или XCIV, XCV, или XCVI — CII). Наконец, ряд сходных по смыслу и лишь слегка, а то и вовсе не варьированных стихов рассыпаны по всему тексту. Это — так называемые *формулы* ¹.

Вариации (в особенности первый вид) носят *персонажистический характер* и, таким образом, повторяют тенденцию, отмеченную нами при изучении фигур.

Зачала тирад большей частью излагают ситуацию (I, CX) или действие персонажа (XCVII) или описывают персонаж (III, CIII): часто тирада начинается с вводного предложения (IV) или прямой речи (XLIII). 16 раз встречаются природоописательные вступления (XI, XVI); порой варьируется начало предыдущей тирады IX—X или, наоборот, подхватывается ее конец (IX—X, CXI—CXII): одна тирада начинается с септении (CXI I) ².

Концовки тоже большею частью заполнены описанием действия или состояния, продолжающего рассказ. Но

очень частыми являются только комбинации «сладкая Франция» (23 случая) и «зеленая трава» (16); остальные (острое копые, шлем с золотом и камнями, бегучий или быстрый конь, ясная кровь, блестящая кольчуга) встречаются от 6 до 9 раз. Постоянно при одном существительном встречаются только «зеленый» и «острый» (острокопые — 9 раз); «добрый» употребляется для множества предметов (чаще всего при слове «вассал»). С другой стороны, Франция бывает не только «сладкой» (в том смысле, как говорят «сладкий сон», «сладкое житье»), но и «прекрасной», «славной», «вольной»; шлем бывает также «стальным», кольчуга «вороненой» и т. д.

¹ Так, напр., формула «спешит разить» повторяется 34 раза.

² Часты начальные формулы типа: «видит Роланд», «слышит король» и т. п.

около 100 концовок представляют так называемые э п и ф о н е м ы, завершительные фразы, содержащие либо словесный отклик на слова или события (ст. 77, 1288), или реагирование на свои или чужие слова (ст. 484, 641), или конечный вывод из слов (ст. 549) — сюда же относятся предвосхищения (ст. 9, 95) и сентенции (ст. 2524, 3657), а также восклицания певца (ст. 716). Концовки, как и зачала, иногда варьируются (ст. 549, 562).

Enjambement в «П. о Р.» отсутствует, т. е. срединная синтаксическая пауза не бывает сильнее конечной, что типично для устной поэзии.

Из всех перечисленных основных свойств стиля явствует, между прочим, что он ничего общего не имеет с характером стиля «Энеиды», (сл., в частности enjambement и эпитеты), а из этого в свою очередь следует, что «П. о Р.» никак не может продолжать средневековую латинскую эпическую традицию, так как эта последняя вся восходит к Вергилию. Сходства поэм IX в. с «Песнью» (там, где она до сих пор обнаружена) являются отклонениями от Вергилия. Нет никаких оснований думать, будто «П. о Р.» что-либо непосредственно заимствовала из этих поэм; но общий (народный) источник сходств вполне возможен.

При передаче стиля подлинника мы, конечно, старались, чтобы фигура попадала на свое место и чтобы *композиционные пропорции были в общем соблюдены*. Если не удавалось точно передать стилистическую форму, т. е. когда приходилось вводить что-либо новое, то мы избегали форм, тексту несвойственных или мало свойственных: так, мы не вводим украшающих эпитетов, свободные места старались не заполнять прилагательными (в общем нам удалось сохранить в этом отношении пропорции подлинника), а вводили или полисиндетон, или синонимические пары и т. п.¹ Во-

¹ Архаизмы мы употребляем, главным образом, при передаче реалий (юшман, бармица, корзно), но порою и в остальном тексте (большую часть в торжественных местах). С этими (старо-русскими) архаизмами не следует смешивать церковные (старо-славянские) выражения, которые стоят на месте церковных же выражений самой «Песни». Вообще же мы старались использовать все ресурсы русской *эпической речи*, не стесняясь черпать из былин, героических повестей и даже из «Слова о Полку Игореве».

Обще мы старались усвоить манеру автора, иногда передвигая приемы с места на место, но не выходя за пределы самой манеры.

IV. СТИХОСЛОЖЕНИЕ

§ 12. Стих

«П. о Р.» написана *силлабическим десятисложником* с двумя *константными ударениями* на 4-м и 10-м слогах.

Каждый стих разделен *цезурой*. Большею частью она приходится после 4-го слога.

(26) Верный вассал, чтоб сеньору помочь.

В словах, стоящих в цезуре, безударные слоги, входящиеся после константного ударения, в счет не идут хотя тогда перед конечной константой получается не 10, а 11 или даже 12 слогов:

(905) Charles ei mágnès vielz est e redotez.

(3664) Froissent ymágenes e trestotes les ydeles.

Этот факт объясняется, очевидно, тем, что цезура была очень сильна и длительна, так что в паузу между двумя полустихами умещались безударные слоги: цезура при этом несколько сокращалась по сравнению с цезурой соседнего стиха, и стихи, таким образом, выравнивались.

Конец стиха подчиняется тому же правилу, т. е. слоги после 10-го ударного в счет не идут. Но так как рифмуются только мужские с мужскими и большею частью женские с женскими, то это правило несколько затушевывается: выступает оно только в редких случаях дактилического окончания, которое рифмуется с женским.

(3612) Quant Charles ot la sainte vois del ángle
(12 слогов)

Nen at poor ne de morir dotánce (11 слогов).

Эти особенности старо-французского стиха мы постарались соблюсти в переводе.

Прежде всего, мы сохранили (в противоположность прежним переводам) *силлабическую структуру* стиха, в результате чего получились следующие *тонические варианты*.

1) Первый полустих:

- а) $\cup _ \cup _ \cup _ _$ Марсилий царь
 $\cup \cup \cup _ _$ И Бланкандрин
б) $_ \cup \cup _ _$ Мудрый совет

2) Второй полустих:

- а) $\cup _ \cup _ \cup _ _$ в Михайлов день святой
 $\cup \cup \cup _ \cup _ _$ на пятьдесят возов
 $\cup _ \cup \cup \cup _ _$ расстаться с головой
б) $\cup \cup _ \cup \cup _ _$ побираться с сумой
 $_ \cup _ _ \cup \cup _ _$ сладкой Франции честь ¹
 $_ \cup \cup \cup \cup _ _$ тысяча соколов ¹.

При сочетаниях «а — а» получается наш так называемый ямбический стих; при сочетаниях «а — б», «б — а» и «б — б» получаются новые формации:

- а—а) Пошел он в сад под тень дерев плодовых
а—б) Коль хочет он—аматанов пошлем
б—а) Франки уйдут во Францию обратно.
б—б) Месяц один не успеет пройти.

Равным образом мы не считали возможным откинуть женские цезуры:

- (28) Отправьте к Карлу, что и спесив и горд,
О верной службе и о дружбе послов.

Получается «гиперметрический слог», который сразу слышен; однако (по мнению некоторых, слышавших эти стихи) он вносит известное разнообразие в монотонию постоянной цезуры и не производит неприятного впечатления.

Совсем почти не ощущаются дактилические окончания, тем более, что мы ставили их только там, где «и» приходится перед гласным (т. е. при желании, можно произвести синерезу).

- (29) Семь долгих лет провоевал в Испании.
(209) Марсилий снял с них головы в Альтилии.

¹ Последними двумя типами мы не злоупотребляем, так как русский язык (даже в прозе) не любит столкновения ударений.

Получившийся по-русски новый размер (основанный на счете слогов, с незначительным колебанием количества ударений и свободой расположения предконстантных ударов) нужно читать совсем просто, как прозу, но только *делать отчетливую остановку в цезуре*.

§ 13. Стр о ф а

Стихи соединены *асонансами* в строфы или тирады. Асонанс идет через всю тираду. Средняя длина тирады — около 14 стихов; но колеблется она от 5 (XXVI) до 35 стихов (СХХVII); основная масса падает на строфы от 7 до 17 стихов. Границей тирады служит момент перемены асонанса. Возможно, что из этого правила были исключения, что, например, с переменной места действия (СХХVI, 3130) певец делал тирадную паузу, а потом продолжал с тою же рифмою: но это, конечно, сейчас установить невозможно.

Относительно рефрена (?) «Аой» — см. прим. к ст. 9.

§ 14. С о з в у ч и я

«П. о Р.» находится в ранней стадии старо-французского рифмования. Для созвучия требуется только *совпадение гласных* даже при полном различии согласных. Приводим ряд примеров.

М у ж с к и е: tresorier, apareillez, bien, chargez, ciel.

Ж е н с к и е: aseride, riches, Cízere, fraisnine, saísie, brandide, esclices, mie.

«Arábie» (дактилическое окончание) асонансировано с charge (женск.). В своем переводе мы не пытались быть точнее, чем оригинал, т. е., в принципе, старались давать лишь созвучия гласных. Но так как и в оригинале при стремлении к асонансу порой получается чистая рифма, то и мы этого не избегали.

При женских рифмах нами допущена вольность: в старо-французском конечный безударный (за исключением некоторых дактилических слов) — всегда «е». Мы допускали в женских окончаниях разные безударные гласные (слово: Вальфонды), так как русские безударные гласные все хоть и не равны, но чрезвычайно кратки и не отчетливы в произношении.

Если возникал вопрос о том, предпочесть ли звучный асонанс или точную передачу какого-либо смысло-

вого факта, то мы всегда отдавали предпочтение последнему, потому что такова и манера оригинала. Однако, когда представлялась возможность без большого ущерба для смысла усилить асонанс при помощи согласного, мы такого случая не упускали (например, ХCVIII: так, цветах, стал, порвал, рыдал, удар).

Краппе¹ обнаружил в «П. о Р.» 488 аллитераций внутри стиха и 243 между стихами. Можно сомневаться в нарочитости этого эффекта (за исключением аллитерированных пар): доказательством случайности этих аллитераций может служить хотя бы то, что настоящий перевод сделан без всякого стремления к сходству начальных согласных и, тем не менее, совершенно случайно получилась почти такая же пропорция этих созвучий («верный вассал», «нехристя нет», «к герцогам, графам» и т. п.), какую мы наблюдаем в подлиннике.

V. ЛИТЕРАТУРА

а) Кроме изданий, указанных в § 1, а, назовем еще Stengel: La Chanson de Roland, Leipzig 1900.

Lersch. Das Rolandslied (Abdruck der Oxforder Handschrift), München 1923.

б) Baquière. Bibliographie de la Ch. de R., Heilbronn 1877.

Seelmann. Bibliographie der altfranzösischen Rolandslieder, Heilbronn 1888.

Gautier. Bibliographie des Chansons de Geste, Paris 1897.

Boissonnade. Du nouveau sur la Ch. de R., Paris 1923. [Обширная библиография на стр. 490—512].

Наши ссылки на Буасонада относятся к этому его сочинению.

G. Paris. Histoire poétique de Charlemagne, Paris 1865.

Основоположное сочинение.

¹ Краппе: «Alliteration in the Ch. de Roland and in the Carmen de Proditione Guenonis», Iowa City 1921.

L. G a u t i e r. Les Epopées françaises, II—III, Paris 1880, 1892.

B r ü c k n e r. Das Verhältnis des französischen Rolandsliedes zur Turpinschen Chronik und zum «Carmen de prodicione Guenonis» Diss. Rostock. 1905.

T a v e r n i e r. Zur Vorgeschichte des altfranz. Rolandsliedes, Berlin 1903.

Теория позднего происхождения «П. о Р.»

B é d i e r. Les Légendes épiques III, Paris 1912. [Сокращенно Б е д ь е. — Развитие теории позднего происхождения].

W i l m o t t e. Une nouvelle théorie sur l'origine des Chansons de Geste [Revue Historique, CXX, 241—289, 1915]

Критика Бедье и др.

Б. Я р х о «Юный Роланд». «Academia», 1926 г. [Гипотеза о происхождении сказания].

в) Русские переводы:

Б. А л м а з о в. «Песнь о Роланде», М., 1868 [*Свободное стихотворное переложение*].

А. Н. Ч у д и н о в. «Песнь о Роланде, французский народный эпос». (Русская Классная Библиотека, серия 2-я, выпуск I). Петроград 1917. [*Прозаический перевод*].

Гр. Ф. Г. д е л а - Б а р т. «Песнь о Роланде», с предисловием А. Н. Веселовского, СПб., 1897 г. [*Белый пятистопный ямб*]. То же с предисловием П. С. Когана; вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо. Москва-Ленинград, Государственное издательство, 1919 г.

ПЕСНЬ
О
РОЛАНДЕ

I

- 1 Карл, наш король, великий император,
Семь долгих лет провоевал в Испании.
Нагорный край вплоть до моря попрали он, —
Твердыни нет, чтоб перед ним не пала.
- 5 Истерты в прах все крепости и грады.
Лишь на горе Сарагоса осталась:
Марсилий в ней богопротивный правит,
Махмета чтит, к Аполину взывает.
Но, все равно, его бог покарает.

Аой.

II

- 10 Марсилиий царь пребывал в Сарагосе.
Пошел он в сад под тень дерев плодовых,
Ложится он на мрамор-камень желтый.
Вокруг него тысяч двадцать окольных
К герцогам он и графам молвит слово:
- 15 — «О, господа, сразила нас недоля.
Карл, император сладкой Франции вольной,
Вступил в наш край, поработить нас хочет.
Чтоб биться с ним, нехватает мне войска
И нет людей, чтоб рать его расстроить.
- 20 Мудрый совет мне дайте, как сеньору,
Как мне спастись от конца и позора.
Нехристя нет, чтоб вымолвил хоть слово.
Лишь подал глас Бланкандрин из Вальфонды.

III

- Слыл Бланкандрин среди мавров мудрецом,
25 Доблестен был, как истинный барон.
Верный вассал, чтоб сеньору помочь,
Царю он рек: «Пугаться вам грешно.
Отправьте к Карлу, что и спесив и горд,
О верной службе и о дружбе послов.
- 30 Пошлите в дар медведей, львов и псов,
Семьсот верблюдов, тысячу соколов

- И лошаков со златом и серебром,
Всего добра на пятьдесят возов,
Чтоб наградить наемников он мог.
- 35 Вдоволь-де он ходил на нас войной,
Пусть, мол, теперь вернется в Ахен вновь,
А вы — за ним в Михайлов день святой,
Чтоб от него принять закон Христов,
Карлу служить по чести и добром.
- 40 Коль хочет он — аманатов пошлем
Десяток, два, чтоб доверял нам он.
Дадим ему сыновей наших жен,
Первым на смерть я пошлю своего.
Лучше им там расстаться с головой,
- 45 Чем нам терять и славу и почет,
Чем нам пойти побираться с сумой.

IV

- Рек Бланкандрин: «Клянусь рукою правой
И бородой, что мне грудь обвеваet:
Узрите вы — растают франки сразу.
- 50 Франки уйдут во Францию обратно,
В дому родном опять осядет каждый,
Выедет Карл в свою часовню в Ахен
В Михайлов день, чтоб светлый праздник
справить.
- Но день придет, урочный срок настанет —
- 55 Нету от нас ни весточки, ни гласа.
Спесив король и очень злобен нравом,
Казнить велит он наших аманатов,
Но лучше им с головами расстаться,
Чем потерять нам свет-красу Испанию,
- 60 И претерпеть нищету и напасти.
«Пожалуй, так!» — говорят басурмане.

(Аой).

V

Марсилий царь распустил свой совет.
 На зов пришли Кларин де-Баласгет,
 Эстрамарит, Эудропин, его пер,
 65 И бородач Гуарлан с Приамом вслед,
 С дядей своим, Магеем, Мачинер,
 И Джоунер, и заморский Мальбьен
 И Бланкандрин, чтоб вел пред Карлом
речь.

Из самых злых он десяти велел:
 70 — «Вы, господа, пойдете к Карлу днесь.
 Мой город Кордр он осадой обсел,
 Каждый возьмет оливковую ветвь:
 Что значит: мир и смиренье сердец.
 Коль вы умно смягчите Карлов гнев,
 75 Я дам вам власть сребра и злата всем
 И вдоволь дам феодалов и земель».
 Они в ответ: «Заслужим эту честь».

Аоф.

VI

Марсилий царь свой совет распустил.
 Вассалам рек: «Велю я вам итти,
 80 Ветви олив в руках своих нести,
 Пред королем такую речь вести:
 Чтоб он меня Христа ради простил.
 Едва-едва лишь месяц пролетит,
 Пойду за ним я с тысячей своих,
 85 Их и себя в Христов закон крестить,
 Карлу служить по вере и любви.
 Коль он велит, заложников дадим».
 Рек Бланкандрин: «Вот это добрый мир».

Аоф.

VII

Марсилиий взял десяток мулов белых,
90 Сватильский царь их прислал ему прежде:
Седла в серебре, золотые уздечки.
На мулов тех посланники воссели,
Держат в руках оливковые ветви,
К Карлу пришли, что Францией владеет.
95 От их обмана он спастись не сумеет.

Аой.

VIII

Был император и весел и доволен.
Взял город Кордр, разбил он стены в крохи
И башни все стрелометами сбросил.
Его бойцы добычи взяли вволю,
100 Злата, серебра, дорогих узорочий.
В городе нет язычника такого,
Что не убит иль не крещен водою.
Наш император сидит в саду плодовом,
И там Роланд с Оливьером-бароном,
105 Герцог Самсон с Ансеисом прегордым,
Джефрейт д'Анжу, гонфалоньер коропный,
Еще пришли Джерин с Джерьером оба,
А где они, там и других есть вдоволь,
Пятнадцать тысяч из Франции привольной.
110 Сели бойцы на белый плат шелковый,
Тивлеи есть для утехи баронов,
Шахматный стол для старых и толковых.
Фехтует сонм тех отроков проворных.
В тени сосны там, где цветет шиповник
115 Стоит престол из золота литого.
Там сел король сладкой Франции вольной,
Брадою сед и с белой головою,
Станом красив и величав собою,
Без слова всяк его признает тотчас.

120 С седла сошли послы перед престолом
Поклон творят по чину и закону.

IX

Заговорил прежде всех Бланкандрин,
Рек королю: «Спаси вас бог един,
Пресветлый царь, которого мы чтим.
125 Марсилий царь вам так сказать велит:
Возжаждал он спасения души.
Много вам даст он от богатств своих:
Медведей, львов, ястребов на цепи,
Семьсот верблюдов и соколов лихих,
130 Сребра и злата четыреста корзин,
Чтоб пятьдесят возов вам нагрузить;
Безамов даст полновесных таких,
Что будет, чем наймитам заплатить,
Довольно лет вы у нас провели:
135 В Ахен пора вам в край родной итти.
Царь вслед пойдет. Так рек мой господин».
Руки простер к творцу наш властелин.
Склонил главу, задумавшись сидит.

X

Наш император он поник головой.
140 Дал неспеша ответ на речь послов:
Всегда его обычай был таков.
Поднял он взор, и лик его суров.
Молвил послам: «Хорош ваш разговор,
Но царь Марсилий всегда мне был врагом.
145 Из тех посулов, что передал посол,
Как мне узнать, что правда и что ложь?»

Рек сарацин: «Аманатов пошлем,
Десять, пятнадцать или двадцать сынов.
Возьмем мы их из знатнейших родов:
150 На смерть готов я послать своего.
Вернетесь вы на свой владычный двор
В день Михаила, спасителя от вод.
Вослед придет, как сказал, мой сеньор,
И в тех ключах, что создал вам господь,
155 Там примет он христианский закон.
Карл говорит: «Авось спасется он».

Аой.

XI

Вечер красив, и ясен свет заката.
Карл взять велел посольских мулов
к яслям,
В пышном саду велел разбить палатку.
160 Десять послов там поместились на ночь.
Двенадцать слуг во всем их ублажают.
Проспали ночь, пока заря не встала.
Вот поутру поднялся император,
К утрени встал, был у обедни ранней.
165 Сел он в тени под сосною средь сада,
Своих баронов на совет созывает,
Чтоб все дела вершить по воле франков.

Аой.

XII

Наш император под сосною сидит.
Бароны все собрались на синклит:
170 Герцог Оджьер, архипастырь Турпин,
Седой Ричарт с племянником Анри
И из Гаскони смелый граф Ацелин,

Тедбалът из Реймса и брат Милон за ним,
И были там и Джерьер и Джерин,
175 И граф Роланд явился не один:
С ним Оливьер, что смел и родовит,
Тысяча франков из французской земли,
И Гвенелон, что клятве изменил.
В недобрый час совет свой повели.

Аой.

XIII

180 «Мои бароны, — говорит император, —
Марсилий царь послов ко мне отправил,
Он мне сулит несметные богатства:
Медведей, львов и ястребов с цепями,
Семьсот верблюдов и соколов слинявших,
185 И сотни мулов под золотом арабским,
И пятьдесят возов с другим товаром.
Но с тем, чтоб я домой пошел обратно:
Он-де придет в мою вотчину, в Ахен,
Примет закон спасенный, христианский,
190 Крестится он и в лен получит Марку,
Но темен мне его помысел тайный».
Фрапки рекли: «Нам пужно быть на стражке».

Аой.

XIV

Смолк император, свою речь завершил он,
Но граф Роланд ответил супротивно,
195 На ноги встал, сказал слова такие,
Рек королю: «Не верьте вы Марсилию.
Семь лет назад в Испанию пришли мы,
Я покорил вам и Нопль, и Комибли,
Вальтерну взял и всю округу Пины,

- 200 И Баласгет, и Туделу с Себилией.
Марсилий царь был изменником хитрым,
Послал он вам пятнадцать сарацинов,
Каждый держал по веточке оливы;
Те же слова они тогда твердили,
205 Тот же совет вы с франками вершили:
Не от ума они вас похвалили.
Вы графов двух к поганым снарядили:
Один — Базан, а другой был Базилий.
Марсилий снял с них головы в Альтилии.
210 Вот мой совет: воюйте с прежней силой.
Грозную рать к Сарагосе ведите,
Осаду там хоть до смерти держите.
Вот месть за тех, что злодеем убиты».

Аой.

XV

- Наш император склонил главу на грудь,
215 Бороду мнет и теребит свой ус.
Не отвечал ни к худу ни к добру.
Франки молчат; но Гуенелон был тут;
На ноги встал, пред Карла он шагнул,
Гордую речь обратил он к нему.
220 Карлу сказал: «Не верьте хвостуну,
Мне иль другим — лишь благу своему.
Марсилий царь готов кончать войну
И, как вассал, вам длани протянуть,
Царство принять, как лен, из ваших рук,
225 Подобно нам, поклониться кресту.
Те, что отказ советовать начнут,
Тем дела нет, что за муки нас ждут.
Гордыни глас да не склонит ваш слух,
Бросим глушцов, подчинимся уму».

Аой.

XVI

- 230 Встал герцог Найм, и старый и бывалый.
При всем дворе нет лучшего вассала.
Рек королю: «Вы суд слышали здравый:
Граф Гуенелон ответил вам на славу.
Мудрый совет: его послушать надо.
- 235 Марсилиий царь разбит на поле бранном.
Отняли вы его крепкие замки
И стены их стрелометом сорвали,
Грады пожгли и разметали рати,
А ныне вас он молит о пощаде.
- 240 Великий грех его тиранить дале.
Раз он готов аманатов представить,
Довольно с нас великой этой брани».
Франки рекли: «Промолвил герцог правду».
- Аоii.

XVII

- «О, господа! Кого отправим в путь
245 В град Сарагосу, к Марсилию царю?».
Промолвил Найм: «Дозвольте, я пойду, —
Вручите жезл и перчатку гослу».
Король в ответ: «Вы первый по уму.
Я бородой и усами клянусь:
- 250 Вас от себя я вдаль не отпущу.
Извольте сесть, пока вас не зовут».

XVIII

«Кого пошлем, о, господа бароны,
К тому царю, что правит Сарагосой?»
Роланд в ответ: «Я поеду с охотой».

- 255 «Не быть тому, — граф Оливьер промолвил, —
Очень горяч и горделив ваш норов.
Крепко боюсь: вы затеете ссору,
Поеду я, коль королю угодно».
Король в ответ: «Замолчите вы оба.
- 260 Ни вы, ни он — к поганым ни ногою.
Вот я клянусь вам седой бороною:
Перов моих не назначат в посольство».
Франки молчат: он вмиг их успокоил.

XIX

- Тогда Турпин из Реймса начал речь.
- 265 Карлу сказал: «Вам франков слать не след.
В этой стране вы пробыли семь лет,
Вкусили всласть и напастей, и бед.
Дайте, сеньор, мне перчатку и жезл,
Чтоб ехать мне к сарадину в удел.
- 270 Хочу взглянуть, каков собой сосед».
В гневе король дает ему ответ:
«На белый плат сейчас извольте сесть.
Ни слова впредь, пока я не велел».

Аой.

XX

- Рек кесарь Карл: «Свободные сеньоры!
- 275 Из стран моих изберите барона,
Чтоб справить мог к Марсилию посольство».
Молвил Роланд: «То Гуенелон, мой отчим».
Франки в ответ: «Он это сделать может.
Его пошлем: мудрее нет барона».
- 280 Граф Гуенелон перепугался очень,
На землю с плеч он кунью шубу сбросил.

Теперь на нем один камзол шелковый,
Лик его горд, светлы стальные очи,
Челом красив, широк и статен в бедрах,
285 Так он хорош, что все собратья смотрят.
Роланду рек: «Взбесился ты от злобы!
Ведомо всем, глупец, что я твой отчим.
Ты присудил мне итти в Сарагосу.
Дай только бог вернуться мне оттоле,
290 Воздам тебе я такую недолей,
Что ты ее не избудешь до гроба».
Роланд в ответ: «Вот безумье и гордость!
Ведомо всем, я мало чту угрозы.
Но кто мудрей, тот должен быть в посольстве,
295 Коль Карл велит, за вас пойду с охотой».

XXI

Рек Гуенелон: «Ты за меня? О, нет!
Не гридень ты, я не сеньор тебе,
Карл повелел мне эту службу несть,
Дать в Сарагосе Марсилию ответ.
300 Я пошучу легонько в той стране,
Но изолью великий этот гнев».
Слышит Роланд, разобрал его смех.

Аой.

XXII

Роландов смех Гуенелон увидал.
Лопнуть готов с досады и со зла.
305 Едва-едва он без чувств не упал.
Графу он рек: «Я ненавижу вас:
Суд был неправ, и ваша в том вина.
Свет-государь! Пред вами я предстал:
Теперь готов исполнить ваш приказ».

XXIII

- 310 «Знаю, что мне к поганым надо ехать.
Никто оттоль не вернулся вовеки.
С вашей сестрой, государь, я обвенчан.
Сын есть у нас, на свете краше нету.
То — Бальдевин; он будет рыцарь честный.
- 315 Ему даю феоды и поместья:
Уж мне его не увидеть вовеки».
- Карл говорит: «Вы слишком мягкосердпы.
Раз я велю, так надлежит вам ехать».

XXIV

- Молвил король: «Гуенелон, подойдите:
320 Вручу я вам и жезл и рукавицу.
Слышали вы, что вам их присудили».
- Рек Гуенелон: «Тому Роланд причиной.
Всю жизнь его я буду ненавидеть,
И Оливьера, как его побратима,
- 325 И ваших перов за то, что им так мил он.
Вот, сир, при вас вражду я объявил им».
- Молвил король: «Уж очень вы гневливы.
Пойдете вы, раз вам велит властитель».
- «Пойти пойду, но на верную гибель,
330 Как тот Базан и брат его Базилий».

Аой.

XXV

- Перчатку снял с десницы император,
Но Гуенелон рад бы быть за горами.
Перчатку взял, уронил ее наземь.
Молвили все: «Что будет, боже правый!
- 335 Бедой грозит его посольство франкам».
- Рек Гуенелон: «О нем молва расскажет».

*

XXVI

Рек Гуенелон: «Отпустите в дорогу:
Раз суждено, так медлить нету толка».
Молвил король: «Христос и я с тобою».
340 Благословил его знаменьем божьим,
Затем вручил и грамоту и посох.

XXVII

Граф Гуенелон вернулся в свой шатер,
Стал надевать свой дорогой убор,
Лучший из всех, какой он выбрать мог:
345 Шпорой золотой он украсил сапог,
Свой меч Морглейс привесил он на бок,
Затем вскочил к Тачебрюну в седло.
Стремя держал Гуинмер родной его.
Видели б вы, как плакал ратный род!
350 Все говорят: «О, горе вам, барон!
Здесь при дворе вы живете давно.
«Знатный вассал» зовут вас поделом,
Кто присудил отправить вас послом?
Вас защитит не сможет сам король».
355 Как смел Роланд вас избрать для сего.
Когда ваш род так знатен и высок?»
Затем рекли: «Возьмите нас в поход».
Но он в ответ: «Да не попустит бог!
Лучше умру, чем столькох ввергну в гроб».
360 В наш сладкий край вернетесь вы в свой дом,
Жене моей отвезите поклон,
Там — Пинабель (мой пер и родич он).
Там Бальдевин остался, мой сынок;
Он ваш сеньор: не покиньте его».
365 Вот поскакал... Так отбыл Гуенелон.

Аой.

XXVIII

Едет посол под оливой высокой,
А рядом с ним поганое посольство.
Вот Бланкандрин к нему подъехал сбоку,
Речь повели один мудрей другого.

370 Рек Бланкандрин: «Сколь Карл ваш
дивный воин!

Пулью он взял, Калабрию освоил;
К англам проник чрез соленое море,
Петров динарий платить их приневолил.
В нашей земле зачем он нас тревожит?»

375 Рек Гуенелон: «Таков уж Карлов норв.
Нет никого, кто его переборет».

Аой.

XXIX

Рек Бланкандрин: «Сколь благородны франки!»
Но зло творят их герцоги и графы,
Что злой совет подают государю,

380 Его и всех смущают и мытарят».

Рек Гуенелон: «Я там таких не знаю.
Есть лишь Роланд, но он дождется срама.
Вот Карл вчера под тенью прохлаждался,
Когда в броне пришел его племянник.

- 385 Только что он Каркасону разграбил.
В руке своей держал румяный яблоч.
— «Вот, государь, — так говорит он дяде, —
Вам всех царей венцы несу в подарок».
Давно пора покарать его чванство.
- 390 Он каждый день идет на смерть и раны.
Убьют его, и сразу мир настанет».

Аой.

XXX

- Рек Бланкандрин: «Не в меру зол Роланд,
Что всех людей задумал в прах попать
И страны все на бранный щит забрать.
- 395 Где рать его, что он храбрится так?»
Рек Гуенелон: «Это франкская рать.
Он дорог ей, она ему верна.
Много дарит он золота и серебра,
Мулов, коней, доспехи и шелка.
- 400 Карлу дает, что попросит душа:
Он весь Восток метнет к его ногам».

Аой.

XXXI

- Ехали так Бланкандрин с Гуенелоном,
Пока один не поклялся другому
Вместе радеть к Роландову урону,
- 405 Ехали так по путям и дорогам,
Сошли с коней под тисом в Сарагосе,
Там есть престол под тенистой сосною.
Устлан он весь александрийским шелком.
На нем сидит испанский царь верховный.
- 410 Вокруг него тысяч двадцать окольных,

Слова никто не скажет и не молвит.
Но лестно всем скорей услышать новость.
И вот вошли Бланкандрин с Гуенелоном.

XXXII

Встал Бланкандрин перед своим царем,
415 Об руку с ним посланник Гуенелон.
Царю он рек: «Да спасет вас Маом
И Аполин, чей закон мы блюдем.
К Карлу от вас посольство я повел.
420 Ответа нет, лишь руки ввысь протер.
Господа он восславил своего.
Вот послан к вам этот знатный барон;
По роду франк и очень властен он.
Он скажет вам, привез ли мир иль бой.
Марсилий рек: «Послушаем его».

Аой.

XXXIII

425 Но Гуенелон свой ответ обсудил:
С большим умом он начал говорить,
Как человек, что речь умел вести.
Молвит царю: «Господь вас сохрани,
Пресветлый бог, которого мы чтим.
430 Велит сказать вам Карл, мой господин,
Чтоб вы себя дозволили крестить.
И пол-Испании он в лен вам уделит.
Но если вы не согласитесь с сим,
Взять и связать он силой вас велит.
435 В Ахен тогда повезут вас за ним,
Будут вас там и судить и казнить,
Стыд и позор и гибель вам грозит».

Марсилий царь и гневен и сердит.
Дротом послу златоперым грозит,
440 Хотел метнуть, по помешал синклит.

Аой.

XXXIV

Марсилий царь побагровел лицом;
Держит он дрот, потрясает древком.
То видит граф, за меч берется он,
На два перста потянул из ножен.
445 И говорит: «Ты светел и хорош!
Пока висишь ты на бедре моем,
Не укорит нас Франции король,
Что я погиб один в земле чужой,
Лучших из них попотчую тобой».
450 Мавры кричат: «Разведем этот бой!»

XXXV

Вступились тут властели и вельможи,
И царь опять уселся на престоле.
Рек алгалиф: «Вы сделали негоже,
Что на посла замахнулись вы дротом.
455 Внимать ему и слушать вам пристойно».
Рек Гуенелон: «Я снести обиду должен.
Но не стерплю ни за груды сокровищ,
За злато все, что бог на свете создал,
Чтоб не изречь, пока язык есть в горле,
460 Все то, что Карл, король высокомошный,
Велел сказать врагу-недоброхоту».
Шуба на нем из соболей заморских
Покрыта вся александрийским шелком.
Сбросил он мех; Бланкандрий его поднял,
120

- 465 Только с мечом расстаться граф не хочет.
Правой рукой эфес зажал он грозно.
Мавры рекли: «Вот рыцарь благородный».

Аoи

XXXVI

- Тут Гуенелон к царю идет без страха.
И говорит: «Вы сердитесь напрасно.
470 Сказать велит вам Карл, владыка франков:
Примите вы наш закон христианский.
Он даст вам в лен половину Испании,
Другую даст племяннику-Роланду
(Будет у вас половинщик пречванный).
475 Коль вы на том мириться не согласны,
Обложит Карл Сарагосу осадой.
Вас он велит схватить и закандалить,
Вас повезут в его престольный Ахен.
Вам не дадут ни коня, ни лошадки,
480 На лошака, на мула не посадят,
Бросят, как тюк, на дрянного конягу.
Будут судить и поведут на плаху.
Вот что сказать велел вам император».
И с тем письмо он вручил басурману.

XXXVII

- 485 Марсилий царь был грамотей великий.
Сломал печать и воск на землю кинул.
Грамоту вскрыл, рукописание видит:
—«Пишет мне Карл, всей Франции властитель.
Напомнил мне про гнев свой и обиду
490 За тех двоих, Базана и Базилия,
Что я казнил на пригорке Альтилии.

Пишет король: коль жизнь хочу спасти я,
Пусть-де пришлю я дядю-алгалифа,
Иль он меня навек возненавидит».
495 Тут царский сын возговорил к Марсилию,
Молвил отцу: «Гуенелон нас обидел.
Брешет посол, он недостойн жизни,
Дай его мне, я с ним расправлюсь мигом».
Слышит посол, свой меч из ножен вынул.
500 Идет к сосне, стволом прикрыл он спину:.

XXXVIII

Уходит в сад Марсилий властелин,
Кто познатней, те вместе пошли:
Там Бланкандрин, что и сед и мастит,
Там Джюрфалей, царев наследник, с ним
505 Там верный друг и дядя алгалиф.
Рек Бланкандрин: «Дозволь послу войти:
За нас радеть он мне клялся в пути».
Ответил царь: «Ты его приведи».
За руку взял Гуенелона старик,
510 Привел к царю и поставил в тени.
Тут злой обман замыслили они.

Аой.

XXXIX

«Сир Гуенелон! — возговорил Марсилий. —
Давеча я слегка поторопился,
Едва в сердцах не сразил вас сулицей.
515 Но дам в залог этот мех соболиный
(Ему цена пять сотен ливров с лишком);
Завтра с лихвой я искуплю обиду».
Рек Гуенелон: «И я не прочь мириться.
Коль хочет бог, пусть ниспошлет вам
МИЛОСТЬ».

XI

- 520 Марсилиий рек: «Поверьте слову, граф,
Всею душой я полюбить вас рад.
Неймется мне узнать про Карлов нрав.
Он очень стар, ушли его года.
Ему теперь за двести, я слыхал,
525 Столько земель ногами он попраг,
Столько щербин на ратный щит прияг,
Стольких царей с сумой ходить послал.
Когда же ему прискучит воевать?»
Рек Гуенелон: «Не таков его нрав.
530 Всяк, кто его увидал и узнал,
Тот скажет вам, что истый витязь — Карл.
Как я б его хвалить и славить стал?
Превыше он и славы, и похвал.
Доблесть его кто сможет передать?
535 Всем пожелал господь его разыскать.
Лучше умру, чем Карла я предам».

XLI

- Рек басурман: «Дивлюсь я, слова нет,
Карлу-царю, что и мастит и сед.
Ему теперь, пожалуй, двести лет.
540 Столько земель прошел и одолел,
Столько прияг он ран от пик и стрел,
Стольким царям с сумой ходить велел...
Когда же ему сражаться надоест?»
—«Не быть тому, пока племянник здесь.
545 Лучший вассал он под плащом небес.
Отменно храбр его друг Оливьер
И перы те, что Карлу всех милей.
Франков у них там двадцать тысяч есть.
Карл защищен, не дрожит ни пред кем».

Аой.

XLII

- 550 Рек басурман: «Дивлюсь я свыше сил
Карлу-царю, что и сед и мастит,
За двести лет, боюсь, перевалил,
Столько земель прошел и покорил:
Столько приял он ран от острых пик,
555 Стольких царей убил иль полонил.
Когда ж ему постынет поле битв?»
—«Не быть тому, пока племянник жив,
Лучший вассал во всех краях земли,
И Оливьер, отважный побратим,
560 И перов сонм, что Карлом так любим.
Рыцарей есть двадцать тысяч за ним.
Карл защищен, ни пред кем не дрожит».

Аой.

XLIII

- «Сир Гуенелон, — промолвил царь Марсилиий, —
Рать у меня — на свете нет красивей,
565 Тысяч могу четыре сотни двинуть,
Карла сломя и франков опрокину».
Рек Гуенелон: «Не тешьтесь этой силой:
Большой урон понесут сарацины.
Бросьте глупить, разумно поступите:
570 Отправьте к нам добра такую силу,
Чтоб всякий франк взглянул и дался диву:
Десятка два аманатов пошлите.
К Франции сладкой король наш возвратится,
Свой арьергард за собою покинет.
575 Будет Роланд, племянник Карлов, с ними
И Оливьер, удалой и учтивый...
Графы падут (коль верить мне хотите),
Увидит Карл, что спесь его разбита,
Навек пройдет его охота к битвам».

Аой

XLIV

- 580 «Сир Гуенелон! — Марсилий царь сказал: —
Как сделать так, чтоб был убит Роланд?»
Рек Гуенелон: «Совет я дать вам рад.
Будет король у тех Цизерских врат
Позадь себя оставит арьергард.
- 585 Их поведет Роланд, могучий граф,
И Оливьер, его верный собрат,
Карл под начал им двадцать тысяч даст.
Пусть тысяч сто поганых будет там,
Тут первый бой они дадут врагам.
- 590 Франки падут от устали и ран.
Не говорю, достанется и вам.
Вторичный бой вам придется начать.
Могуч Роланд, но тут он должен пасть:
Подвиг большой совершит ваша рать.
- 595 Вовек потом войны вам не видать».

XLV

- «Коль сделать так, чтоб Роланда сгубить,
Карлу от плеч десницу отрубить,
Дивную рать заставить лечь костями, —
Карл не сберет вовек столь грозных сил,
600 В Большой Земле наступит вечный мир».
- То слышит царь, прижал его к груди.
Стал отпирать ковчежцы и лари.

Аой.

XLVI

Марсилий рек: «Зачем нам тратить речи?
Плох тот совет, где друг другу не верят.

605 Лучше сейчас поклянитесь в измене».
Рек Гуенелон: «Я поклянусь немедля».
И на мощах в рукояти Мурглея
Он дал обет и закрепил злодейство.

XLVII

Был там престол слоновой кости гладкой.
610 Книгу велит Марсилий внести в палату,
А в ней закон Маома с Тервагантом.
На нем клялся тот сарацин испанский:
Коль он найдет в арьергарде Роланда,
Нагрянет он со всею силой ратной:
615 Умрет Роланд, коль сил и счастья хватит.
Рек Гуенелон: «Да будет воля ваша».

Аой.

XLVIII

Тут подошел язычник Вальдеброн.
В рыцари им Марсилий посвящен.
Молвит послу, смеясь во весь свой рот:
620 «Вот — меч; таких не нашивал никто:
На рукоять пошло червонцев сто.
Возьмите в дар ради дружбы, сеньор,
Чтоб в руки к нам попал Роланд-барон,
Пусть в арьергарде мы застанем его».
625 «Да будет так», — отвечал Гуенелон.
Вот обнялись, лобзают лоб и рот.

XLIX

Затем пришел язычник Климборин,
Громко смеясь, послу он говорил:

«Вот вам мой шлём (не видел лучших мир),
630 Чтоб в руки к нам попал Роланд-маркиз
И нам его удалось посрамить.

«Да будет так», — Гуенелон подтвердил.
Вот обнялись, целуют лоб и лик.

Аой.

L

Тут подошла Брамимонда-царица.
635 — «Я чту вас, граф! — она проговорила: —
«Хвалят вас все — мой супруг и эмиры.
Вашей жене эти серьги свезите;
Яхонты в них горят и аметисты;
Они ценней, чем все богатства Рима:
640 Ваш государь вовек таких не видел». —
Он их берет, за садог их задвинул.

Аой.

LI

Пришел Мальдюйт, он казначей палаты.
— «Карлу-царю готов ли дар богатый?»
А тот в ответ: «Все собрано и взято:
645 Семьсот верблюдов с серебром и со златом,
Двадцать при них знатнейших аманатов».

Аой.

LII

Марсилиий взял за плечо Гуенелона
И рек: «Ты мудр, как надлежит барону,
Но я молю святым для вас законом,
650 Сердца от нас не отвратите снова.
Своей казны я вам отсыплю вдоволь,

Десять вьюков с арабским златом тонким.
И что ни год опять пошлю вам столько.
Вот вам ключи Сарагосы просторной.
655 Карлу дары передать удостойте.
Оставьте мне Роланда в тыльном строе.
Встречу его в лощине под горою,
Сшибусь я с ним смертельным страшным боем».
Рек Гуенелон: «Я медлю слишком долго».
660 Сел на коня, пустился в путь-дорогу.

Аой.

LIII

Наш государь приближается к цели,
Станом он стал подле города Гельпы.
Роланд взял град и сорвал его стены.
(С этого дня сто лет никто там не жил).

- 665 Ждет наш король от Гуенелона вести,
Даней больших от Испании целой.
Рано с зарей, чуть утро забелело,
Граф Гуенелон к становищу подъехал.

Аой.

LIV

- Наш император пробудился с зарей,
670 Слушал обедню с заутреней святой.
На мураву он сел перед шатром.
С ним был Роланд и Оливьер-барон.
И герцог Найм, и ратный весь народ.
Пришел подлец, предатель Гуенелон,
675 Речь он повел и мудро и хитро,
Рек королю: «Помилуй вас Христос!
Я вам ключи Сарагосы привез,
Большую дань и отроков в залог.
Крепко вы их запирайте на замок.
680 Марсилий царь велел вам бить челом.

- За алгалифа не браните его.
Сам я видал сто тысяч под щитом
Все в куюках, на голове шелом,
У всех эфес черненный золотой.
- 685 Их алгалиф повел на брег морской.
Они бегут перед честным крестом:
Верить в него не хотят нипочем,
Верст четырех не отошли с судном,
Застала их непогода и шторм.
- 690 Погибли все, их не узрит никто.
Но, будь он жив, я привез бы его.
Царь-басурман дает вам клятву в том:
Месяц один не минет целиком,
Как он придет во Францию, наш дом;
- 695 Примет он там христианский закон.
Руки вложив, вассал ваш будет он,
Получит в лен от вас испанский трон.
Молвил король: «Благословен господь!
Большая вас за то награда ждет».
- 700 Тысяча труб по войску весть дает.
Франки снялись, снарядились в поход.
К Франции сладкой теперь их путь ведет.

Аой.

LV

- Великий Карл Испанию сломил,
Замки забрал, города сокрушил.
- 705 Мыслит король, что войну завершил.
К Франции сладкой император спешит.
Знамя его граф Роланд водрузил.
Вот на холме оно небу грозит.
Франков шатры раскинулись вблизи.
- 710 Нехристи мчат вдоль обширных долин.
В кольчугах все и в бармицах глухих;

Подвязан шлем, на бедрах меч висит,
Копье с флажком, на шее добрый щит.
В густых кустах на вышках ждут зари.
715 Тысяч сошлось четыреста лихих.
Боже, как жаль! не видят франки их!

Аой

LVI

День миновал, и набежала ночь.
Карл опочил, могучий наш король.
Видит себя у Цізерских ворот.
720 В руке зажал он ясеневый дрот.
Но этот дрот ухватил Гуенелон,
В гневе потряс, разбил на сто кусков.
Осколки вверх летят под небосвод....
А Карл все спит. не пробудился он.

LVII

725 Видит затем другое сповиденье:
В Ахене он стоит в своей молельне;
Но лютый вепрь ему в десницу вьелся.
Вдруг вышел барс из Арденского леса,
Карлу на грудь он ринулся свирепо.
730 Но из дворца примчался выжлок резвый,
Вприпрыжку, вскачь он бросился на вепря,
Правое ухо отгрыз ему от тела.
С барсом потом он в бой вступает смело.
Франки глядят — лихое будет дело,
735 Но не видать, кто одержит победу...
А Карл все спит: проснуться мочи нету.

Аой.

LVIII

- Проходит ночь, заря, сияя, встала.
Трубы трубят над ополчением ратным.
Гордо к войскам подъехал император.
740 Карл говорит: «О, господа-вассалы!
Видите вы теснины и провалы.
Назначьте мне вождя для арьергарда».
Рек Гуенелон: «Хоть пасынка-Роланда!
В войске у вас храбрее нет вассала».
745 Слышит король, в сердцах взглянул на графа
И рек ему: «Вы суший чорт из ада:
Смертная злость в утробу вам закралась.
Кто же пойдет с головными полками?»
Рек Гуенелон: «Пойдет Оджьер Датчанин:
750 Лучше его не сыщем в этой рати».

LIX

- Вот граф Роланд приговор услышал,
Заговорил, как рыцарь и вассал:
«О, сударь-отчим! Я благодарен вам:
Вы для меня избрали арьергард.
755 Не потеряет там Франции монарх,
Коль я смогу, коня ни скакуна,
Ни лошака, ни мула для седла,
Не потеряет осла, ни битюга,
Чтоб не был взят он на конец копья.
760 Рек Гуенелон: «То правда, знаю я».

Аой.

LX

Слышит Роланд, что пойдет с арьергардом.
Отчиму он промолвил в гневе яром:
«О, негодяй, худородный мерзавец!

Думаешь ты, уроню я перчатку,
765 Как уронил ты свой жезл перед Карлом?»

Аой.

LXI

Сказал Роланд: «Мой сеньор и король!
Дайте мне лук, что у вас под рукой.
Не поразит меня такой укор,
Что уроню, как сделал Гуенелон,
770 Когда свой жезл в десницу принял он».
Поник главой наш король и сеньор.
Бороду мнет, терзает ус седой.
Плачет глазами: удержаться не смог.

LXII

Тут герцог Найм вслед за Роландом встал.
775 При всем дворе это лучший вассал.
Рек королю: «Вы слышали слова:
Гневом большим распалился Роланд.
Ему в удел достался арьергард.
Отговорить нельзя его никак.
780 Вручите ж лук, что держите в руках,
В помощь ему подберите войска».
Карл отдал лук, берет его Роланд.

LXIII

Наш государь возговорил к Роланду:
«Племянник мой, я говорю вам вправду.
785 Полвойска здесь оставляю в охрану:
То ваш оплот, блюдите их исправно.
Граф отвечал: «О, нет, король державный:
Срази господь, коль род свой обесславлю.

Франков беру я двадцать тысяч латных.
790 Сквозь горный кряж ведите рать обратно.
Пока я жив, не бойтесь супостата».

LXIV

Вот граф Роланд на скакуна вскочил.
Пришел к нему Оливьер-побратим,
Пришел Джерер и храбрый граф Джерин.
795 Пришел Атон и Беренджьер за ним;
Аусторий здесь и буйный Ансеис.
Пришли Джерарт де-Русильон, старик,
Герцог Гуайфьер, могучий властелин.
«Клянусь главой, я с вами!» — рек Турпин.
800 Рек граф Гуальтьер: «Роланд — мой господин:
Долг мне велит не разлучаться с ним».
Весь арьбергарт был взят из их дружин.

Аой.

LXV

Роланд сказал Гуальтьер-дель-Уму, кметю:
«С тысячей франков из франкских наших весей
805 Займите вы холмы и перелески,
Чтоб ни души не потерял наш кесарь».
Гуальтьер в ответ: «Исполню к вашей чести».
С тысячей франков из франкских ихних весей.
Он занял все холмы и перелески.
810 Вернется, он подаст дурные вести:
Шестьсот мечей заблестеть не успеют,
Как Альмарис, всей Бельферны владетель,
В недобрый день затеет с ними сечу.

LXVI

Высок хребет и беспросветны доли,
815 Скалы мрачны, диковинны проходы.

Франки идут с тяжелой неохотой.
На много верст отдается их топот.
К Большой Земле они подходят скоро,
Видят Гасконь, владенье их сеньора.
820 Вспомнились им наделы и феоды,
Вспомнили дев и жен высокородных,
Такого нет, чтоб не был слезно тронут.
Но горше всех император встревожен.
Племянник — там, в теснине на стороже.
825 Заплакал Карл: удержаться не может.

Аой.

LXVII

В чужой земле стоят двенадцать перов,
В дружине их — двадесать тысяч кметей,
Из них никто не убоится смерти.
Едет король во французскую землю,
830 Прячет под плащ свой лик в тоске безмерной.
Седло в седло с ним едет старый герцог.
Найм говорит: «Что вам печалит сердце?»
Король в ответ:—«И спрашивать невместно.
Так я скорблю, что скрывать не умею.
835 Граф Гуенелон посрамил нашу землю.
Ангел явил мне нынче в ночь виденье:
В моих руках разбил копые изменник.
Теперь Роланд в чужой земле нездешней,
840 Погибнет он, не найду я замены».

Аой.

LXVIII

- 840 Слез не сдержал великий император,
И плачут с ним его сто тысяч франков.
Великий страх их объял за Роланда.
Продал его Гуенелон супостату,
С нехрестя взял большую мзду и плату
- 845 Корзна и шелк, и серебро, и золото,
Верблюдов, львов, коней и мулов статных.
Марсилий царь созвал своих вассалов,
Герцогов всех, алмасоров и графов,
Кдмтурских чад виконтов, амирафлов.
- 850 В три дня собрал за триста тысяч мавров.
Громко гремят в Сарагосе литавры.
Махмет подъят на цоколь башни главной.
Молит его и славит род поганый.
Седло в седло помчались басурмане
- 855 Сквозь лес и дол через землю Серданию,
Видят они французской рати знамя.
Крепко стоят двенадцать на заставе.
Врага они без боя не оставят.

LXIX

- Царев племяш пред дядю прискакал,
860 На муле он, со стрекалом в руках,
Молвит царю, со смехом на устах:
«Царь-государь, не раз служил я вам,
Столько приял и напастей и ран,
В стольких боях рубил и поборал.
865 Мне первый бой с Роландом дайте в дар;
Острым копьем его смерти предам.
Когда б Махмет мне помощь даровал,
Ушел бы враг из всех испанских стран,
С Асприйских враг до земли Дюрестант.
870 Смирился б франк, и утомился Карл.
Во весь бы век войны не видеть вам».
Марсилий царь на том перчатку дал.

Аой.

LXX

- Зажал в горсти перчатку Аэльрот,
Дяде сказал, надменен и суров:
875 «Царь-государь, это дар из даров.
Даите еще мне двенадцать бойцов,
Чтоб перебить двенадцать удальцов».
Первым ему ответил Фальзарон,
Он братец был Марсилиа родной:
880 «Племянник-свет, вы пойдете со мной.
Мы на врагов ударим заодно.
Здесь — малый полк, а войско отошло.
Их перебить нам, видно, суждено».

Аой.

LXXI

- Вторым к нему подъехал Корсаблис .
885 Он был бербер и нравом ядовит.

Он, как вассал отважный, говорит:
Не струсит он за злато всей земли.

Но вот предстал из Бригалья Мальприм;
Быстрее коня пешком он пробежит.
890 Стал пред царем и на-голос кричит:
«На Ронцесваль теперь мой путь лежит.
Коль встречу с ним, Роланд не будет жив».

LXXII

Был там один эмир из Балагета,
Хорош собой, лицом и смел и светел.
895 На скакуне он горделиво едет:
Красят его и убор, и доспехи.
За храбрый нрав прославлен и известен.
Будь он крещен, так был бы рыцарь честный.
Стал пред царем и так повел беседу:
900 «Тешить свой нрав я в Ронцесваль поеду.
Коль там Роланд, он не минует смерти,
С ним Оливьер и все двенадцать перов.
Франки падут средь горя и бесчестья.
А Карл уж стар и разумом не светел.
905 Война ему опостынет до смерти.
Очистит он все испанские веси».
Царь слышит речь, поклон ему отвесил.

LXXIII

Был алмасор один из Морианы,
Подлей его не пайдется в Испании.
910 Стал пред царем и начал речь бахвалью:
«С полком своим дойду до Ронцесваля.
Есть у меня оружных тысяч двадцать.
Коль там — Роланд, за смерть ему ручаюсь.
Не будет дня у Карла без печали».

Аой,

LXXIV

- 915 Там был еще Торджис из Тортелозы;
Как ленный граф, он держит этот город.
Всех христиан перебил бы с охотой.
Он среди других к Марсилию подходит.
Молвит царю: «О, государю, не бойтесь:
920 Их римский Петр Магомета не стоит.
Служа богам, мы не уступим поля.
Я в Ронцесваль к Роланду еду с боем.
Никто живым не убежит оттоле.
Видите меч? Он и долог и прочен.
925 Его скрещу я с Дюрандалью вскоре.
До вас дойдет, кто кого переборет.
Франки падут, если с нами заспорят,
А старый Карл узнает стыд и горе.
Вовек ему не щеголять в короне».

LXXV

- 930 Был там еще Эскремит из Вальтерны;
Он — сарацин и владетель был ленный.
Кричит царю среди давки непомерной:
«Я в Ронцесваль иду смирить надменных.
Коль там — Роланд, падет он непременно,
935 С ним Оливьер, что среди прочих первый;
Смерти предам я всех двенадцать перов.
Франки падут, их край осиротеет.
Карл слуг таких заменить не сумеет».

Аой.

LXXVI

- Был там еще язычник Эсторгант.
940 Эстрамарит — ему друг и собрат.

- Любой из них — предатель и жиган.
Марсилий рек: «Приблизьтесь, господа!
Пойдете вы к Ронцесвальским вратам,
Чтоб там помочь пройти моим войскам».
- 945 Они в ответ: «Служить готовы вам!
Узнают нас Оливьер и Роланд,
И перам всем там гибель суждена.
Вот наша сталь — и остра, и прочна,
Кровью-рудой обагрится она.
- 950 Франки падут, узнает горе Карл.
Большую Землю вы получите в дар.
О, государь, поспешимте туда.
Мы короля заставим сдаться вам».

LXXVII

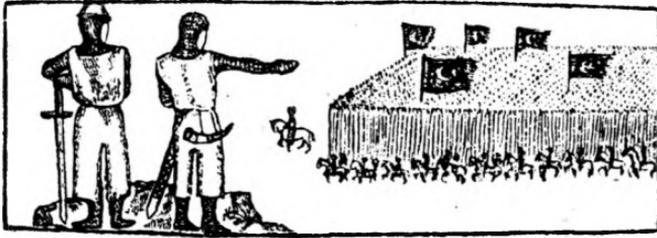
- Бегом бежит Маргерит из Себилии.
- 955 Он всей землей владел до Казмарини.
За лепоту его дамы любили,
Стоит взглянуть, чтоб лица озарились,
Все до одной улыбку скрыть не в силах.
Средь мавров нет отважней паладина.
- 960 Вот он в толпе теснится меж другими.
Громко кричит: «Не бойтесь, повелитель!
Я в Ронцесваль несу Роланду гибель,
И Оливьер не уйдет невредимым,
И перы все венец страданья примут.
- 965 Видите меч? Он с золоченым грифом;
Мне подарил его эмир из Прима.
Ручаюсь вам, он кровью обагрится.
Франки падут, их земля осрамится,
И старый Карл опозорит седины.
- 970 Не взвидит дня без гнева и кручины.
Франция нам через год подчинится.

Мы ляжем спать у святого Дениса».
 Неверный царь поклон отвесил низкий.

Аой.

LXXVIII

- Был там еще и Чернюбль из Монейгра.
- 975 Он на ходу метет кудрями землю.
Он большой груз понесет для потехи,
Чем мулов семь поднимут без телеги.
Проклят тот край, которым он владеет:
Хлеб не растет, и солнце там не греет;
- 980 Не льется дождь, роса осесть не смеет;
Камня там нет, чтоб весь не почернел он;
Есть слух: туда мочиться ходят черти.
И рек Чернюбль: «Свой добрый меч привешу,
Кровью его окрашу и потешу.
- 985 Роланда я у Ронцесваля встречу.
Будь я не я, коль не затею сечи.
Я Дюрандаль мечом добыть сумею.
Франки падут, их край осиротеет».
- Марсилий царь собрал двенадцать перов,
- 990 Сто тысяч дал им сарацин певерных.
Все рвутся в бой, торопятся не в меру
В ельник идут, падевают доспехи.

LXXIX

- На маврах всех сарацинские брони,
А у иных юшман проложен втрое.
995 На голове шелом из Сарагосы,
Меч при боку из вьенской стали доброй,
У всех у них валенсийские копыя,
На них флажки — румяный, белый, желтый.
С мулов сошли и с лошадей дорожных.
1000 Несутся вскачь на скакунах хороших.
Сияет день и ярко светит солнце.
Нету брони, чтоб не сверкала грозно.
Тысячи труб скликают рати к бою.
Слышен их шум до французского войска.
1005 Рек Оливьер: «О, друг, будь осторожен:
От сарацин сраженья ждать мы можем».
Роланд в ответ: «Пошли нам это, боже.
За короля мы стоим на сторожке.
Должен вассал пострадать за сеньора,
1010 Должен терпеть и тяжкий жар, и холод,
Должен терять и волосы, и кожу.
Смотрите все: пусть каждый бьет, как может.
Песни дурной пускай о нас не сложат.
Их бой неправ, а наш угоден богу.
1015 Дурной пример не будет мною подан».

Аой.

LXXX

- Граф Оливьер взошел на острый холм,
Вправо глядит на травянистый дол,
Видит он там: идет поганый род.
Громко зовет собрата своего.
- 1020 «С испанских стран идет к нам свет и звон,
Латы горят, из шлемов бьет огонь.
Большой грозит нашим франкам урон.
Предал нас всех негодный Гуенелон:
Нас в арьергард сюда назначил он».
- 1025 «Изволь молчать! — сказал Роланд-барон: —
Он — отчим мой: ни слова про него».

LXXXI

- На холм крутой поднялся Оливьер;
Он смотрит вдаль, к испанской стороне:
- 1030 Видит он тьму сарацинских коней.
Шлемы горят от золота и камней
Видит: блестит вороненый доспех,
Конья, щиты и прапоры у всех.
Отрядов их он не смог перечесть:
- 1035 Столько их там, что им и счету нет.
Духом своим смутился Оливьер.
Скорее он спешит с пригорка слезть.
К франкам пришел и сообщил им весть.

LXXXII

- Рек Оливьер: «Идет поганый род.
1040 Стольких зараз не видывал никто.
Их под щитом, пожалуй, тысяч сто.

Повязан шлем, броня горит светло,
Сверкает дрот, копьё заострено.
Бой нам грозит, невиданный давно.
1045 Сеньоры франки, да укрепит вас бог,
Чтоб вам врагу на поле дать отпор».
Франки в ответ: «Бегущему — позор!
Пусть мы умрем, но не предаст никто».

Аой.

LXXXIII

Рек Оливьер: «Там сарацинов — тьма.
1050 А наша рать, мне видится, мала.
О, друг Роланд, вам в рог трубить пора.
Услышит Карл, поворотит войска».
Роланд в ответ: «Я не сошел с ума:
В краю родном постигнет нас зула.
1055 Буду рубить Дюрандалью сплеча,
Кровью смочу до золотого креста.
Поганых рать на зло себе пришла.
Ручаюсь вам, им гибель суждена».

Аой.

LXXXIV

«О, друг Роланд, затрубите в свой рог.
1060 Услышит Карл и войско повернет.
Выручат нас бароны и король».
Роланд в ответ: «Да не попустит бог,
Чтоб за меня был посрамлен мой род;
Франции сладкой был бы стыд и укор.
1065 Я Дюрандаль вонжу в тела врагов,
Добрый мой меч, что на бедре моем,
Вы весь в крови увидите клинок.

На зло себе пришел поганый род:
Ручаюсь вам, я на смерть их обрѣк».

Аой.

LXXXV

- 1070 «О, друг Роланд, извольте протрубить.
Услышит Карл у рубежных теснин.
Ручаюсь вам, воротятся полки». Роланд в ответ: «Господь оборони,
Чтоб обо мне шел говор меж людьми,
1075 Будто я в рог из-за мавров трубил.
Не укорит никто моей родни.
Врагов в бою я сумею найти,
Тысячу ран и семьсот нанести.
Вы Дюрандаль узрите всю в крови.
1080 Франки — бойцы: будут бить и рубить.
Испанцам тем от смерти не уйти».

LXXXVI

- Рек Оливьер: «Я в том не вижу срама.
Видел я сам язычников ораву.
Покрыла рать и горы, и овраги,
1085 И все холмы, долины и курганы.
Сильны войска у тех людей поганых.
Пред ними мы — небольшая ватага.
Роланд в ответ: «С того растет отвага.
Не дай мне бог и святой его ангел,
1090 Чтоб от меня затмилась слава франков.
Лучше умру, по не покроюсь срамом.
Любит нас Карл за добрые удары».

LXXXVII

- Роланд горяч, а Оливьер разумен,
Обоих дух и доблестен и чуден.
1095 Когда они на коне под кольчугой, —
Оба умрут, но поля не уступят.
Графы сильны, их речи горды духом.
Мавры летят и бешено и бурно.
Рек Оливьер: «Врагов несется гряда.
1100 Они близки, а Карл далек отсюда.
В рог затрубить вам казалось остудно.
Но будь здесь Карл, он спас бы нас от худа.
Взгляните вверх, где скалы Аспры круты;
Там малый полк — на страже многотрудной.
1105 Кто побыл в нем, в другом уже не будет».
Роланд в ответ: «Позор и безрассудство!
Плоха та грудь, в которой сердце трусит.
Наш арьергард стоит и не отступит.
Здесь нужен тот, кто и колет и рубит».

Аой.

LXXXVIII

- 1110 Видит Роланд, боев не миновать.
Стал он грозней леопарда и льва.
Франкам кричит, к Оливьеру воззвал:
«Друг и собрат, такие брось слова!
Наш государь этих франков нам дал,
1115 В один отряд двадцать тысяч собрал,
Ни одного труса среди них не знал.
Должен страдать за сеньора вассал,
Должен терпеть он и стужу, и жар,
Мясо и кровь терять ему не жаль.
1120 Ты бей копьём, я взметну Дюрандаль,
Добрый мой меч, что сам король мне дал.

*

Коль я умру, кто бы им ни владал,
Скажет: носил его добрый вассал».

LXXXIX

- Вот и Турпин, архиепископ, здесь.
1125 Шпорит коня, на пригорок взлетел.
Франков созвал, сказал такую речь:
«Нас государь оставил путь стеречь.
За короля должны мы умереть,
Христов закон вознестъ и подпереть.
1130 Бой вам грозит, сомненья в этом нет.
Видите вы сарацинских коней.
Молитесь все, покайтесь во гресех,
Я испрошу отпущенье для всех.
Умрете, вы воспримете венец,
1135 В вышнем раю сумеете воссесть».
Сошли с коней и склонились к земле.
Благословил их Турпин во Христе.
В епитемью им дал: рубить сильней.

XC

- Франки встают, окончено моленье.
1140 Сняты грехи, дано им отпущенье.
Их осенил епископ крестной сенью.
На скакунов быстроногих воссели,
Одеты все по-рыцарски в доспехи,
Все, как один, они готовы к сече.
1145 Тут граф Роланд говорит Оливьеру:
«О, мой собрат, вы рассудили верно.
Граф Гуенелон нас всех сгубил и предал.
Злато он взял и деньги и именье.

Должен король отмстить за нас примерно.
1150 Марсилиий царь нас купил у злодея.
Пусть он мечом покупку взять сумеет».

Аой.

ХСІ

Скачет Роланд меж испанских теснин;
Под ним скакун, отменный Вельянтиф;
Доспех на нем, как налитой, сидит.
1155 В руке копьё сжимает паладин,
Он к небесам острие обратил,
Прапор к нему весь белый прицепил,
Вниз бахрома до рукавиц висит.
Весел лицом и станом красовит.
1160 Ему вослед несется побратим
И франков рать, что вся клянется им.
Надменно он глядит на сарацин
И мягко так, смиренно на своих,
Ласково им и гоже говорит:
1165 «Умерьте бег! Нам незачем спешить.
Эти враги за смертью к нам пришли,
Добычу нам большую принесли:
Таких богатств не знали короли.
При сих словах построились полки.

Аой.

ХСІІ

1170 Рек Оливьер: «Я не скажу ни слова.
Вы знак подать не изволили рогом.
От Карла вам не подойдет подмога,
Не знает он: винить его не могут.
И те, кто здесь, не заслужат укора.

- 1175 Что силы есть, коноу вы дайте шпоры.
Держите строй, о, господа бароны!
Думайте все, молю вас ради бога,
Как бить самим, как отражать их копя.
И Карлов клич его должны мы помнить».
- 1180 При сих словах вскричали франки громко.
Кто этот клич «Монджой!» услышал в поле,
Тот вспомнил вмиг про рыцарскую доблесть.
Несутся вскачь. О, боже, вот герои!
Гонят коней и шпорою их колют.
- 1185 Спешат разить. А что им делать боле?
Но сарацин не испугался боя.
Вот мавр и франк сошлись на бранном поле.

ХСIII

- Был Аэльрот, Марсилиев племянник,
Он на коне пред войском мчится рьяно.
- 1190 Черной хулой наших франков поганит:
«Франки-трусы, идите биться с нами.
Предал вас тот. кто дан был вам в охрану.
Дурак-король вас бросил на расправу.
Погибнет здесь сладкой Франции слава:
- 1195 Великий Карл руки лишится правой».
Слышит Роланд: вскипел он гневом ратным,
Шпорит коня и вскачь несется в схватку.
Граф налетел, разит копьем булатным,
Пронзает щит, и разбивает латы,
- 1200 Кости дробит, сквозь грудь пробил он рану,
Высадил воп весь позвоночник сразу,
Из тела дух он вышиб без остатка.
Копье всадил, потряс он супостата,
С древком в груди свалил его на траву,
- 1205 Шею сломал на два кусочка равных.

Молвит Роланд, сдержать не может права:
«О, скверный гнус! Не глуп наш император.
Всегда ему изменник был отвратен.
Премудр он был, когда нас тут оставил.
1210 Не сгинет здесь сладкой Франции слава.
Наш — первый бой. Так сыпьте же удары.
Нехристь неправ, а христиане правы».

Аой.

XCIV

Был герцог там по кличке Фальзарон,
Он — брат царя и той земли барон,
1215 Где жили встарь Дафан и Авирон.
Под небом он — отъявленнейший вор.
Промежду глаз был широк его лоб:
Полфута в нем уложиться могло.
Он не стерпел, что погиб Аэльрот,
1220 Покинул строй, летит во весь опор.
Свой ратный клич кричит поганный вор.
На франков он превыше меры зол.
«Франции сладкой еще грозит позор!»
Граф Оливьер был и гневен и скор;
1225 Коня он бьет концом злаченных шпор.
Спешит разить как истинный барон:
Пробил он щит, кольчугу распорол,
В тело всадил копьё со всем флажком.
С древком в груди на землю сшиб его.
1230 Зрит Оливьер, что умер живоглот.
Гордую речь ему промолвил он:
— «Я не боюсь твоей угрозы, вор.
Эй, франки, в бой! мы победим их род!»
Кричат: «Монджой!» — так Карл зовет

в поход.

Аой.

XCV

- 1235 Был там и царь по кличке Корсаблис,
 То был бербер из нездешней земли.
 Скликать он стал всех прочих сарацин:
 «В этом бою легко мы победим:
 Мало их здесь из французских дружин.
- 1240 А те, что есть, не стоят наших сил.
 К Карлу домой не придет ни один.
 Сегодня им от смерти не уйти».
 Слышит его архипастырь Турпин.
 Противней всех ему тот сарацин.
- 1245 Шпорой златой он коня припустил,
 Спешит разить врага, что было сил.
 Щит он проткнул и кольчугу расшил,
 Большим копьем он грудь ему пронзил,
 Пробыл насквозь, на землю мертвым сбил,
- 1250 С древком в спине оставил на пути.
 Взглянул назад: вот живоглот лежит.
 Не смог молчать, неверным он кричит:
 «Поганый люд, ты брешешь без пути!
 Карл, наш сеньор, и здесь нас защитит.
- 1255 Бегством себя француз не посрамит.
 Ваших друзей утихомирим вмиг.
 Скажу вам весть: живьем вам не уйти.
 Франки, смелей! Всяк бейся и рази!
 Наш — первый бой! Господь благовли!»
- 1260 Вскричал «Монджой», чтоб поле сохранить.

XCVI

Джерин разит Мальприма сгоряча
 (Тут добрый щит не стоит и гроша).
 Хрустальный шлем разбил он пополам

- (Наземь летит половина одна).
1265 До мяса он пробил ему юшман,
В тело всадил свой добрый протазан.
Пал от толчка на землю басурман.
Душу его уносит Сатана.

Аой.

ХСVII

- Собрат-Джерьер поразил амурафля;
1270 Щит изломал, кольчугу продырявил.
Прямо в кишки копье ему направил,
Насквозь пробил, — так хорошо ударил,
С древком в груди его мертвым оставил.
Рек Оливьер: «Прекрасен бой наш правый».

ХСVIII

- 1275 Герцог Самсон бьет альмасора так,
Что щит разбил, золоченый, в цветах
(Добрый юшман ни в грош ему не стал),
Сердце рассек и легкое порвал.
Убил его, кто б о нем ни рыдал.
1280 Молвил Турпин: «Вот баронский удар».

ХСIX

- Вот Ансеис: он скакуна пришпорил.
Торджиса бьет, что правит в Тортелозе.
Пробил он щит над шипом золоченым.
Подшивку рвет под кольчугою доброй.
1285 В тело всадил конец сулицы острой.
Пробил насквозь, на землю мертвым сбросил.

С древком в груди его оставил в поле.
Молвил Роланд: «Так добрый витязь колет».

С

Вот Энджельер, гасконец из Борделы.
1290 Шпорит коня и отпустил уздечку.
Спешит разить Эскремита с Вальтерны,
Сбил с шеи щит и раздробил на щепки.
Прорвал юшман, нашейные колечки,
Промеж ключиц пронзил грудную клетку.
1295 С древком в груди с седла свалил на землю.
Молвил затем: «Вам не уйти от смерти».

СИ

Атон разит поганца Эсторганта.
Бьет прямо в щит сквозь верхнюю прокладку,
Сквозь белый цвет и сквозь красную краску.
1300 В обе полы кольчуги колет сразу.
Острым копьём пробил на теле рану.
С лошади сшиб и бросил бездыханным.
Молвил затем: «Спасенья нет поганым».

СИ

А Беренджьер разит Этрамарита.
1305 Пробил он щит и кольчужную свиту.
В тело вонзил он крепкую сулицу.
Убил его средь сотен сарацинов.
Перов послал двенадцать царь Марсилий.
Из перов тех лишь двое не убиты:
1310 А то — Черпюбль с сибильским Маргеритом,

СIII

- Тот Маргерит был витязь благородный,
Силен, красив и легок, и проворен.
Шпорой коня на Оливьера гонит.
Щит раздробил у шипа золотого.
1315 Копье пригнал подле самого бока —
Господь упас, не сделал зла иного:
Сломил древко, но с лошади не сбросил.
Сам ускакал, никто его не тронул.
Трубит в трубу, войска скликает снова.

СIV

- 1320 Бой закипел: он и велик и чуден.
Но граф Роланд хорониться не будет.
Сулицей бьет, пока древко не хрустнет.
Пятнадцать раз ломал и брал другую.
Взвил Дюрандаль нагой клинок и чудный.
1325 Погнал коня, спешит разить Чернюбля.
Рассек шелом, где сверкает карбункул;
Проходит меч сквозь мисюрьку и кудри,
Промежду глаз, через кость лобовую,
Бьет напролом, сквозь частую кольчугу,
1330 У самых пог он выходит наружу,
Рассек седло и луку золотую,
Затем застрял он у лошади в крупе.
Хрустит сустав, Роланд сквозь кости рубит.
Свалил врага среди густого луга.
1335 И рек: «Подлец, ты зря пришел оттуда.
А ваш Махмет вам здесь поможет худо.
Не победит нас такая паскуда».

Аой.

CV

- Вот граф Роланд по равнине летает.
 С ним Дюрандаль, что и рубит и ранит.
 1340 Большой урон нанес поганой стае.
 Видали б вы, как труп на труп он валит!
 Ясная кровь все место заливает.
 Кольчугу он и руки окровавил,
 А добрый конь — и загривок, и рамо.
 1345 И Оливьер разит, не унывая,
 И перов всех там слава ждет большая,
 Франки секут и бьют и поражают,
 Нехристи мрут иль без чувств упадают.
 Молвит Турпин: «Бароны наши храбры».
 1350 Кричит: «Монджой!» То Карла возглас ратный.
 Аой.

CVI

- Граф Оливьер несется в бой с наскока.
 Сломал копье, в руках его осколок.
 Спешит разить поганца Мальзарона,
 Щит раздробил злаченный, расцвеченный,
 1355 Из головы повыбил оба ока,
 До самых ног стекают капли мозга.
 Мертвым свалил средь сарацинских сотен.
 Сразил затем Торджиса с Эсторготом.
 Древко разбил на части до основы...
 1360 Молвил Роланд: «О, милый друг мой, что вы?
 В таком бою не дерутся ослопом.
 Нужна здесь сталь и железные копыя,
 А где ж ваш меч, что Альтеклерой прозван,
 Златой эфес с хрустальным наголовьем?»
 1365 «Он все в ножнах, — граф Оливьер промолвил. —
 Мне недосуг: поганых бить я должен».
 Аой,

CVII

Сир Оливьер взял меч отменный свой
(Как наказал товарищ боевой,
1370 Подав совет по-рыцарски прямой),
Джюстину дал из Вальфереды бой,
Разит насквозь по крышке черепной.
Тело рассек с вороненой броней
И все седло с отделкой золотой,
1375 Еще коню пробил хребет спинной,
Мертвым свалил на лугу пред собой.
Молвил Роланд: «Отлично, брат родной:
Любит король нас за удар такой».
Со всех сторон восклицают: «Монджей!»

Аої.

CVIII

Летит Джерин на скакуне Сореле,
1380 А друг его, Джерьер, на Пасецерфе,
Шпорят коней, отпустили уздечки,
Спешат разить поганца Тимозеля,
Один сквозь щит, другой сквозь панцырь светлый,
Оба копыта они сломили в теле.
1385 Мертвым он пал на вспаханную землю.
(Слух не прошел, и я о том не ведал,
Кто из двоих был легче и скорее).
Эсперверит там был, сынок Бореля,
Его убил Энджельер из Борделы.
1390 А сам Турпин поразил Сиглореля;
То был колдун, что побывал и в пекле,
Юпитер сам водил его под землю.
Молвил Турпин: «Он пострадал за дело».
Роланд в ответ: «Сразил ты лиходея».
1395 Брат Оливьер! мне мил удар умелый».

СІХ

- А между тем еще крепчает битва.
И франк и мавр ударяют на диво.
Разят одни, отражают другие.
Видали б вы, как там кровавят пики,
1400 Прапоры рвут и знамена на нитки,
Как франки там в расцвете силы гибнут,
Ни матерей, ни супруг не увидят,
Ни земляков, что ждут их за тесниной!
Скорбит о них и плачет Карл Великий.
1405 Что пользы в том? Он пособить не в силах.
Граф Гуенелон так плохо услужил им,
Продал свой род сарагосским эмирам.
Зато потом он рук и ног лишился,
Был присужден он в Ахене повиснуть,
1410 А вместе с ним его родичей тридцать:
Никто из них не смог от смерти скрыться.

СХ

- Чудесен бой, и сеча тяжела.
Крепко разят Оливьер и Роланд.
Турпин нанес свой тысячный удар.
1415 Все перы бьют, не жалея труда.
Дружно разят французские войска:
Тысячи мрут и сотни басурман.
Кто не бежит, умирает от ран.
Хочет иль нет, — он прожил жизнь сполна.
1420 Лучший оплот теряют франки там.
Их не узрят ни супруга, ни брат,
Ни Карл-король, что ждет их там, у врат.
Бушует вихрь среди французских стран,
Гроза и гром, и ветер, и ураган,
1425 Свирепый дождь и непомерный град,
- 158

Молнии бьют и часто и подряд,
И трус земной (по правде говорят).
От Санса вплоть до Сен-Мишельских врат,
От Безансона до гавани Гуйтсант
1430 Нету домов, где стены не трещат.
С полдневных страд надвигается мгла.
Свет только там, где вспышки режут мрак.
Люди глядят, объял их сильный страх.
Все говорят: «Последний день настал.
1435 То страшный суд, скончание векам».
Но это ложь: не с того — ураган;
То — злая скорбь, что должен пасть Роланд.

СХІ

Французы бьют и с мощью и с отвагой,
Нехристи мрут толпою и ватагой.
1440 Двух не спасли из сотни тысяч мавров.
Молвил Турпин: «Хорош народ наш ратный.
Нет короля, чтоб выставил им равных».
Писано есть убо в «Деяньях Франков»,
Что Карл один имел таких вассалов.
1445 Ищут своих они на поле брани,
Плачут глазами от нежности бескрайной,
От всей души жалеют павших братий.
А там грядет Марсиль с грозной ратью.

СХII

- Марсилий царь подходит средь полей
1450 С войском большим, что он собрать велел,
Двадцать полков он выставить сумел.
Шлемы горят от золота и камней,
И блеск идет от щитов и брони,
Семь тысяч труб скликают в бой людей.
1455 Разнесся гул по окрестной земле.
Молвил Роланд: «Друг и брат Оливьер!
Трус Гуенелон задумал нашу смерть.
Измену скрыть уже нельзя теперь.
Но Карл свершит превеликую месть.
1460 Битва нас ждет всех горше и сильней,
Такой никто не видал меж людей.
Буду рубить Дюрандалью своей,
А ты, о, друг, Альтеклерю бей.
Сквозь столько стран мы пронесли свой меч.
1465 Решили им так много грозных сеч.
Песни дурной о нас не смогут спеть».

Аой.

СХIII

Вот видит царь, что люд его убит.
Велит в рога и в трубы затрубить.

- Меж войск своих он скачет не один,
1470 Пред ним Абисм, поганый сарацин,
Худший злодей среди всех его дружин.
Нравом он подл и много зла свершил.
Сына святой Приснодевы не чтит.
Весь черен был, как сажа из печи.
1475 Слаще ему обмануть иль убить,
Чем золото всей галисийской земли.
Смеха не знал, вовек не пошутил.
Храбростью он и глупостью велик,
За то царю Марсилию он мил.
1480 Войска собрал под драконом своим.
Но не любил таких отец Турпин.
Чуть увидал, спешит его разить
И сам с собой спокойно говорит:
«А этот мавр, как видно, еретик,
1485 Лучше, чтоб я сейчас его убил.
Век я трусов и трусости не чтит».

Аой.

СХІV

- Вот прямо в бой несется архипастырь,
Под ним скакун, что взят у Агросалия
(То был король, им пораженный в Дании).
1490 Хорош скакун и годен для ристания,
Копытом кос, и с плоскими ногами,
В крупе широк, короток лядвеями,
Высок в седле и с длинными боками,
С белым хвостом и гривой буланой,
1495 Мордою рыж, с короткими ушами.
Нет скакуна, что бы ему был равен.
Епископ наш коня пришпорил храбро,
К Абисму мчит (сдержать не может нрава),
Бьет прямо в щит многочисудным ударом.

- 1500 В щите блестяг аметисты, топазы,
Рдеет рубин и светятся алмазы
(Сам дьявол их достал из Валь-Метаса
И передал чрез эмира Галафра).
Разит Турпин, не щадит супостата.
- 1505 Щит не спасет от такого удара.
Из бока в бок пробил он басурмана,
Мертвым свалил среди пустой поляны.
Франки рекли: «Вот это витязь храбрый!
Цел будет жезл у нашего прелата».

СХV

- 1510 Франки глядят: так много там неверных
(Со всех сторон врагами луг облеплен),
Часто зовут Роланда с Оливьером
И свой оплот, своих двенадцать перов.
Но им прелат от разума ответил:
- 1515 «Храните честь, о, сеньоры и кмети!
Богом молю, не думайте о бегстве,
Чтоб честный муж не спел вам студной песни.
Лучше падем мы все, сражаясь вместе.
Нам суждено: мы здесь дождемся смерти.
- 1520 Прожили мы сегодня день последний.
Но за одно ручаюсь вам по чести,
Что вам врата отверзнет рай небесный,
Войдете в сонм Невинно Убиенных».
- Франки благой обрадовались вести,
1525 Громко «Монджой!» воскликнули все вместе.
- Аой.

СХVI

Был сарацин один из Сарагосы,
Пол-града он зовет своим феодем.

- То — Климборин; он честным не был сроду,
Скрепил союз он с графом Гуенелоном.
1530 Его в уста целовал благосклонно
И дал шелом с большим рубином темным.
Большой Земле, хвалясь, грозит уроном:
Сорвет-де, мол, он с короля корону.
Под ним — скакун; зовется Брамабошем,
1535 Быстрее летит, чем ласточка иль коршун.
Пустил узду, коня он гонит шпорой,
Спешит разить Энджельера-гасконца
(Щит и броня не служат обороной).
Конец копья ему сквозь тело гонит.
1540 Вышел конец весь целиком на волю.
С древком в груди свалил его на поле.
Громко кричит: «Таких легко мы колем!
Руби смелей! Мы их толпу разгоним».
Франки в ответ: «О, боже, жаль героя!»

Аой.

СХVII

- 1545 Молвил Роланд: «Внемлите, Оливьер!
Сударь-собрат, скончался Энджельер.
В войске у нас нет рыцаря смелей».
А граф в ответ: «Дай бог свершить мне мечь».
Шпорой златой скакуна подогрел,
1550 Кровавый меч, Альтеклеру, он вздел,
Что силы есть бьет мавра Оливьер,
Удар нанес, и сарацин слетел.
Душу его к себе уносит бес.
Затем убит им герцог Алфайен,
1555 Эскабаби он голову отсек,
Семь арабитов он поскидал с коней.
Они гроша не стоят на войне.
Молвил Роланд: «Он впал в свирепый гнев».

Славно он бьет другим и мне в пример,
1560 За бой такой мы королю милей».
Громко вскричал: «О, рыцари, смелей!»

Аой.

СХVIII

Был там еще язычник Вальдаброн,
В рыцари им Марсилиий посвящен.
В море он вел четыреста судов.
1565 Любой моряк поклясться им готов.
Ерусалим изменой взял в полон.
Храм осквернил, что воздвиг Соломон.
Им патриарх у купели сражен.
С ним же союз заключил Гуенелон
1570 (Тысячный меч в награду принял он).
Под ним скакун: зовется Граммонт,
Летит скорей, чем сокол-быстрогон.
Погнал коня концом колючих шпор
Туда, где был знатный герцог Самсон.
1575 Пробил он щит, кольчугу пропорол,
В тело вогнал копьё со всем флажком,
С древком в груди на землю сшиб потом.
«Эй, мавры, в бой! Легко мы их побьем!»
Франки рекли: «Увы, погиб барон!»

Аой.

СХIХ

1580 Видит Роланд, что герцога уж нет,
Знайте, что впал он и в горе и в гнев.
Во весь опор помчался на коне,
С ним — Дюрандаль, что золота ценней.
Барон разит (не может он сильней):
1585 Шлем разрубил меж злата и камней,

Череп рассек и все тело в броне,
Режет седло меж злата и камней,
Клинок застрял у лошади в спине.
Бьет, не спросясь, кто хвалит, а кто — нет.
1590 Молвят враги: «Удара нет сильней!»
Роланд в ответ: «Вы ненавистны мне:
Чванство и ложь — на вашей стороне».

Аой.

СХХ

Был там арап из Африки один,
То — Малькидант, Малькюд его родил.
1595 Его доспех весь золотом обит,
Ярче других против солнца блестит.
И Сальтпердют, скакун его, под ним;
Быстрее его не мчался ни один.
С размаха бьет он Ансеиса в щит.
1600 Сквозь алый цвет и сквозь лазурь разит.
Обе полы кольчуги он расшил,
Дрот и древко ему в тело вонзил.
Скончался граф, свой век он завершил.
Франки рекли: «О горе! он погиб!»

СХХI

1605 По полю мчит Туршии архиепископ.
Вовеки поп не служил литургии,
Что совершил так много дел великих.
Нехристю рек: «Пусть бог тебя унизит!
Сердце скорбит о том, кого убил ты».
1610 Ярит коня, чтоб под всадником взвился,
В толедский щит хватил, что было силы.
Мертвым арап на мураву свалился.

СХХII

- Был там и сын Капуэля, Грандоний;
Его отец был царем Кападо́кии.
- 1615 Под ним скакун по имени Марморий,
Тот конь быстрее, чем птица на просторе
Пустил узду и скакуна пришпорил.
Джерина бьет великой силы полон.
Весь алый щит раздробил на осколки
- 1620 И на броне расшил ему все кольца,
В тело вонзил копьё и прапор желтый,
Мертвым свалил на крутом косогоре.
Затем Джерьер им был повержен вскоре,
И Беренджьер, и Гвидон из Сантонии.
- 1625 Затем сразил он герцога Аустория,
Чей был Вивьер и Валерья на Роне.
Убил его. Язычники — в восторге.
Франки рекли: «Из нас не стало многих».

СХХIII

- Держит Роланд в руке свой меч кровавый,
1630 Слышал он все, как франки горевали.
Так он скорбит, что готов разорваться.
Нехрестю рек: «Господь тебе каратель!
Тех ты убил, за коих ждет расплата».
Ярит коня, что рвется к сече ратной.
- 1635 Кому ни пасть, а сшиблись супостаты.

СХХIV

Грандоний был благороден и храбр,
Доблестный был и боевой вассал.
Вот видит он: спешит к нему Роланд;
Видит впервой, но вмиг его узнал

- 1640 По красоте и по гордым чертам,
По стати всей, осанке и глазам.
И тут его объял невольный страх,
Хотел бежать, но не сумел никак.
С силой такой его ударил граф,
1645 Что раскроил с наносником шишак,
И нос, и рот, и челюсть пополам,
Тело рассек и алжирский юшман,
И на седле две бляхи из серебра;
Всадил клинок он в спину скакуна,
1650 Сразу убил коня и ездока.
Мавры вопят, и скорбь их глубока.
Франки рекли: «Он славно бьет врага».

(СХХIVa)

- Чудесен бой, и сеча велика.
Разят копьем французские войска.
1655 О, сколько мук увидели б вы там,
Сколько смертей и сочащихся ран!
Впавалку все друг на друге лежат.
Не может снести мучений супостат.
Невольно он подается назад.
1660 Силой живой его франки теснят.

Аой.

СХХV

- Чудесен бой, и сеча тороплива.
Франки разят от гнева и от силы.
Рубят бока и кулаки, и спины,
В живую плоть сквозь платье входят пики.
1665 По мураве зеленой кровь струится.
[Мавры вопят: «Мы держаться не в силах!]

О, франкский край, будь проклят Аполином
Превыше всех — твой род неустрашимый».
Нету таких, что б не звали Марсилия:
1670 «Царь, поспешай. дай помощь от засидия!»

СХХVI

Тут граф Роланд говорит Оливьеру:
«Сударь-собрат, дозвольте вам поведать:
Добрый боец — архиепископ светлый;
Лучшего нет на земле и под небом:
1675 Дротом разит и сулицей отменно.
А граф в ответ: «Ему поможем делом».
При сих словах напали франки смело,
Тяжко разят и бьют они умело.
Но все ж беда христианам приспела.
1680 Видели б вы Роланда с Оливьером!
С мечом в руке они рубят и режут.
Разит копьем архиепископ светлый.
Поганых бьют — считать их мочи нету.
В грамотах есть и в свитках эта смета
1685 Тысяч всего до четырех по «Джесте».
Ходили в бой четыре раза с честью,
А пятый был всех горше и тяжеле.
Рыцари все погибли в этом деле.
Лишь шестьдесят для бога уцелело.
1690 Дорого все продадут свое тело.

СХХVII

Видит Роланд, что потери не малы.
Ради Христа к Оливьеру воззвал он:
«Скажите мне, что вам на мысли вспало.

- Вот на земле — все добрые вассалы.
1690 Как жалко нам дивной Франции сладкой,
Что лишена стольких баронов славных.
О, друг-король! зачем вас нету с нами?!
Брат-Оливьер! что учиним мы сами?
Как сделать так, чтоб франки весть узнали?
1700 Рек Оливьер: «Не знаю, как поправить.
Лучше нам пасть, чем себя обесславить».

Аой.

СХХVIII

- Роланд сказал: «Затрублю в Олифант.
Услышит Карл у тех Испанских врат,
Ручаюсь вам, он повернет назад».
1705 Рек Оливьер: «То был бы стыд и срам,
Тяжкий позор и дедам и сынам
Присно, вовек и па все времена.
Гордились вы, когда сказал я вам.
Теперь на то согласья я не дам.
1710 Сейчас трубить не честь и не хвала.
Вот с рук у вас стекает кровь-руда».
Роланд в ответ: «Был крепок мой удар».

Аой.

СХХIX

- Так рек Роланд: «Мы здесь сражались храбро.
Я затрублю, услышит войско Карла».
1715 Рек Оливьер: «Недостойно вассала.
Добрый совет презрели вы сначала.
Будь здесь король, нам было б горя мало.
Но те, кто с ним, не воспримут срама».

Рек Оливьер: «Я бородой поклялся.
1720 Коль вновь узрю красу-сестрицу Альду.
Вовеки вам не спать в ее объятьях».

Аой.

СXXX

Так рек Роланд: «За что гневитесь, сударь?»
А тот в ответ: «Вы поступили худо.
Храбрость с умом — не блажь и безрассудство.
1720 Дороже нам умеренность, чем глупость.
Франки падут за ваше неразумье;
Карл не узрит вовек от нас услуги.
Будь вы умней, вернулся б Карл оттуда;
Мы б смяли их и прижали бы круто.
1730 Марсилиий царь был бы пленным иль трупом.
В злой час, Роланд, далась нам ваша удаль:
Король от вас уж не дождется службы.
Таких, как вы, по Судный День не будет.
Здесь ждет вас смерть, а Францию — остуда.
1735 В нынешний день расстанутся два друга.
Вечером ждет нас тяжкая разлука».

Аой.

СXXXI

Отец Турпин услышал этот спор.
Ярит коня концом злаченых шпор
И молвит им в науку и в укор:
1740 «О, сир-Роланд и Оливьер-барон!
Богом молю не вступайте в раздор.
Уж нас теперь спасти не может рог;
Но пусть трубит: нам это будет впрок.
Вернется Карл и даст врагам урок,
1745 Чтоб ликовать не смел поганый род.

С коней сойдут французы наши в дол,
Мертвый узрят и порубленный полк.
Оплачут нас в тоске и горе злом,
Положат нас в гробы, на лошаков,
1750 Затем свезут на монастырский двор.
Нас не съедят ни хряк, ни пес, ни волк».
Роланд сказал: «В таких словах есть толк».
Аой.

СXXXII

Тут граф Роланд свой рог взял крепко в руки,
Прижал к устам, трубит в великой муке.
1755 Хребет высок и вдаль разносит звуки.
Отзвук гремит на тридцать верст в округе.
Слышит король и преданные слуги.
Карл говорит: «То наши мавров рубят».
Но Гуенелон о том иначе судит:
1760 «Скажи другой, назвали б ложью люди».
Аой.

СXXXIII

В большой тоске и в горе граф Роланд
И в муке злой трубит в свой Олифант,
Ясная кровь стекает по устам,
Треснула кость с натуги на висках.
1765 И громкий звук разносится стократ.
Услышал Карл у тех Испанских врат.
Слышит и Найм и вся франкская рать.
Молвил король: «Я слышу Олифант.
Не будь беды, не трубил бы Роланд».
1770 Рек Гуенелон: «Какая там беда?
Уж вы старик, и голова седа.
Слышу от вас я детские слова.

Знаете вы: своенравен Роланд
(Как может бог терпеть его грехам?).

- 1775 Ведь Нопль он взял и не сказался вам.
Вышли на бой дружины басурман,
Но их разбил лихой вассал Роланд.
Вымыть весь луг он приказал тогда,
Чтоб эта кровь исчезла без следа.
- 1780 Теперь трубит за зайцем по лесам,
Иль среди своих он хвастается там,
Что нет бойца, что б на него напал.
Чего ж стоять? Велим итти полкам.
К Большой Земле дорога далека».

Аой.

СXXXIV

- 1785 Трубит Роланд, уста его в крови,
Разорвались от натуги виски.
Трубит он в рог от горя и тоски.
Слышат король и франкские полки.
Промолвил Карл: «Как долго рог гремит».
- 1790 А Найм в ответ: «По-рыцарски трубит.
Поверьте мне: там битву завели.
Изменник тот, кто медлить вам велит.
К оружию все! Пусть кликнут бранный клич!
Скорей спасать спешите вашу гридь».
- 1795 То наш Роланд в отчаяньи трубит».

СXXXV

Трубить в рога приказал император.
Спешилась рать и надевает латы,
Кольчугу, шлем и меч, обитый златом,
Щит расписной и крепкий дрот булатный.

- 1800 Пестрят флажки: шафранный, белый, алый.
На скакунах летят бароны Карла,
Ярят коней и мчатся вниз по скату.
Такого нет, что б не сказал собрату:
«Коль мы в живых еще найдем Роланда
- 1805 Будут от нас тяжелые удары». —
Что пользы в том? Их помощь опоздала.

СХХХVI

- Явился день и утро рассвело.
В его лучах доспех горит светло,
Ярко блестят и панцырь и шолом,
- 1810 Сверкает щит, украшенный цветком,
Светит копье и прапорец на нем.
Король спешит, и гнев его силен,
А франков род сердит и огорчен;
Такого нет, что б не заплакал он:
- 1815 Боятся все — погиб Роланд-барон.
Король велит, чтоб взят был Гуенелон
И к поварам на кухню помещен.
Старшой у них по имени Бесгон.
«—Храни его: большой изменник он,
1820 Посмел предать и гридь мою и дом».
- Бесгон созвал до сотни поваров,
Добрых и злых из кухни холуев.
Бороду рвут, щетину из усов,
Дали ему три сотни тумачков,
- 1825 Лупят его дубиной и колом,
Шею ему оковали кольцом.
Был, как медведь, на цепь посажен он.
Везут его на коне ломовом.
И сторожат, чтоб Карлу сдать потом.

Аой.

СХХХVII

- 1830* Хребет высок и мрачен, и велик;
Быстры потоки, долины глубоки.
Трубы трубят в тылу и впереди,
Глас подают Олифанту вдали.
Скачет король и гневен и сердит,
1835 Франки за ним с отчаяньем в груди.
Такого нет, что б горьких слез не лил.
Молят творца Роланда сохранить
И снова их в бою соединить,
Чтоб вместе с ним разить они могли.
1840 Что пользы в том? Опоздают они.
Во-время Карл не успеет притти.

Аой.

СХХХVIII

- Во гневе мчит великий кесарь Карл,
Поверх брони — седая борода.
Ярят коней бароны-господа.
1845 Такого нет, что б о том не рыдал,
Что так далек воевода Роланд:
«Бьет он теперь испанских басурман.
Коль ранен он, то все погибнут там».
Их шестьдесят. Но, боже, что за рать!
1850 Им равных в бой не вел ни царь, ни граф.

Аой.

СХХХIX

Роланд глядит на пустошь и на горы.
Видит: лежат французские герои.
Оплакал их, как рыцарю пристойно.
«О, господа! Творец вас удостоит.

- 1855 В своем раю ваши души укроет
И на святых цветах вас упокоит.
Вовек никто не видел лучших воев;
Так много лет вы мне служили стойко.
С вами король так много стран освоил.
- 1860 На горе вам он вас растил и гоил.
О, франкский край! О, сладкий край героев!
Ныне тебя сразило горе злое.
Франки падут, и я тому виною.
Как вас теперь защищу и покрою?
- 1865 Спаси вас бог своей правдой святою.
Брат Оливьер! я до конца — с тобою.
Коль не убьют, от горя я изною».
«Сударь-собрат! пора вернуться к бою».

CXL

- На поле вновь возвратился Роланд,
1870 Рубит мечом, как доблестный вассал.
Он разрубил Фальдрона пополам,
Мавров убил двадцать четыре сам.
Вовек никто так местию не пылал.
Как мчит олень, спасаясь от собак,
- 1875 Так перед ним несется супостат.
Сказал Турпин: «Вот славные дела.
Такая мощь всем рыцарям нужна.
Кто носит щит, кто сел на скакуна,
Силен и смел тот должен быть всегда.
- 1880 А если нет, так грош ему цена:
Пусть будет он в монастыре монах,
Пусть день-деньской он молит о грехах».
«Бей, не жалеи!» — отвечает Роланд.
При сих словах вернулся в битву франк.
- 1885 Но злой урон не минет христиан.

CXLI

- Тот, кто узнал, что не будет полона,
Крепко стоит за свою оборону.
Быются, как львы, французские бароны.
Марсилий мчит, как рыцарь благородный,
1890 На скакуне, что зовется Гайньоном,
Шпорит коня, спешит разить Бевона
(То был сеньор над Бельной и Дижоном).
Пробил копьё и юшман воронений.
На смерть убил безо всякой препоны.
1895 Затем сразил Иворья и Ивона,
И с ними пал Джерарт из Русильона.
Но близко был Роланд, наш воевода.
Нехристю рек: «Будь проклят ты от бога!
Моих друзей ты умертвил жестоко.
1900 Ты от меня не уйдешь без урока.
Как звать мой меч, узнаешь раньше срока».
Спешит разить, как надлежит барону:
Правый кулак срубил ему с разгона.
Отсек главу Джюрфалея младого
1905 (То был царев сынок белоголовый).
Мавры вопят: «Где помощь от Маома?!
О, боже наш, отмсти ты Карлу злomu,
Что нам послал подобных живоглотов:
Скорей умрут, чем уступят ворота».
1910 И все кричат: «Бежим без поворота».
При сих словах сто тысяч их уходит.
Кто б их ни звал, обратно не воротит.

Аой.

СХLII

- Что пользы в том, что царь пустился в бегство?
Ведь дядя здесь, алгалиф иноверный,
1915 Гармалы царь, Карфагена, Альферны.
Проклятый край эфиопский он держит.
Черный народ — в его владеньи ленном,
С ухом большим и носом широченным.
Вместе их там полсотни тысяч кметей.
1920 Вот на конях они несутся гневно.
Громко орут поганый клич победный.
Молвил Роланд: «Нас ждет венец блаженных.
Здесь мы умрем, я это знаю верно.
Подлец — кто жизнь уступит за бесценок.
1925 Сеньоры, в бой! Мечом разите светлым!
Рубитесь все ради жизни и смерти.
Франции сладкой опозорить не смейте.
Карл, мой сеньор, сюда придет, поверьте.
Узрит урок, что дали вы неверным.
1930 Пятнадцать их за одного ответят.
Тогда король нам даст благословенье».

Аой

СХLIII

Видит Роланд, безбожники пришли;
Нечистый род; лицо — черней чернил.

- Белы на нем только зубы одни.
1935 И граф сказал: «Скончались наши дни,
Поверьте мне, мы ляжем здесь костями.
Бейте сильней, о, витязи мои!»
Рек Оливьер: «Лентяя бог казни».
При сих словах врубились в строй они.

CXLIV

- 1940 Увидел враг, что полк французский мал.
Всяк тем себя бодрил и утешал.
Все говорят: «Неправ их кесарь Карл».
Вот алгалиф на рыжем прискакал,
Шпорой золотой ярит он скакуна,
1945 В спину он бьет Ольвьера со зла,
До тела враз кольчугу разорвал,
Чрез грудь насквозь копьё ему вогнал.
Рек алгалиф: «По вкусу ль вам удар?»
На горе Карл оставил вас у врат.
1950 Во всем он крив: не ждет его хвала.
За всех отмстит нам ваша смерть одна».

CXLV

- Зрит Оливьер, что ранен он насмерть;
Держит в руке Альтеклеру, свой меч,
Нехристя бьет в остроконечный шлем.
1955 Цветы, хрусталь фонтаном брызжут вверх.
Вплоть до зубов главу ему рассек.
Крепко сразил, покончил с ним навек.
И говорит: «Будь проклят, изувер!
Не скажешь впредь, что Карл понес ущерб.
1960 Ни даме ты, ни собственной жене

Не прихвастнешь на родной стороне,
Что хоть на грош ты причинил мне вред,
Нанес урон другому или мне».

И тут призвал он Роланда к себе.

Аой.

CXLVI

- 1965 Зрит Оливьер, что смерть его близка.
Спешит отмстить: раззудилась рука.
В густой толпе геройски бьет врага,
Рубит щиты, копейные древка,
Руки, ступни и плечи, и бока.
- 1970 Кто б видел там, как мавров он кромсал,
Как труп на труп и валил и бросал,
Молвил бы тот: «Что за добрый вассал!»
И клича он в бою не забывал:
Кричит «Монджой!» (то Карлов ратный знак).
- 1975 Друга зовет, Роланда-своека:
«Сударь-собрат, ударим на врага.
Сегодня ждет нас разлука-тоска».

Аой.

CXLVII

- Роланд взглянул на лицо Оливьера:
Бледно оно и бесцветно и бело.
- 1980 Ясная кровь ручьем бежит из тела,
Брызги летят, и земля заалела.
И молвил граф: «О, боже! что мне делать?
Сударь-собрат, на горе — ваша смелость!
Таких, как вы, не будет в мире целом.
- 1985 О, сладкий край, навек осиротелый,
Без добрых слуг, разбитый, опустелый!
Большой урон наша рать претерпела.
При сих словах на лошади сомлел он.

*

CXLVIII

- И вот Роланд в беспамятстве сидит;
1990 А Оливьер насмерть копьём пробит,
Теряет кровь, в глазах его мутит.
Ни вблизи, ни вдаль так ясно не глядит,
Чтоб мог узнать человека на вид.
И тут ему попался побратим,
1995 А он его по голове разит,
Златой шелом до наносья разбил,
Но головы нигде не повредил.
И тут Роланд в себя приходит вмиг,
Благостно так и нежно говорит:
2000 «Сударь-собрат, нарочно ль ты разишь?
Ведь я Роланд, что так тебя любил.
Ты мне еще вражды не объявил.
Рек Оливьер: «Я слышу, побратим,
Не вижу вас, пусть вас господь узрит.
2005 Вас ранил я? Прошу меня простить».
Роланд в ответ: «Я цел и невредим.
Прощаю вам пред богом и людьми.
Друг к другу тут наклонились они.
Что за любовь! Но смерть их разлучит

CXLIX

- 2110 Зрит Оливьер, что смерть его настигла.
Глубоко в лоб глаза его ввалились.
Слух потерял и ничего не видит.
Сходит с коня и на землю ложится.
За разом раз «мой тяжкий грех» твердит он,
2015 Длани сложил и руки к небу вскинул.
Молит Творца, чтоб в рай его он принял,
Чтоб Карла спас и сладкий край родимый,
А раньше всех Роланда-побратима.

Сердце зашлось, и шлем с главы свалился.
2020 Телом своим совсем к земле приник он.
Скончался граф, он эту жизнь покинул.
Роланд-барон рыдает и крушится.
Никто вовек не знал такой кручины,

CL

Видит Роланд, что умер Оливьер,
2025 Лежит ничком, припал лицом к земле.
Нежно о нем он принялся жалеть:
«Сударь-собрат, на горе был ты смел!
Прожил с тобой я много дней и лет.
Зла не нанес ты мне, а я тебе.
2030 Коль умер ты — не жить мне на земле».
Так рек маркиз и от горя сомлел
У скакуна Вельянтифа в седле.
Но в стремяна он крепко ноги вдел:
Не упадет, сумеет усидеть.

CLI

2035 Пока Роланд и плакал и грустил,
Без чувств упал и вновь набрался сил,
Тяжкий урон опять его постиг:
Франков уж нет: вся рать его лежит.
Один Турпин с Гуальтьер-дел-Умом жив.
2040 Пришел Гуальтьер с этих горных вершин,
Он отражал испанских сарацин,
Врага разбил, но лишился дружин.
Хочет иль нет, вернулся он один.
Громко теперь к Роланду возопил:
2045 «О, где ты, граф, где муж великих сил?»

С тобой меня ничто не устрасит.
Я здесь, Гуальтер, что Маэльгют пленил.
Мой дед — Дроон, что и стар и мастит,
В ратном строю тебе я побратим.
2050 Сломан мой дрот и продырявлен щит;
И панцырь мой разломан и расшит;
Я сам насквозь сулицею пробит;
Но враг меня не дешево купил».
Сим словом он Роландов слух склонил.
2055 Тот шпоры дал, к Гуальтеру поспешил.

CLII

Роланд-барон озлился от напасти,
Ворвался в строй, избивает испанцев.
На землю их он уложил штук двадцать,
Шесть сбил Гуальтер, пятерых — архипастырь.
2060 Мавры кричат: «Вот злобные мерзавцы!
Смотрите все, чтоб ни один не спасся.
Тот суций трус, кто не хочет сражаться.
Кто их щадит, тот будет святотатцем».
Тут крик и гам поднимают поганцы.
2065 Со всех сторон хотят до них добраться.

Аой.

CLIII

Был граф Роланд благородный воитель,
Гуальтер-дель-Ум — отменно добрый витязь,
Сведущ в бою и храбр архиепископ.
Никто из них другого не покинет.
2070 Врезались в бой и рубят сарацинов:
Тысяча их с лошадей посходила,
А на конях их сорок тысяч с лишним,

Не смеют, зная, подступиться поближе:
Мечут копьём и острою сулицей,
2075 Дротом, стрелой, протазаном и пикой.
Первым броском Гуальтьера погубили,
Весь щит насквозь проломили Турпину,
Погнули шлем и голову пребили,
Кольчугу всю рассекли и расшили,
2080 В тело ему вошли четыре пики,
Добрый скакун под ним лежит убитый.
О, горе нам! упал архиепископ!

Аой.

CLIV

Видит Турпин, что тяжко он изранен:
В теле торчат четыре протазана.
2085 Тут встал барон, вскочил на ноги рьяно,
Затем взглянул и поспешил к Роланду.
И рек ему: «Я не сражен нимало.
Добрый вассал не поддастся поганым».
Тут вынул он Альмац, свой меч булатный,
2090 Тысячу раз и более ударил.
Карл после рек, что он не знал пощады:
Вокруг нашли четыреста поганых:
Кто был пронзен, а кто вконец изранен,
Не мало есть, кого он обезглавил.
2095 Так молвят «Джеста», и зревший поле брани
Святой Эгидий, кого господь прославил:
Хартию ту составил в Ланской лавре.
Несведущ тот, кто этого не знает.

CLV

Любо смотреть, как рубится Роланд.
2100 Но тело жжет ему и пот и жар;

- Страшно болит и ломит голова;
Трубя, порвал он жилы на висках.
Но хочешь знать, вернется ль кесарь Карл.
Взял Олифант и затрубил слегка.
- 2105 Слышит король, осадил скакуна.
И говорит: «Постигла нас беда.
Роланд нас днесь покинет навсегда.
Слышите рог? То смерть его близка.
Скачи скорей, кто хочет бить врага.
- 2110 Сколько есть труб, пусть скликают войска».
А было труб там тысяч шестьдесят.
Гора гудит и вторит дол рогам.
Слышит их мавр: не до шуток врагам.
Все говорят: «Сейчас нагрянет Карл».

Аой.

CLVI

- 2115 Враги кричат: «Король войска вернул.
Слышите вы: то гром французских труб.
Вернется Карл, — не оберемся мук.
Коль жив Роланд, он вновь начнет войну.
Вырвет у нас Испанскую страну».
- 2120 Вот в шишаках четыреста бегут
Лучших из всех, что оставались тут.
К Роланду мчат; их натиск зол и крут:
Граф должен бить не покладая рук.

Аой.

CLVII

- 2125 Видит Роланд, что враг к нему бежит:
Стал он силен и зол и страховит.
Не сдастся им, куда будет жив.

Сел на коня, что звался Вельянтиф,
Шпорой златой скакуна горячит.
Вломился в строй: и рубит и крошит.
2130 А рядом с ним — архипастырь Турпин.
Рек другу друг: «Смелее, побратим!
Вот слышим мы: французский рог трубит.
Вернулся Карл, могучий властелин».

CLVIII

Но граф Роланд век не любил труса.
2135 Ни злых людей, ни паче гордеца,
Рыцаря тож, коль он плохой вассал.
Турпину он, епископу, сказал:
«Вы — пеши, сир, я ж сел на скакуна,
Но ради вас не сдвинусь никуда.
2140 Вместе вкусим от добра и от зла.
Ни для кого не изменю я вам.
В этом бою узнает басурман,
Как звать мечи Дюрандаль и Альмац».
Турпин в ответ: «Трус тот, кто не наддаст.
2145 Вернется Карл и отомстит за нас».

CLIX

Мавры вопят: «На зло мы родились!
Злою зарей сей день нас озарил.
Убиты все — и перы и цари.
Вот знатный Карл ведет войска свои.
2150 Трубы трубят французские вдали.
Громко звучит «Монджой!» — их ратный клик.
А граф Роланд без меры горделив.
Жив-человек не совладеет с ним,

- Метнем в него, а сами убежим».
- 2155 Кидают тьму и копий и сулиц,
Крылатых стрел и дротиков и пик.
Роландов щит проколот и пробит.
Его юшман распорот и расшит.
Но в тело дрот ни разу не проник.
- 2160 Был в тридцать мест поранен Вельянтиф,
Под графом он на землю пал убит.
Враги бегут; остался граф один,
Он без коня стоит несокрушим.

Аой.

CLX

- Враги бегут во злобе и во гневе,
2165 В Испанский край стремятся быстрым бегом,
Но граф Роланд нейдет за ними следом:
Пал Вельянтиф, его скакун отменный.
Хочет иль нет, он должен биться пешим.
К Турпину граф подбегает поспешно,
2170 Он развязал ремни золотого шлема,
И спял с него он легкий панцырь белый,
А весь камзол на полосы разрезал,
Перевязал ему раны на теле;
Затем прижал архипастыря к сердцу
2175 И на траву уложил его нежно.
Просит Роланд епископа смиренно:
«О, знатный муж! Благослови не мешкать:
Наши друзья, что так нам были ценны,
Погибли все, но бросить их невместно.
2180 Пойду искать, найду их непременно,
Пред вами в ряд положу убиенных».
—«Идите, граф, и возвращайтесь смело.
Поле — мое и ваше, слава небу»,

CLXI

- Ушел Роланд, один идет по доли,
 2185 Он обыскал и равнины, и горы.
 Видит: лежат Джерин с Джерьером оба.
 Затем нашел Беренджьера с Атоном,
 Еще нашел Ансеиса с Самсоном.
 Был там старик Джерарт из Русильона.
 2190 И поднял он по ряду всех баронов,
 Затем пошел к архипастырю снова,
 Всех их сложил у Турпинова ложа.
 Плачет Турпин, удержаться не может.
 Руку простер, благословил усопших.
 2195 Затем сказал: «Погибли вы, сеньоры.
 Преславный бог вашим душам поможет
 И на святых цветах в раю уложит.
 Сам я умру — уж смерть меня неволит.
 Мне не видать императора боле».

CLXII

- 2200 Ушел Роланд и ищет средь равнин.
 Видит: лежит Оливьер-побратим.
 Крепко прижал товарища к груди.
 Как мог, понес туда, где был Турпин.
 Подле других на щит его сложил.
 2205 Прелат его простил, перекрестил.
 Но вдвое граф и тужит и грустит.
 Молвил Роланд: «Оливьер-побратим!
 Герцог Рейньер вас мощный породил,
 Что держит лен средь Рунерских долин.
 2210 Чтоб щит рассечь и копье преломить,
 Чтоб гордецов и пугать и разить,
 Чтоб честным всем советом пособить,

Чтоб злых людей и пугать и разить, —
Лучшего нет и ввек ему не быть».

CLXIII

- 2215 Видит Роланд, что перы перебиты
И Оливьер, которого любил он.
Крушится он и слезы льет обильно.
Его лицо и бесцветно и сине.
Так он скорбит, что устоять не в силах:
2220 Хочет иль нет, он замертво свалился.
«О горе вам, барон!» — сказал епископ.

CLXIV

- Видит Турпин, что чувств лишился граф.
Так он скорбит, как досель никогда.
Руку простер, ухватил Олифант.
2225 Быстрая есть в Ронцесвале вода;
Хочет Турпин бойцу напиться дать.
Шатаясь, он с трудом побрел туда.
Но силы нет; не смог итти прелат:
Кровь потерял и страшно он ослаб.
2230 Едва успел пройти один арпан,
Сердце зашлось, ничком на землю пал.
Подходит смерть, конец его настал.

CLXV

- Вот граф Роланд опять собрался с силой,
На ноги встал, но не избыл кручины.
2235 Смотрит он в дол и смотрит на вершины:
На мураве зеленой спят дружины,

А подле них — барон непобедимый.
То был Турпин, — что послан в божье имя:
В небо взглянул и «мой грех» возопил он,
2240 Руки сложил, простер их вверх с молитвой,
Просит, чтоб бог в свой рай его восхитил.
Умер Турпин, государев воитель.
Карлу служил в проповедях и в битвах.
Крепкий боец супротив аравитян.
2245 Благословит его господь-спаситель.

Аой.

CLXVI

Видит Роланд: епископ пал на землю;
Вытекли вон его кишки из тела:
Мозги глядят и пучатся сквозь щели;
А на груди промеж ключиц обеих
2250 Он две руки скрестил прекрасных белых.
Стал плакать граф, как повелось издревле:
«О, знатный муж! О, рыцарь родом древний!
Вручаю вас всевышнему на небе.
Зане от лет апостольских доселе
2255 Равного вам и не было и нету,
Чтоб чтить закон и обращать неверье.
Пускай ваш дух ни мук ни зла не терпит,
И в рай ему да откроются двери».

CLXVII

Чует Роланд, что смерть ему грозит,
2260 Уж из ушей текут его мозги.
Молится он, чтоб перов бог простил
И принял их архангел Гавриил.
Взял Олифант (чтоб срама не нажать),

- Другой рукой Дюрандаль ухватил.
2265 Дальше, чем мог самострел дострелить,
Вошел он вглубь сарацинской земли.
Там на холме два дерева росли,
Четверо скал из мрамора меж них...
Вот к мураве зеленой граф приник,
2270 Лишился чувств, конец ему грозит.

CLXVIII

- Высок хребет, и высоки дубравы.
Скалы блестят, сверкает белый мрамор.
Там пал Роланд на зеленые травы.
Видит его агарянин поганый.
2275 Там, притворясь, меж другими лежал он,
Кровью лицо и тело он измазал.
Теперь вскочил и подбегает к графу.
Был он красив и силен и отважен,
Злобой объят смертельно и чванством:
2280 Взялся рукой за оружие Роланда.
И слово рек: «Разбит племянник Карла.
Вот этот меч я отнесу к арабам».
При сих словах открылись очи графа.

CLXIX

- Чует Роланд: за меч схватился тот.
2285 Открыл глаза, такую речь ведет:
«Сдается мне, не из наших твой род».
Взял Олифант (не сдаст его добром),
Бьет он врага в золоченый шолом,
Сквозь сталь и кость и череп напролом,
2290 И изо лба глаза повышиб вон.

Мертвым Роланд свалил его у ног.
И молвил: «Гнус! Как в ум тебе взбрело
Меня схватить ни за что, ни про что?
Всякий тебя обзовет дураком.
2295 Треснул теперь посредине мой рог,
Выпал хрусталь и золота кусок».

CLXX

Чует Роланд, что смерть его торопит.
Он подъялся, покрепче встал на ноги,
Нету в лице ни капли алой крови.
2300 Вот он к скале темнобурой подходит,
Бьет девять крат в отчаяньи и в злобе.
Звенит клинком: не зазубрит, не сломит.
«О! — молвил граф: — На помощь, мать божья
О, Дюрандаль! Сгодилась ты на горе!
2305 Коль я умру, ты не нужна мне боле.
Стольких с тобой мы побеждали в поле.
Столько земель великих побороли,
Где правит Карл с седою бородою.
Пускай бегун не владеет тобою.
2310 Досель была ты такому на пользу,
Каких уж нет во Франции привольной».

CLXXI

Роланд разит сердоликовый камень,
Звенит клинком, никак не сломит стали.
Видит Роланд, что с ним не совладеет,
2315 Тут сам с собой он горько причитает.
«Эй, Дюрандаль, о белая, святая!
На солнце ты и светишь и сверкаешь!»

- Когда был Карл в долине Мориане,
Тут возвестил ему от бога ангел,
2320 Чтоб дал тебя он графу-капитану.
Меня тобой опоясал державный.
Тобой я взял Анжуйский лен с Бретанью
И Пуату и весь Мен без изъятья.
Тобой я взял весь вольный край Нормандский
2325 И взял тобой Прованс и Аквитанию,
Ломбардский край и целую Романью,
Тобой смирил баварцев и фламандцев,
Венгрию всю и Польшу без остатка,
И взял Царьград, что покорился Карлу.
2330 Средь саксов он теперь, как хочет, правит.
Тобой смирил я скоттов и ирландцев,
Англию всю (то Карлов край вассальный).
Столько земель и царств тобою взято,
Где правит Карл с бороδοю седатой.
2335 За этот меч мне больно и досадно.
Лучше умру, чем сдам его поганым.
О, отче наш, не дай позора франкам!»

CLXXII

- Разит Роланд по камню-сердолику,
Столько отбил, что сказать не под силу.
2340 А сталь звенит — ни рубца, ни щербины —
Отскочит вверх и снова невредима.
Видит Роланд: не сломит стали дивной.
Сам про себя он жалуется тихо:
«Эй, Дюрандаль, ты свята и красива!
2345 Много святынь — в позолоченном грифе:
Там зуб Петра, святая кровь Василия,
И прядь волос святого Дионисия,
Клочок от риз приснодевы Марии.

Грешно, чтоб ты досталась сарацинам.
2350 Пусть будешь ты в руках христианина.
И пусть тебя не носит боязливый.
Тобой поправ я много стран великих,
Где правит Карл с бородою маститой:
С того богат и славен наш властитель».

CLXXIII

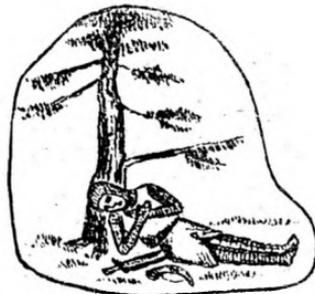
2355 Чует Роланд, что смерть его пришла,
От головы до сердца поползла.
Под тень сосны уходит граф Роланд,
На мураве зеленой лег он там,
Взял под себя свой меч и Олифант,
2360 Лицом глядит на страну басурман.
Так сделал он, скажу по правде вам,
Чтоб видел Карл и все его войска,
Что умер он, поборая врага.
«Грешен», сказал и не раз и не два,
2365 Богу за грех свою перчатку дал.

Аой.

CLXXIV

Видит Роланд: его дни миновали.
Он на холме лежит лицом к Испании.
Одной рукой он в грудь себя ударил:
«О, боже мой! Против твоей скрижали
2370 Грешен я был и в велице и в мале,
Со дня, как свет впервые увидал я,
До дня, когда убит я в этой схватке».
В высь протянул он правую перчатку.
Ангельский сонм с небес нисходит к графу.

- 2375 Лежит Роланд под сосной над долиной.
 К стране врагов лицо поворотил он.
 Стал вспоминать про много дел великих.
 Вспомнил барон края, что взял он силой,
 Свою родню в сладкой Франции милой
- 2380 И короля, сеньора и кормильца.
 Плачет, скорбит, удержаться нет силы.
 Но и души своей не позабыл он.
 «Мой грех», — сказал, призывал господню милость.
 «О, отче наш, — воистину неживый,
 2385 Лазаря встарь от смерти воскресивый,
 Спасший от львов пророка Даниила!
 Душу спаси от кары справедливой
 За те грехи, что в жизни учинил я».
 Ввысь протянул он перчатку с десницы.
- 2390 Сам Гавриил из руки ее принял.
 Граф на плечо головою склонился,
 Руки сложил, приял свою кончину.
 Господь послал своего херувима
 И на водах хранильца Михаила,
 2395 И в помощь к ним святого Гавриила.
 Душу его они в рай водворили.

CLXXVI

- Умер Роланд. Душа его на небе.
Вернулся Карл, по Ронцесвалю едет.
Нигде пути, тропинки не заметно,
2400 Ни фута нет, ни зги, ни пяди мерной,
Где б не лежал иль наш, или неверный.
И молвил Карл: «О, мой племянник, где вы?
И где Турпин, епископ, с Оливьером?
И где Джерин с побратимом Джержьером?
2405 И где Атон с собратом Беренджьером?
Милые мне Ивон, Иворий, где вы?
Не вижу я гасконца Энджельера.
Где Ансеис и где Самсон, мой герцог?
И где Джерарт из Русильона древний?
2410 Здесь я сгубил своих двенадцать перов».
Что пользы в том? Ведь никто не ответит.
«Боже!» — рек Карл: — О горе и бесчестье,
Что не был я в начале этой сечи!»
Бороду рвет, как человек во гневе,
2415 Плачут глазами его храбрые кмети.
Пало без чувств двадцать тысяч на землю.
Больше других их герцог Найм жалеет.

*

CLXXVII

- Рыцаря нет, ни графа, ни барона,
Что б не рыдал и не восплакал скорбно.
- 2420 О сыновьях, дядьях и братьях стонут
И о друзьях и сеньорах законных.
Замертво их на землю пало много.
Тут сделал Найм, как витязь благородный,
Прежде других он Карлу молвил слово:
- 2425 «Смотрите вдаль на две версты к востоку.
Видите там, застлала пыль дорогу?
Много их тут из поганого рода.
Помчимся все, отмстим за смерть баронов».
«Боже! — рек Карл: — Далеко мчатся воры.
- 2430 Не попусти неправды и позора!
Франции цвет нечестивцами сорван!»
Король зовет Джебейна с Отоном
И в помощь к ним Тедбальта и Милона:
— «Храните дол и все поля и горы.
- 2435 Пусть так лежат убитые бароны,
Чтоб их ни лев, ни зверь лесной не тронул,
Чтоб не достал ни стремянный, ни отрок.
Касаться их я запрещаю строго,
Пока вернусь с соизволенья бога».
- 2440 А те в ответ смиренно и любовно:
«Милый сеньор, король наш! Мы готовы».
И Карл дает им тысячу баронов.

Аой.

CLXXVIII

- В трубы трубить повелел властелин.
Скачет король перед челом дружин.
- 2445 Нашли на след испанских сарацин.
Бросились все в погоню, как один.

Видит король, что вечер их застиг.
Сходит с коня среди свежих луговин.
На землю лег и бога замолил,
2450 Чтоб для него оп солнцу запретил,
Ночь задержал и день остановил.
И вот ему тот ангел возвестил,
С которым он обычно говорил:
«О, Карл, скачи! Не смеркнет блеск светил.
2455 Знает господь: цвет Франции погиб.
Велит, чтоб ты злодеям отплатил».
При сих словах король в седло вскочил.
Аой.

СЛХХІХ

Для Карла бог свершает чудеса.
Солнце стоит недвижно в небесах.
2460 Враги бегут, а франки вслед спешат,
В Темном Логу наступают отряд,
Гонят мечом на Сарагосу-град.
Рубят плеча, не щадят басурман.
Скачут по всем дорогам и тропам.
2465 Пресекла путь им Себрская река.
Дивно она быстра и глубока.
Там нет баржи, судна, ни челнока.
Кличут враги Терваганта-божка,
Прыгают вниз, но гибель их близка;
2470 Всех хуже тем, чья сбруя тяжела:
Раньше других они достигли дна;
Иных несет к низовью по волнам;
Счастливей всех, кто захлебнулся сам.
Погибли все в безмерных муках там.
2475 Франки скорбят: «О, где ты, граф Роланд!»
Аой.

CLXXX

Видит король: погиб поганый род;
Кто истреблен, а кто в реке утоп;
Его бойцам на славу был улов.
Сходит с коня благородный сеньор,
2480 На землю пал, творца восславил он.
Чуть поднялся, видит: солнце зашло.
«Здесь — наш привал», — проговорил король.
Нам в Ронцесваль возвращаться темно:
Кони у нас умаялись давно.
2485 Снимите с них и узду и седло,
Пустите их пастись среди лугов». —
Франки в ответ: «Воистину, сеньор».

Аоф.

CLXXXI

Вот лагерь свой император раскинул.
В пустом краю там спешились дружины
2490 Сошли с коней, облегчили им спины.
Всякий сейчас узду златую скинул.
Пустил коня пастись на луговину.
Про корм иной там нету и помину.
Устали все, улеглись паладины;
2495 На караул не вышел ни единый.

CLXXXII

Наш государь прилег на мураве.
Копье стоит в головах на траве.
Он эту ночь решил проспать в броне.
На нем юшман белоснежный надет
2500 На голове позолоченный шлем,

Джойоза с ним (меча добрее нет),
Раз тридцать в день она меняет цвет.
Довольно мы слышали о копье,
Которым Спас прободен на крестъ:
2505 Есть, слава богу, у Карла острие.
Вправить его в Джойозу он велел:
За чудо то, за ту большую честь
Имя дано ей «Радостная» днесь.
Наш баронат об этом помнит весь:
2510 «Монджой!» — кричат. — «Моя радость» среди сеч
Никто досель не мог их одолеть.

CLXXXIII

Ночка светла, и ясен месяц новый.
Жалеет Карл Роланда дорогого,
И жаль ему Оливьера-барона
2515 И перов всех, и франкского народа.
Трупы лежат кровавые по долу.
Слез не сдержал, терзается жестоко.
За души их все время молит бога.
Устал король от этой скорби долгой,
2520 Лишился сил и задремал немного.
Все франки спят и разлеглись по логу.
И кони их уже стоять не могут.
Лежмя жуют, чтоб утолить свой голод.
Крепко учен, кто научен невзгодой.

CLXXXIV

2525 Спит Карл, как тот, что сильно изнемог,
Но Гавриила ниспослал ему бог,
Чтоб он во сне властелина берет

Чтоб в головах его стоял всю ночь.
Ангел царю являет вещий сон,
2530 Что некий бой ожидает его;
А это знак превеликих тревог.
Наш император взглянул на небосвод.
Видит он гром и ветры и мороз,
Видит грозу и ужас непогод.
2535 Сходит с небес и пламя и огонь,
Падает вниз на французский народ.
Горит у пик из ясеня древко,
Горят щиты до золотых шипов,
Копья летят на тысячи кусков,
2540 Трещат куяк и железный шелом.
Видит своих баронов в горе злом:
Медведь и барс бегут со всех сторон,
Аспид и змей, и дьявол, и дракон,
Грифы летят (тридцать тысяч числом),
2545 На франков все бросаются гуртом.
Франки кричат: «Спасите нас, сеньор!»
Жаль королю: он видит их урон,
Спешит помочь, но вдруг задержан он:
Огромный лев выходит из лесов,
2550 Очень он горд и яростен и зол,
Прыгнул к царю и вцепился в него,
Схватились тут в обнимку царь со львом.
Еще они не знают, кто кого.
Тут Карл восстал ото сна своего.

CLXXXV

2555 Было ему и другое видение:
Вот пред скалой — он в Ахенском уделе,
На двух цепях он медвежонка держит.
Вдруг от Арденн — до тридцати медведей;

Все говорят языком человеческим.
2560 Кричат ему: «Отдайте, сударь, зверя.
Закона нет, чтоб был он вам доверен.
Свою родню мы защищаем крепко».
Вдруг из палат несется выжлок резвый.
Схватил того, кто всех других свирепей,
2565 На мураве среди прочих медведей.
Там видит Карл: чудесный бой затеят.
Не знает он, кто кого одолеет.
Сей сон явил ему ангел небесный
Спит государь до самой зорьки светлой.

CLXXXVI

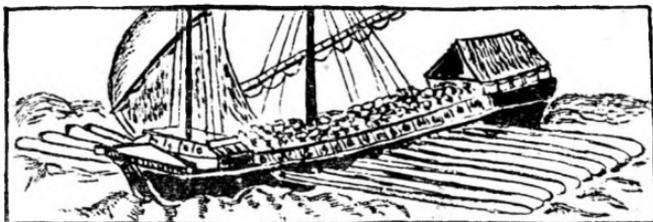
2570 Марсильи царь бежал в свою столицу.
Вот он с коня сошел в тени оливы,
Отдал свой меч и шлем и панцырь гридням,
На мураве улегся в жалком виде:
Правой руки он лишился до сгиба,
2575 Теряет кровь и сознание и силу.
Подле него — Брамимонда-царица,
Плачет, скорбит и горестно крушится,
А вместе с ней двадцать тысяч гридней.
Клянут царя сладкой Франции милой.
2580 Затем бегут в пещеру к Аполину.
Бранят его и терзают личину:
«О, скверный бог! За что ты нас покинул?
За что позор возвел на властелина?
Служа тебе, награды не увидишь».
2585 Отняли прочь и корону и скипетр,
Вздернули вверх, петлю на столп накинув.
Затем его к своим ногам свалили,
И батожем иссекли и избили.
У Терваганта карбункул отломали.

2590 Махмета в ров швырнули из кумирни:
Едят его и собаки и свиньи.

Аой.

СLXXXVII

Марсилий царь тогда очнулся снова,
Велел нести себя в покой со сводом.
Роспись там есть и пестрые разводы.
2595 Плачет о нем царица-Брамимонда.
Волосы рвет, зовет себя бездомной,
Громко вопит, такое молвит слово:
«Горе тебе, о, Сарагоса-город!
Ушел навек твой царь высокородный.
2600 Наши божки учинили преподло,
Его в бою покинули сегодня.
Эмиру ж то и стыдно и заorno,
Коль не пойдет войной на род прегордый,
Что не падит ни живота, ни рода.
2605 А ихний Карл, король седобородый,
Всегда он был и храбр и сумасброден.
И от войны не уклонялся сроду.
Жаль, что никто убить его не может».

CLXXXVIII

- Карл, наш король, со всею ратной силой
2610 Семь долгих лет в Испании рубился.
Взял города и крепости разбил он.
Марсилий царь то принял за обиду,
В первый же год свои грамоты пишет;
Послал послов к Балиганту в Египет
2615 (Был тот старик в Вавилоне эмиром;
Старше он был Виргилия с Омиром).
«Ждет-де его на подмогу Марсилий,
Иначе-мол оставит он кумиры,
Веру свою и идолов покинет,
2620 Святой закон христолюбивый примет,
С Карлом-царем решит поладить миром».
Тот — далеко: не сразу войско двинул:
Из сорока краев созвал дружину.
Свои суда он снарядил на диво:
2625 Струги, ладьи, галеры и расшивы.
Порт у него морской — Александрия.
Там корабли свои совокупил он.
Был месяц май, и лето наступило.
Вот поплыл он со всей своею силой.

CLXXXIX

- 2630 Грозная рать у нехристей неверных.
Быстро гребут и держат ход по ветру.

На мачтах тех, на тех высоких реях,
Там фонари и карбункулы рдеют,
Море от них залито сильным светом,
2635 Ярче, чем днем, красивей и яснее.
Пришли суда к испанскому побережью.
Весь край кругом сияет и алеет.
Вести о том к Марсилию приспели.

Аой.

СХС

Поганый люд не хочет сбавить ходу,
2640 Море сменил он на пресную воду.
Прошли Марбризу и проходят Марброзу.
По Себре вверх струги идут походом.
Там фонарей, карбункулов без счета.
Сияет свет и от мачт и от носа.
2645 Утром суда пришли под Сарагосу.

Аой.

СХСИ

Сияет день, и солнце светит жарко.
Сошел эмир на побережье с шаланды.
Эспанелит при нем шагает справа,
Семнадцать с ним идет царей-арабов,
2650 Там без числа — и герцогов и графов.
Среди полей, в тени, под сенью лавра,
Зеленый луг устлали белым платом,
Ставят престол из кости и из золота,
Сажают там поганца Балиганта,
2655 Вокруг него стоймя дружина стала.
И вот сеньор заговорил сначала:
«Слушайте все, отважные вассалы!
Карл, их король и франкский император,
Куска не съест без моего приказа.

- 2660 Испанский край прошел он силой ратной.
Его сыщу я во Франции сладкой.
Покуда жив, от него не отстану,
Коль не умрет или живьем не сдастся».
С тем он кладет на колено перчатку.

СХСII

- 2665 Эмир сказал, на том уперся крепко,
Хоть дай ему все золото под небом,
В Ахен сейчас пойдет за Карлом следом.
Мавры его поддержали советом.
Тут он зовет двоих своих клеветов:
2670 Их имена — Кларифан с Клариеном.
«Вы — сышовья царя Мальтраиэна.
Часто в послах служил он мне отменно.
Скачите вы в Сарагосу немедля:
Чрез вас хочу Марсилию поведать,
2675 Я дам ему над франками победу.
Коль их найду, так будет бой свирепый.
Перчатку шлю с золотою отделкой,
Ее царю на десницу наденьте;
Сей малый жезл золотой ему вверьте.
2680 Пускай придет за утвержденьем в лене.
К Карлу иду воевать его землю.
Коль предо мной не станет на колени
И не попрет он христианской веры,
С него венец я сорву непременно».
2685 Мавры в ответ: «Вы говорите верно».

СХСIII

Рек Балигант: «Поезжайте, бароны!
Жезл — одному, перчатку дам другому».

- Они в ответ: «Мы, государь, готовы!»
Мчатся послы, домчались в Сарагосу.
2690 Там десять врат и три моста чрез воду.
Едут они вдоль улиц средь народа.
Когда послы явились в верхний город,
Вот у дворца им слышен громкий ропот.
Много там есть языческого сброда.
2695 Плачут, кричат, клянут свою невзгоду.
Бранят богов, Терваганта, Маома,
От коих нет им блага никакого.
«Что делать нам? — твердит один другому. —
Вот дождались мы тяжкого урона.
2700 Марсилиий-царь нас покидает скоро:
Кулак срубил Роланд ему не в пору;
Пал Джорфалей, погиб светлоголовый.
Испанский край весь недругами полон».
Сошли послы на землю у порога.

СХСIV

- 2705 Послы с седла сошли под тень маслины,
Сдали коней двум слугам-сарацинам,
За епанчи друг друга ухватили,
По ступеням в большой дворец вступили.
Вошли под свод в высокую светлицу,
2710 Дурной привет рекли в любви великой:
«Тот Магомет, что всем нам повелитель,
И Тервагант с сеньором Аполином
Да сохранят и царя и царицу».
Но та в ответ: «Я слышу небылицу.
2715 Этим богам мы не хотим молиться.
Плохих чудес они нам натворили:
Наши бойцы в Ронцесвале погибли;
Мой господин богами предан в битве:

Правую кисть он потерял до сгиба;
2720 Ее срубил Роланд, барон кичливый;
Испанский край захватит Карл великий,
Что делать мне, несчастной, сиротливой!
Жаль, нет таких, чтоб меня умертвили».

Аой.

СХСV

Рек Клариеи: «Госпожа, перестаньте.
2725 Мы — бирючи эмира Балиганта.
На помощь к вам пришел он с силой ратной,
Царю он шлет этот жезл и перчатку.
В Себре у нас — три тысячи фрегатов,
Быстрых галер и челноков и барок,
2730 Больших судов несчетная громада.
Силен эмир, велик среди басурманов,
Карла пойдет искать в уделы франков,
Убьет его иль сделает поганым».
Но та в ответ: «Пускай он сбавит шаг.
2735 Поближе к нам найти он может франка;
Семь лет, как Карл воюет наши страны.
Храбрый боец — французский император:
Скорей умрет, чем сдастся в поле бранном.
Цари земли перед ним — мальчуганы.
2740 Такого нет, чтоб испугал он Карла».

СХСVI

Марсилией рек: «К чему твои слова?
Со мною речь ведите, господа.
Видите вы, что смерть моя близка.
Бездетен я: ни дочки, ни сына.
2745 Один был сын, — и тот убит вчера.

Пусть мой сеньор отмстит за нас сполна.
На этот край есть у него права.
Коль хочет он, отдать я царство рад.
Но пусть страну он защитит сперва.
2750 Добрый совет я против Карла дам:
Месяц пройдет, повержен' будет враг.
А вот ключи от сарагосских врат.
Пусть верит мне и не идет назад».
Послы в ответ: «О, государь, ты прав».

Аой.

СХСVII

2755 Марсилий рек: «Тот Карл, их властелин,
Мой люд побил и землю полонил,
Грады мои разграбил-разгромил.
У Себрских вод, отсель верстах в семи,
Он станом стал со своими людьми.
2760 Пускай туда войска ведет эмир,
На месте том сраженье учинит».
Вручил он им от города ключи.
Оба гонца склонились до земли,
Простились с ним, в обратный путь пошли.

СХСVIII

2765 На скакунов вскочили два посла,
Быстро летят, спешат покинуть град.
В страхе вошли, пред эмиром дрожат.
Дают ключи от сарагосских врат.
Рек Балигант: «Что видели вы там?»
2770 А где же царь, которого я звал?»
Рек Кларием: «Он смерти ждет от ран.
Вчера король был у Испанских врат,

- Оставил он почетный арьергард:
2775 Остался там его племян, Роланд,
И перы все, и Оливьер-собрат,
И франкских войск двадесять тысяч лат.
Марсилий-царь сраженье франкам дал.
Но одного Роланд его застал,
2780 Хватил его он Дюрандалью так,
Что отрубил от дёспицы кулак.
И тут же сын его любимый пал,
И все бойцы, кого с собой он взял.
Хотел иль нет, он с поля убежал.
2785 Теснит его погоней кесарь Карл.
А нас он к вам за подмогой прислал.
Испанский край он обещает в дар».
При сих словах эмир в раздумье впал.
Так он скорбит: чуть не сошел с ума.

СХСІХ

- 2790 Рек Клариеп: «Эмир, сеньор мой ленный.
Было вчера в Ронцесвале сраженье.
Не стало там Роланда с Оливьером,
И перов всех, что Карлу так любезны,
Франков легло двадесать тысяч кметей.
2795 Правый кулак Марсилию отсекли.
Король его преследовал доселе.
Витязя нет во всем его уделе,
Что не убит иль не утоплен в Себре.
Станом стоят французы на побережьи.
2800 Так близко к нам они теперь осели:
Коль хочешь ты, легко им путь отрезать».
Глядит эмир надменно и свирепо.
В своей душе он радостен и весел;
На ноги встал, вскочил с богатых кресел.

2805 Так крикнул он: «Бароны, бросьте медлить!
Сойдем с судов, поскачемте все вместе.
Коль старый Карл убежать не сумеет,
Я отомстить за Марсилья намерен:
Он за кулак взамен получит череп».

СС

2810 Сошли с судов язычники-арабы.
На лошадей и мулов сели сразу.
Что делать им? Поскакали исправно.
А Балигант, что правит всей оравой,
Зовет к себе Джемальфина-собрата:
2815 «Ставлю тебя я воеводой главным».
Сам впереди на буром поскакал он.
Четверо с ним есть герцогов поганских.
Вот доскакал до Сарагосы-града.
Он у крыльца сошел с коня на мрамор.
2820 Стремя держать пришли четыре графа.
По ступеням он поднялся к палатам.
Бежит к нему Брамимонда и плачет.
Молвила так: «О, горе мне, неладной!
Лишилась я государя бесславно».
2825 Пала к ногам эмира Балиганта.
Поднял ее, Грустя идут в палату.

Аой.

ССІ

Марсиль-царь, чуть увидел эмира,
Молвил он двум своим испанским гридням:
«Под руки взяв, на постель посадите».
2830 Левой рукой берет он рукавицу.
«Сеньор-эмир — так говорит Марсиль: —

Вручаю вам все земли и столицу,
И область всю, что от нее зависит.
Я сам погиб, войска мои погибли».
2835 А тот в ответ: «Тем хуже и обидней.
Но долго мне говорить не годится:
Ведь Карл меня ожидать побоится.
Все же от вас приму я рукавицу».
Плачет эмир и вышел из светлицы,
2840 По ступеням из палаты спустился,
Сел на коня, летит неудержимо.
И вот уже он—во главе дружины.
За разом раз взывает что есть силы:
«Фрапки бегут! Спешите, сарацины!»

Аой.

ССII

2845 Чуть день взошел и заря заблестала,
Проснулся Карл, французский император.
Всю ночь ему был Гавриил охраной.
Руку подъял, осенил его дланью.
Вот встал король, доспех он отдал бранный.
2850 И войско все оружие снимало.
Сели в седло, во весь опор скакали,
Большим путем, широкими тропами,
Чтоб видеть тех, кто убиты и пали
В большом бою в долине Ронцесваля.

Аой.

ССIII

2855 Наш государь примчался в Ронцесваль,
Мертвых нашел, над ними плакать стал;
Французам рек: «Бароны, сбавьте шаг.
Я впереди теперь поеду сам.
Видеть хочу, где племянник Роланд.

*

- 2860 В Ахене был я в праздник Рождества
Хвастались там бароны-господа
Прытью своей, боями без числа.
Тут я слышал, как говорил Роланд:
Если падет он среди чуждых стран,
2865 Он впереди всех перов ляжет там,
Взор обратит он к вражеским войскам,
И там умрет, как ратоборный граф».
Пред войском всем в расстояньи броска
Попрежь других на холм взобрался Карл.

ССIV

- 2870 Ищет король племянника драгого.
Красных цветов и трав находит вдовдль,
Что залиты баронов наших кровью.
Слез не сдержал и зарыдал он скорбно.
Меж двух дерев взошел он на пригорок,
2875 На трех камнях узнал удар барона.
Видит: лежит Роланд в траве зеленой.
Что дива в том, что Карл поддался скорби!
Сходит с коня бежит стопою скорой.
В объятья взял, прижал к груди барона.
2880 Над телом пал он замертво от горя.

ССV

- Опять в себя приходит властелин.
Тут герцог Найм и с ним граф Анцелин,
Джефрейт д'Анжу и брат его Тьедри
Карла берут и под сосну снесли.
2885 Смотрит он вниз — а там Роланд лежит.
Благостно так он стал о нем тужить:

«О, друг Роланд, господь тебя спаси!
Таких, как ты, нет рыцарей других,
Чтоб в злых боях поборать и рубить:
2890 Чести моей теперь конец грозит».
Без чувств упал: не смог беды снести.

Аой.

ССVI

Карл, наш король, в себя приходит скоро.
Он — на руках у четырех баронов.
Вниз посмотрел: Роланда видит снова:
2895 Крепок на вид, но все лицо бескровно;
Завел под лоб глаза с померкшим взором.
Тужит король и нежно и любовно.
«О, друг Роланд, усни под райским кровом,
Среди цветов и праведных у бога.
2900 В испанский край пришел ты в час недобрый.
Теперь я дня не проведу бескорбно.
О, как падет и мощь моя и гордость!
Чести своей я не найду опоры.
Под небом нет мне друга дорогого.
2905 Хоть есть родня, в ней нет бойца такого.
Волосы рвет: две пригоршни их полны.
Сто тысяч с ним — в печали безысходной.
Такого нет, чтоб не заплакал скорбно.

Аой.

ССVII

«О, друг Роланд, вернись я в землю франков.
2910 Как буду я в своем уделе Ланском,
Из разных царств сберутся иностранцы;
Спросят меня: «Где графы-капитаны?»
А я скажу: «Погублены в Испании».
Горестно впредь я буду царством править:
2915 Дня не пройдет без плача и печали».

ССVIII

- «О, друг Роланд, цвет юности хороброй!
 Как буду вновь я в Ахене, в часовне,
 Люди придут вестей послушать новых.
 Слух принесу многочисудный и грозный:
- 2920 «Умер Роланд, что столько стран освоил».
 Встанут на нас мятежники-саксонцы,
 Болгары все и венгров злые орды,
 Апуля, Рим и с ним Палермо-город
 И Калиферн, и черные народы.
- 2925 Начнутся тут и беды и невзгоды.
 Кто поведет войска мои в походы,
 Коль умер тот, кто ими верховодил?
 О, сладкий край! Ты степью стал бесплодной.
 Так я скорблю, что умер бы охотно».
- 2930 Бороду рвет король белобородый,
 Рвет оберучь со лба седые космы.
 Сто тысяч с ним без чувств лежат от скорби.

ССIX

- «О, друг Роланд, на горе вы погибли!
 Господь в свой рай вашу душу восхитил.
- 2935 Франции — стыд от тех, кем вы убиты.
 Так я скорблю — охотно я не жил бы.
 Вот за меня побиты наши гридни.
 Дай, боже, мне, о, сын святой Марии,
 Прежде, чем я дойду к воротам Цизры,
- 2940 Чтоб с плотью дух сегодня распростился
 И с ними там в раю соединился,
 А тело здесь подле них схоронили».
 Плачет глазами, рвет бороду сердито.
 Рек герцог Найм: «Скорбит наш повелитель».

ССХ

- 2945 «О, государь! — сказал Джефрейт д'Анжу. —
Оставьте вы тяжелую тоску.
Наших искать велите на лугу.
Всех, кто погиб от басурманов тут,
Пусть им сейчас могилу разгребут».
- 2950 И молвил Карл: «Затрубите в трубу».

Аой.

ССХI

- Джефрайт д'Анжу в свой рог трубит исправно.
Франки с коней сошли по слову Карла.
Своих друзей отыскали закланых,
Снесли их всех к большому котловану.
- 2955 Много там есть епископов, аббатов,
Бритых гумен, каноников, монахов.
Сняли грехи и честь воздали праху.
Велят возжечь и фимиам и ладан,
Все их тела обкурить по обряду
- 2960 И схоронить с превеликою славой.
Как дальше быть? Пришлось их тут оставить.

Аой.

ССХII

- Роландов труп велит стеречь властитель,
А вместе с ним Оливьера с Турпином.
Затем велел им раскрыть грудину,
2965 Вынуть сердца и завернуть в холстину.
Мраморных три принесли домовины,
Сложили в них останки паладинов,
Но прежде их в олений мех зашили,
Крепко вином и зельем умастили.

2970 Король велит Тедбальту с Джебоином,
Графу Милону и Отону-маркизу
На трех возках везти их сквозь теснину.
Прикрыли всех галатскою ширинкой.

Аой.

ССХІІІ

В обратный путь собрался император.
2975 Вдруг видит он дозоры басурманов.
Прямо к нему несутся два посланца,
Зовут его на битву с Балигантом:
«Надменный царь! Ты не уйдешь обратно,
Тебя эмир нагонит с силой ратной:
2980 С собой ведет он полчища арабов.
Увидим мы, как ваши франки храбры».
Бороду мнет французский император.
Вспомнил печаль и урон, и утрату.
Грозно взглянул на весь народ свой латный.
2985 Затем вскричал громогласно и внятно:
«Бароны все! На коней и к булату!»

Аой.

ССХІV

Великий Карл готовится к отпору.
Допреж всего броню надел проворно,
Шлем повязал, припоясал Джойозу
2990 (С солнцем она не побоятся спора),
Привесил он на шею щит биторнский,
Держит копьё и потрясает гордо.
Затем вскочил на коня Тенцендора,
Что добыл он у брода под Марсоной,
2995 Где им убит Мальпалин из Нарбоны.

Пустил узду и часто колет шпорой:
Выехал Карл перед стотысячным сбором.
«Со мной, — кричит, — господь и Петр-апостол!»

ССХV

С долины всей к нему сбежались франки.
3000 Их тысяч сто оделись сбруей бранной.
Доспех сидит на всей дружине складно.
Кони легки и оружие исправно,
Скачут они и умело и статно.
Сумеет всяк вернуть удар обратно.
3005 На шишаках еловцы веют славно.
Видит король их гордую осанку
И говорит он графу Джозерану,
Герцогу Найму и Ангельму из Майнца:
«Такая рать нас в поле не обманет,
3010 Глуп, кто при них боится басурмана.
Коль вспять сейчас не повернут арабы,
Я им с лихвой отплачу за Роланда».
А Найм в ответ: «Дай бог побить поганых».

Аой.

ССХVI

Карл говорит: «Рабель и Гуинеман!
3015 Такой приказ вам, государи, дан:
Вы здесь теперь — Оливьер и Роланд.
И с тем даю вам меч и Олифант.
Полк головной я поручаю вам,
Франкских бойцов пятнадцать тысяч дам,
3020 наших юнцов из тех, кто смел и храбр.
Столько ж пойдут за вами по пятам.
Их поведут Джебоин и Лодран».

Тут герцог Найм и с ним граф Джозеран
Строят ряды, наказ дают полкам.

3025 Коль вспыхнет бой,— так будет он не мал.
Аой.

ССХVII

Французы все— в тех двух полках передних.
А после них установили третий.

Вассалы — в нем из баварских пределов.

Считайте их двадесять тысяч смело.

3030 Вовек они в сраженьях не робели.

Народа нет, что б Карлу был милее,

Опричь французов, покоряющих земли.

Их вождь — Оджьер, Датчанин, витязь смелый:

Отважный люд он повести сумеет.

Аой.

ССХVIII

3035 Вот три полка построил кесарь Карл,
И герцог Найм четвертый полк набрал.

Послал туда баронов-алеман:

То — храбрецы из пограничных стран.

Все говорят: их двадцать тысяч там.

3040 Хорош у всех и скакун и юшман,

Им слаще смерть, чем поле сдать врагам.

Герцог — их вождь, из Трации Эрман;

Скорей умрет — не струсит никогда.

Аой.

ССХIX

Тут герцог Найм заодно с Джозераном

3045 Весь пятый полк набрали из нормандцев.

Франки твердят, что там их тысяч двадцать.
Все на конях лихих и в добрых латах,
Им слаще смерть; чем сдаться супостатам.
Сильней их нет народа в поле ратном.
3050 Их поведет на бой Ричарт седатый,
Будет разить копьём своим булатным.

Аой.

ССХХ

Шестой отряд построен из бретонцев.
Их набралось за тридцать тысяч конных.
Скачут они, как надлежит баронам.
3055 Пестры древка со значком укрепленным.
Сеньора их называют Одоном.
Кличет к себе он графа Невелона,
Тедбальта с ним и маркиза Отона:
«Вот вам мой полк. Ведите без препоны».

Аой.

ССХХI

3060 У короля есть шесть отрядов первых.
Вот полк седьмой ему построил герцог.
Берет бойцов Пуату и Оверни,
Будет их там за сорок тысяч верно.
Кони — добры, оружие — отменно.
3065 Дол под холмом покрыл их строй военный.
Десницей Карл им дал благословенье
И поручил Джозерану с Годсельмом.

Аой.

ССХХII

Восьмой отряд построил Найм маститый.
Фламандцы в нем и бароны из Фризии.

3070 В конном строю их сорок тысяч с лишним.
Вовек они не отступали в битве.
«Служба, — рек Карл, — не пропадет за ними».
Барон Рембальт и Амон из Галисии
Их поведут, как рыцарям прилично.

Аой.

ССХХIII

3075 Граф Джозеран и герцог Найм для боя
Девятый полк из самых храбрых строят,
Из лотарингцев и из бургонских воев;
Тысяч сочли их пятьдесят и боле,
Все в куюках, с подвязанным шоломом.
3080 Крепок конец на их древках коротких.
Коль арабит не будет медлить доле,
Будут разить, едва сшибутся в поле.
Их вождь — Тьедри: то герцог над Аргоной.

Аой.

ССХХIV

Десятый полк — весь из баронов франкских,
3085 Сто тысяч их, из знатных капитанов.
Все — удальцы с отважною повадкой,
С белой главой и с бородой седатой.
На них брони и двойные юшманы;
У всех есть меч французский иль испанский.
3090 На их щитах многочисудные знаки.
Сели в седло и клич издали ратный.
Кричат: «Монджой!» Ведет их император.
Джефрейт д'Анжу им носит орифламму,
То стяг Петра, что встарь звался «Романа».
3095 Теперь «Монджой» дано ему название.

Аой.

ССХХV

- Наш император сошел со скакуна,
Лег навзничь там, где травка зелена.
Лик обратил к востоку государь,
От всей души он стал молить творца:
3100 «Истинный бог, будь обороной нам,
Ты, наш отец, что в оны времена
Иону спас из чрева у кита.
Ты сохранил Ниневию от зла.
Ты свободил Даниила из рва,
3105 Когда он был на муку отдан львам;
Отроков трех в огне оберегал.
Твоя любовь да снидет ныне к нам.
О если б ты мне милость ниспослал,
Чтоб был отмщен племянник мой Роланд!»
3110 Кончив мольбу, с земли поднялся Карл
И сотворил господней мощи знак.
Затем король воссел на скакуна.
Найм и Джозран держали стремена.
Взял в руки щит и острый протазан.
3115 Он сановит и крепок и удал.
Светел лицом и прямо держит стан,
Крепко сидит, не свихнется с седла.
Трубы трубят в тылу и у чела.
Но громче всех рокочет Олифант.
3120 Тут плачут все: скорбят, что пал Роланд.

ССХХVI

Любо смотреть, как скачет император,
Свою брану он распростер по латам.
Любя его, все поступили так же:
Теперь легко узнать сто тысяч франков.

- 3125 Минуют кряж и высокие скалы,
Глубокий дол и грозные провалы,
Вышли из врат на пустынные скаты,
Несутся вскачь до рубежей испанских.
Вот на холме расположились станом.
- 3130 Вернулись вспять дозоры Балиганта.
Слышит он весть от сирина-посланца:
«Узрели мы горделивого Карла;
Горд его люд и служит без обмана.
Сряжайтесь в бой! Готовьтесь к встрече бранной!»
- 3135 Рек Балигант: «Вот слышу голос храбрый.
Трубите сбор: пусть внемлют басурманы».

ССХХVII

- Громко гремят барабаны по войску,
Звенят рожки, и трубы кличут звонко.
Спешились все и надевают брони.
- 3140 И сам эмир не хочет медлить боле.
Надел куяк с вороненой каймою,
Шлем повязал с насечкой золотою,
На левый бок — оружие боевое.
Имя мечу из чванства он присвоил:
- 3145 Слышал эмир про Карлову Джойозу;
И вот свой меч он назвал Прециозой.
Таков и клич его на ратном поле:
Он так велел кричать неверным воям.
На шею щит повесил он широкий
- 3150 (С золотым шипом, хрусталем оторочен;
Ремень расшит шелковым узорочьем);
В руках копьё (оно зовется «Злоба»)
С толстым древком на подобье ослота;
Лошак с трудом сvezет конец тяжелый.
- 3155 Вскочил эмир на скакуна проворно.

Стремя держал ему Маркиоль заморский.
Он далеко в седле расставил ноги,
В боках широк и в поясе он строен;
Грудь высока, и крепко весь сколочен,
3160 Могуч в плечах и ликом светел очень,
С гордым челом, с курчавой головою,
Как вешний цвет, сияет сединою.
Известен он отвагой боевою.
Будь он крещен, о, боже, что за воин!
3165 Шпорит коня, до ясной крови колет.
Перемахнул через яругу в поле;
А футов в ней за пятьдесят и боле.
Мавры кричат: «Такой врагов прогонит!
Француза нет, который с ним поспорит,—
3170 Хочет иль нет, эмир его поборет.
Безумен Карл, что не бежал от боя».

Аой.

ССХХVIII

Тот Балигант был витязь без пятна,
Как вешний цвет,— седая борода.
Был он премудр: знал свой закон сполна,
3175 И храбр и горд, чуть закипит война.
А сын Мальприм был рыцарь хоть куда;
Пошел в свой род: и крепок, и удал.
Молвит отцу: «Поскачем, государь!
Хочу я знать, придет ли Карл туда».
3180 Рек Балигант: «Он храбрым был всегда.
В джестах звучит не раз ему хвала.
Но вот Роланд, его племянник, пал.
Не устоит пред нашей силой Карл».

Аой.

ССХХІХ

- Рек Балигант: «Мой милый сын Мальприм!
3185 Добрый вассал, Роланд, вчера убит,
С ним Оливьер, что храбр и знаменит,
И перы все, которых Карл любил,
И франкский полк в двадцать тысяч погиб.
Перчатки я не дам за всех других.
- 3190 Теперь назад пришел их властелин,—
Так мне бирюч сириец возвестил.
На десять тем он рать свою разбил.
Смел тот боец, что в Олифант трубит.
Вторит ему на трубе побратим.
- 3195 Скажут вдвоем перед ратью они.
Вверил король пятнадцать тысяч им
Отроков тех, что Карл зовет детьми.
Такой же полк за первым позади.
Будут они безжалостно рубить».
- 3200 «Первый удар — за мною», — рек Мальприм.
Аой.

ССХХХ

- «Мой сын, Мальприм! — рек Балигант-властитель.—
Пусть будет так, раз вы о том просили:
С франками вы померяетесь силой.
С вами пойдет Торлей, король Персиды,
3205 И Дапаморт (то лютичей властитель).
Когда вы спесь французов посрамите,
Дам я вам часть своих земель великих,
Весь Чериадт и вплоть до Валь-Маркиза».
Мальприм в ответ: «О, государь, спасибо!»
- 3210 Вышел вперед и принял дар эмира
(А то была земля царя Флорита).
Но не пришлось ему тот лен увидеть:
Не был он там ни облачен, ни принят.

ССХХХІ

- Вот Балигант проезжает вдоль войска,
3215 С ним сын Мальприм исполинского роста.
Король Торлей совместно с Дапамортом
Тридцать полков построили проворно.
Число бойцов и дивно и огромно:
В меньшем полку полсотни тысяч ровно.
3220 Вот первый полк — бойцы из Бутентрота.
Милцны — в другом, народ толстоголовый:
По всей спине, по хребту становому,
Всякий из них щетинист, словно боров.
Весь третий полк — из нюблов и из блосов,
3225 Четвертый полк — из брюнов и славонцев,
А пятый полк — из сербов и из сорбов,
В шестой армян берут и мавров черных.
В седьмой вошли бойцы из Ерихона,
Негры — в восьмой, в девятой — племя grosов.
3230 Десятый полк был из Балиды грозной.
Спокон веков там жил народ недобрый.
Тут поклялся эмир своим Маомом,
Клялся, как мог, его телом и мощью:
«Франкский король лишился, видно, мозга.
3235 Коль не сбежит, так бой начнется грозный:
На голове не сносит он короны».

ССХХХІІ

- Десять полков еще набрать сумели.
Весь первый полк — из гнусных хананеев;
Пришли они из Вальфойтских весей.
3240 Турки — в другом, и персияне — в третьем.
Четвертый полк — из диких печенегов.
В пятом — Сольтрас и аварское племя.

- Угличей тьма — в шестом и ормалеев.
В седьмом полку — Самуилово племя.
3245 Прусы — в восьмом, а в девятом — словенцы.
Десятый полк — из Окцианских дебрей.
Это — народ, что в господа не верит,
О худших псах не слыхано вовеки:
Кожа у них прочнее, чем железо;
3250 Не нужно им ни панцырей, ни шлемов;
В бою они и подлы и свирепы.

Аой.

ССХХХІІІ

- Десять полков еще у Балиганта:
В первом полку — из Мальпрозы гиганты.
Гушны — в другом, а в третьем — все мадьяры.
3255 Четвертый полк — из той Бальдизы дальней.
В пятом — войска вальпенозцев поганых,
В шестом — бойцы Марозы и Иманцы,
Лен — в седьмом с астримонскою ратью,
В восьмом — Аргойль, и Кларбона — в девятом.
3260 В десятом — люд вальфондский бородатый;
Бог не любил вовек таких поганцев.
Тридцать полков сочли «Деянья Франков».
Трубы трубят перед войском громадным.
Как удалцы несутся басурманы.

Аой.

ССХХХІV

- 3265 Тот Балигант был могучим сеньором.
Он пред собой велит нести дракона;
А это знак. Терваганта с Маомом,
При них — кумир был Аполина-вора,
Вокруг отряд из хананеев конпых.

- 3270 Они кричат и восклицают громко:
«Кто от богов добиться хочет прока,
Пусть молит их и склонится глубоко».
Склоняют все главу и подбородок,
Всякий поник сияющим шоломом.
- 3275 Франки рекли: «Конец вам, живоглоты!
Нынче вас ждет несладкая работа.
О, боже наш! Будь кесарю оплотом.
Имя его — нам нынче клич походный».

Аоӡ.

ССХХХV

- Был Балигант мудрей всех воевод,
3280 Сына к себе и двух царей зовет:
«О, господа, поезжайте вперед.
Вы все полки поведете в поход.
Себе беру три лучшие из орд,
- 3285 Из турецких тем и ормалейских рот.
Со мной же рать окцианцев пойдет.
Карла побьем и французский народ.
А если Карл со мною бой начнет,
Он головы на плечах не снесет.
- 3290 Пусть знает он: короток с ним расчет».

Аоӡ.

ССХХХVI

- Грозны войска и все полки чудесны.
Нет промеж них ни гор, ни рвов, ни леса,
Ни рек, ни роц — укрыться мочи нету:
Все на виду средь равнины безмерной.
- 3295 Рек Балигант: «О, мой народ неверный!
Скачите все! вперед на бой победный!»
Знамя несет Амборес Олофернский.
Мавры кричат «Прецьозу!» — клич военный.

*

- Франки в ответ: «Вас ждет урон примерный».
3300 Громко кричат «Монджой!» попеременно.
Трубы трубят по Карлову велению,
А Олифант — всех громче и победней.
Молвят враги: «У Карла люд отменный:
Бой нам грозит и долгий и свирепый».

Аой.

ССХХХVII

- 3305 Обширен дол, равнина необъятна,
Шлемы блестят камнями и золотом,
Святят щиты и черные латы,
Маячит дрот и укрепленный прапор.
Трубы трубят так звонко в поле ратном,
3310 Но громче всех раскаты Олифанта.
Вот Балигант призвал родного брата
(То Канабей, что Флоредеей правит.
Освоил он до Валь-Севреды страны),
Кажет ему эмир дружину Карла:
3315 «Видите спесь этой Франции славной?
Кичливо вскачь несется император.
Он — позади с дружиной бородатой.
Бороды все распустили по латам.
Как снег на льду, их волосы седаты.
3320 Спешат разить копьем, мечом булатным.
Битва нас ждет, длинна и беспощадна;
В мире никто еще не видел равной».
Дальше броска обструганною палкой
Выехал он пред дружиною ратной,
3325 Молвил и рек: «За мной, народ поганый!
Я проложу дорогу басурманам».
И тут потряс он древком протазана.
Его конец направил против Карла.

Аой.

ССХХХVIII

- Великий Карл Балиганта узнал:
3330 Пред ним — дракон, его знамя и знак.
И рать его арабская сильна:
Долину всю покрывает сполна,
Опричь тех мест, где франкские войска.
Крикнул король, и речь его громка:
3335 «Всякий из вас — надежный мой вассал,
Всякий не раз в сраженьи побывал.
Пред вами — враг: он подл и трусоват.
За веру их полушки я не дам.
Коль много их, какое дело нам?»
3340 Все, кто со мной, ударьте по врагам!»
Тут шпорой он разъярил скакуна,
И Тенцендор дал четыре прыжка.
Франки рекли: «Вот витязь хоть куда.
Мы все — за вас! Скачите, государь!»

ССХХХIX

- 3345 Сияет день, и солнце ярко светит.
Красны полки, дружинам счета нету.
Сшиблись уже ряды полков передних.
И тут Рабель и Гуинеман не медлят,
Пустив узду, коней торопят резвых,
3350 Шпорят во всю, за ними франки — следом.
Спешат разить своим копьём железным.

Аой.

ССХL

Был граф Рабель отважный паладин.
Шпорой златой он коня рассердил.

Торлея бьет, что в Персиде царит.
3355 Не помогли ни колонтарь, ни щит.
Насквозь копьем золоченым пронзил.
Мертвым его на малый куст свалил.
Франки кричат: «Господь нас защити!
Прав наш король: должны мы с ним итти».

Аой.

ССХLI

3360 Граф Гуинеман на лютича напал,
Тарч расписной, цветистый изломал,
И на куски разбил ему юшман.
В тело вонзил и острие и флаг
И не спросил, кто рад и кто не рад.
3365 Франки кричат, увидев сей удар:
«Бароны, в бой! Чтоб никто не отстал!
Прав наш король супротив басурман.
Праведный суд нам богом нынче дан».

Аой.

ССХLII

Летит Мальприм, весь бел его скалун.
3370 Сред франкских войск он врезался в толшу.
За разом раз разит и там и тут,
И без числа он валит труп на труп.
Вскричал эмир к народу своему:
«Я вас, бойцы, вскормил в своем дому.
3375 Рвется мой сын к королю самому,
Вызвал на бой баронов ихних тьму.
Лучшего век вассала не найду.
Острым копьем помогите ему».
При сих словах вперед они бегут
3380 Рубят с плеча и колют и секут.

Бой закипел и чудесен и лют,
Сильней, чем все и днесь и встарину.

Аой.

ССХLIII

Горды войска, и рати велики
Вступили в бой и спшиблись все полки.
3385 Дивно разят поганые враги.
Сколько — мой бог! — там изломали пик,
Крепких щитов и юшманов глухих.
Видали б вы, как луг блестит от них!
Зелен ковыль. (так нежны стебельки);
3390 Теперь он ал от кровавой струи.
Вот Балигант скликает к битве гридь:
«Бароны, в бой! Крещеных будем бить!»
А бой тяжел, упорен и сердит.
Сильней, чем все и встарь, и в наши дни.
3395 Лишь в смертный час закончат бой они.

Аой.

ССХLIV

Вот Балигант кричит своим народам:
«Бейте, друзья, на то и есть походы!
Дам я вам жен и статных и дородных,
Еще вам дам паграды и феоды».
3400 Мавры в ответ: «Мы рубимся с охотой».
Разят во всю и сулицей и дротом.
Сто тысяч их мечами рубят дробно.
Битва кипит с мученьем и со злобой.
Тот видел бой, кто в этой сече побыл.

Аой.

ССXLV

- 3405 Наш государь сзывает франкских кметей:
«Я вас люблю, бароны, я вам верю.
В стольких боях вы за меня радели.
Столько вы царств и царей одолели.
Я помню все и вам служить намерен
3410 Телом своим, землею и именем.
Но вас прошу воздать за братьев мщенье
И за сынов, что пали здесь наемни.
Знаете вы, что право наше дело».
Франки в ответ: «Владыка, это верно».
3415 При Карле там двадесять тысяч смелых,
Все, как один, ему клянутся верой
Не отступать пред невзгодой и смертью.
Такого нет, что б сулицей не метил.
Все принялись мечом разить не медля.
3420 Чудесен бой, число смертей несметно.

Аой.

ССXLVI

- Скачет Мальприм среди долины ровной.
Франкам нанес немало он урона.
Но Найм его измерил взглядом гордо.
Спешит разить, как витязь ратоборный.
3425 Пронзил весь щит, прокладку пропорол он.
В броне расшил вороненые полы.
Всадил ему он в тело прапор желтый.
Мертвым свалил средь семисот баронов.

ССXLVII

- Царь Канабей был Балиганту брат.
3430 Коня ярит он шпорой много крат,
Поднял с крестом из хрусталя булат,
Гьет Найма в шлем, что пышен и богат.

Часть шишака он сбоку разломал,
Все пять ремней стальным клинком порвал;
3435 Он двух грошей за мисюрьку не дал,
Рассек ее до мяса пополам;
Один кусок упал к его ногам.
Силен удар, и Найм не сдобровал:
Когда б не бог, свалился бы с седла.
3440 Но обнял он за шею скакуна.
Если б напал еще раз басурман,
Погиб бы тут благородный вассал.
Но франкский Карл на помощь прискакал.

Лой.

ССXLVIII

Вот герцог Найм — в неминуемой беде:
3445 Второй удар готов нанести злодей.
Рек Карл: «О, гнус! Ты бьешь на зло себе».
Разит его по доблести своей.
Сквозь щит вогнал до сердца острие,
Расшил ему нагрудник на броне,
3450 На землю сшиб: нет никого в седле.

ССXLIX

Великий Карл был огорчен безмерно,
Когда узрел, что ранен старый герцог.
Кровь по траве бежит струею светлой.
К Найму король обратился с советом:
3455 «О, сударь Найм, за мной скачите следом.
Погиб злодей, что утеснял вас крепко.
Копье разок ему всадил я в тело».
«Я верю вам, сеньор, — ответил герцог: —
Коль буду жив, отслужу вам примерно».

3460 Оба разят и с любовью и с верой,
За ними вслед — двадесять тысяч кметей:
Такого пет, что б не бил и не резал.

Аой.

ССL

Скачет эмир на этом поле бранном.
Спешит разить он графа Гуинемана.
3465 У сердца щит пробил он протазаном,
Сразу расшил он полы у юшмана.
И разделил ему ребра у стана.
Мертвым с коңя свалил он Гуинемана.
Затем убил Джебоина с Лодраном.
3470 Им же сражен Ричарт, сеньор нормандцев,
Мавры кричат: «Прецьоза бьется славно!
Бароны в бой! Мы — под ее охраной!»

Аой.

ССLІ

Взглянули б вы на арабское войско,
На басков тех, окцианцев, аргойльцев,
3475 Как все копьем поражают и колют!
А франки им не уступают поля.
Тех и других погибает все боле.
Длится резня до вечера и доле,
Велик урон среди баронов вольных.
3480 Кончится бой — не мало будет горя.

Аой.

ССLІІ

Разят во всю и франк и арабит.
Скрипит древко, конец стальной отбит.
Кто увидал, как там ломают щит,
Кто услышал, как там броня трещит,

- 3485 Как добрый меч по шеломам звенит,
 Как всадник там со скакуна летит,
 Как взвоят он и падает убит, —
 Тот навсегда запомнит скорбный вид.
 Сеча грозна, и бой невыносим.
- 3490 Тут возопил к Аполину эмир
 И к Терваганту с Магометом самим:
 «Боги мои! Я долго вам кадил,
 Кумиры вам из золота воздвиг:
 Должны меня от Карла вы спасти».
- 3495 Как вдруг — пред ним наперсник Джемальфин.
 Дурную весть принес и объявил:
 «О, государь! Вас днесь удар постиг:
 Ваш сын Мальприм потерял и погиб,
 И Канабей, ваш брат родной, убит.
- 3500 Франкам двоим удалось их сразить.
 Сдается мне: сам Карл — один из них.
 Телом велик — настоящий маркиз.
 Апрельский цвет темней его седин».
- Тут свой шелом наклоняет эмир;
- 3505 В землю, грустя, потупил он свой лик.
 Так он скорбит, что не хотел бы жить.
 Джонглей он заморского спросил.

ССLIII

- Он рек: «Джонглей, подойдите сюда.
 Честен ваш нрав и мудрость велика
- 3510 И ваш совет уважал я всегда.
 Скажите ж мне: кто прав, араб иль франк?
 Будет ли днесь победа в поле нам?»
 А тот в ответ: «Ты умер, Балигант.
 Не защитит тебя твоим богам.
- 3515 Отважен Карл, и люд его удал;

Таких рубак я в жизни не видал.
Но кликни клич: пусть разит Окциант,
Турок и энфр, арабит и гигант.
Что быть должно, не надо отлагать».

CCLIV

- 3520 Эмир браду распустил на юшмане.
Она бела, как боярышник в мае;
Так иль не так, он прятать не желает.
Звонкий рожок к устам он подымает.
Звучно трубит, и внемлют басурмане.
- 3525 По полю мчит, полки свои собирает:
Весь Окциант, что ржет и подвывает,
И весь Аргойль, что по-собачьи лает,
К франкам летят (их дурости нет края),
В гуще толпы разят и рассекают.
- 3530 В первый налет семь тысяч убивают.

CCLV

- Сеньор Оджьер он трусом не был сроду,
Лучший вассал из всех, что панцырь носят.
Чуть видит он, что строй французов прорван,
Зовет Тьедри он, герцога Аргоны,
- 3535 И Джозерана и Джефрейга-барона.
Сам королю он слово молвит гордо:
«Видите вы, как ваших рубит враг.
Не дай вам бог вовек носить короны,
Коль вы, разя, не смаете позора».
- 3540 Такого нет, чтоб против молвил слово.
Несутся вскачь, коней торопят шпорой.
Спешат разить, где попадетя враг.

CCLVI

На славу бьет великий император,
 И герцог Найм, и тот Оджьер Датчанин,
 3545 И сир Джефрейт, что носит орифламму.
 Уж очень храбр сеньор Оджьер Датчанин:
 Шпоры дает и вскачь коня погнал он
 К тому, кто нес дракона пред полками.
 К ногам свалил он Амбореса наземь,
 3550 А вместе с ним и дракона и знамя.
 Видит эмир, что знамя наземь пало,
 Что и значка Магомова не стало.
 Начал он тут подумывать немало,
 Что он неправ, а дело Карла право.
 3555 И унялись поганые арабы.
 Франков своих скликает император:
 «Готовы ль вы помочь мне бога ради?»
 А те в ответ: «И спрашивать не надо.
 Тот трус насквозь, кто жалеет удары».

Аой.

CCLVII

3560 Вот день прошел, вечерний час настал.
 Рубят мечом и язычник и франк.
 Герои — те, кто вместе свел войска.
 Но помнят клич свой бранный два врага:
 Громко кричит «Прецьоза!» Балигант,
 3565 А Карл — «Монджой!» свой знаменитый знак.
 И царь царя по голосу узнал.
 В поле они сошлись на скакунах.
 Спешат разить, и крепок их удар.
 Колют копьем в разукрашенный тарч;
 3570 Трещат щиты у толстого шипа.
 Полы жольчуг расшиты пополам,

Но до сих пор невредимы тела.
У седел их подпруга вбок сползла.
Пали цари на землю из седла.
3575 На ноги вмиг вскочили два врага;
Каждый извлек из ножен свой булат,
Но битва тем едва лишь начата.
Не быть концу без трупа никогда.

Аой.

CCLVIII

Как храбр король сладкой Франции нашей!
3580 Эмиру ж он не грозен и не страшен.
Голым мечом поединщики машут,
Крепко разят и рассекают тарчи,
Обруч двойной и кожу напридачу.
Гвозди, шипы во все стороны скачут.
3585 Быют без щитов по броням наудачу.
Искры летят от тех шоломов взрачных.
Вовек конца не будет рукопашной:
Один придет с повинной — не иначе.

Аой.

CCLIX

Рек Балигант: «Одумайся скорей;
3590 Прими совет и покайся в вине:
Тобой убит мой сын, сказали мне.
И кривду ты творишь в моей земле.
Будь мне вассал — ее получишь в лен:
Землей отсель до Востока владей».
3595 А Карл в ответ: «Невместно это мне.
Дружбу водить с язычником не след.
Веру прими, что бог хранить велел,
Христов закон — и я твой друг навек,

Но ты служи всевышнему и верь».
3600 Рек Балигант: «Дурную слышу речь».
Вновь бьют мечом, что посят на бедре.

Аой.

ССLX

Зело силен и доблестен эмир.
По голове он короля разит.
3605 Стальной шелом разбил и раздробил,
Частых кудрей клинок его достиг,
Мяса отсек — не унесешь в горсти,
С нагих костей всю кожу он спустил.
Шатнулся Карл, едва-едва стоит.
Но бог его убить не попустил.
3610 Сходит к нему Гавриил с небеси
И рек: «Король, что сотворил еси?»

ССLXI

Чуть слышит Карл святой небесный глас,
Он позабыл боязнь и смертный страх.
Память и мощь к нему вернулись враз.
3615 Франкским мечом по шлему дал удар,
Там, где горят каменья, словно жар.
Череп разбил, дал вылиться мозгам,
До бороды рассек на два куска.
Эмир убит — не воскресить никак.
3620 И Карл вскричал «Монджой!» — победный знак.
При сих словах герцог Найм прискакал.
Ведет коня, вскочил великий Карл.
Мавры бегут: их сам господь прогнал.
Добился франк того, чего желал.

CCLXII

- 3625 Мавры бегут (так хочет вседержитель),
Франки — вослед, и император — с ними.
Молвил король: «Бароны, отомстите,
Духом своим и сердцем ободритесь.
С утра вы все, я видел, слезы лили».
- 3630 Франки в ответ: «Так будет, повелитель».
Тут всякий бьет, насколько хватит силы.
Из агарян немногие спаслися.

CCLXIII

- Ужасен зной, и столб из пыли поднят.
Мавры бегут, а французы их гонят.
- 3635 Погоня мчит до Сарагосы стольной.
Вот поднялась на башню Брамимонда,
С ней не один иерей и каноник.
Не любит бог их ложного закона:
Нету на них ни сана, ни гуменца.
- 3640 Видит она: поганый род разгромлен.
Громко вопит: «Помоги нам, Маома!
Державный царь, разбиты мы с уроном,
Пал Балигант на стыд себе и сором».
Марсилиий внял; к стене отвел он взоры,
- 3645 Слезы он льет, лицо склонил он долу.
Умер в грехах от горя и позора.
Душу свою нечистым бесам отдал.

Аой.

CCLXIV

Нехристи мрут; кто мог, тот ускакал,
Их победил в сраженьи кесарь Карл.

- 3650 Вот он разбил Сараговы врата.
Знает король: защита вся снята.
Город он взял и войско ввел туда.
С силой своей проспал он до утра.
Победой горд седобородый Карл.
- 3655 Башни ему царица отперла:
Десять больших, пятьдесят — мелкота.
Удачлив тот, с кем божия рука.

CCLXV

- Вот день прошел, и ночь спустилась поздно.
Светла луна, и полыхают звезды.
- 3660 Наш император захватил Сарагосу,
Французов шлет до тысячи на обыск:
Где только есть мечеть или синагога,
Железный лом берут и тяжкий молот,
Кумиры бьют и всех идолов ломают,
- 3665 Чтоб истребить их ворожбу и ковы.
Благочестив король и служит богу:
Святить велит своим прелатам воду.
Нехристей всех ведут крестить в часовню.
А если кто захочет прекословить,
- 3670 Будет убит, сожжен или закован.
Их тысяч сто закон прияло новый,
Все крещены, опричь царицы вдовой;
Ее король во Францию уводит,
Хочет ее крестить по доброй воле.

CCLXVI

- 3675 Вот ночь прошла, и ясный день явился.
В городе Карл все башни занял гридью.

Оставил там бойцов неодолимых,
Город хранить в государево имя.

- Призвал король и рать свою и силу
3680 И Брамимонду, полонянку-царицу
(Желает ей он добра, а не лиха).
Двинулись в путь с веселием и с кликом,
Прошли Нербону и с доблестью и с силой.
Подходит Карл к Борделе знаменитой
3685 И на алтарь святого Северина
Рог возложил с казной неоценимой.
Видят его доселе пилигримы.
Вот на судах Жиронду переплыли
И вплоть до Бле Ролянда проводили,
3690 С ним Оливьер, побратим именитый,
И мудрый с ним герой-архиепископ.
Сеньоры спят в белоснежных гробницах,
В церкви хранит их прах Роман-святитель.
Их именам господним поручили.
3695 Скачет король по горам и долинам.
Не отдыхал до Ахена-столицы,
Долго скакал, к своим хоромам прибыл.
Вон Карл сидит в дворце своем великом.
Шлет он послов своих тиунов кликать.
3700 Саксов зовет, баварцев, лотарингцев,
К бургундцам шлет, к алеманам и фризам,
К бретонцам всем, нормандцам, пуатвинцам.
Франков призвал, мудрейших меж другими.
Встал Гуенелон перед судом правдивым.

CCLXVII

- 3705 Наш государь вернулся из Испании
И прибыл в Ахен, лучший город во Франции.
Он во дворец идет в свою палату.

- Приходит дама, раскрасавица-Альда,
И молвит: «Где Роланд, водитель ратный,
3710 Что мне клялся супругой сделать равной?»
В тяжкой тоске и в горе император
Плачет глазами и бороду терзает:
«Друг и сестра, спросила ты о павшем.
Но дам тебе замену побогаче:
3715 То — Лодевис, нет лучшего средь франков,
Мой сын родной, воспримет он державу».
Альда в ответ: «Мне это слово странно.
Не дай мне бог и святой его ангел,
Чтоб я жила после смерти Роланда».
3720 Бледнеет лик, к ногам его упала.
Вот умерла. Помилуй, боже, Альду!
Франки о ней печалются и плачут.

ССЛXVIII

- Альда-краса с душою распростилась.
Мыслит король, что чувств она лишилась,
3725 Плачет о ней государь и крушится.
За руки взял и поднял он девицу.
Она головой к его плечу склонилась.
Тут видит Карл, что смерть ее настигла.
На зов пришли четыре герцогини,
3730 Сvezли ее к черницам в киновою,
Ночь до зари у гроба сторожили,
У алтаря с почетом схоронили.
Большую честь воздал ей повелитель.

Аой.

CCLXIX

Вот государь вернулся в Ахен светлый.

3735 Там Гуенелон, подлец, — в цепях железных.

Вот он стоит пред дворцом королевским.

К столбу его там привязали смерды,

Руки скрутив ему ремнем оленьим.

С размаху бьют дубиной и поленом.

3740 Лучшего он не заслужил удела.

В мученьях ждет, пока начнется дело.

CCLXX

Писано есть в «Деяньях» стародавних,

Что Карл созвал людей из вотчин разных.

И в Ахен-град, в часовню он собрал их

3745 В великий день, в пресветлый божий праздник,

В Сильвестров день (так говорит сказанье).

Тут начались и суд и воздаянье

Измене той, что Гуенелон направил.

Король его пред собою поставил.

Аой.

CCLXXI

3750 Промолвил Карл: «О, господа бароны!

Судите вы по правде и закону.

Взял я с собой к испанцам Гуенелона.
Он мне сгубил двадцать тысяч народа.
Племянник мой не вернулся с похода,
3755 Ни Оливьер учтивый, благородный,
Ни перы все: он их за деньги продал.
Рек Гуенелон: «Таитья было б подло:
Роланд добра и злата мне не додал,
И я желал его смерти и гроба;
3760 Но нету здесь предательства лихого.
«Совет решит» — ответствуют бароны.

CCLXXII

Вот — Гуенелон: пред королем предстал он,
Лицом румян и вид имеет бравый,
Будь честен он, так был бы рыцарь славный;
3765 Судей он зрит и всех пришедших франков.
Тридцать при нем его родичей главных.
Вот вышел он и крикнул громогласно:
«Внемлите мне, бароны, бога ради!
Был я в войсках, что повел император,
3670 Служил ему и любовью и правдой.
Меня Роланд ненавидел издавна,
Послал меня на смерть и на расправу,
Ехать послом к царю Марсилью мавру.
Своим умом от смерти я избавлен.
3775 Я объявил вражду Роланду явно,
Другу его и всем близким и равным.
То слышал Карл при всех баронах знатных.
Я только мстил, не предавал бесславно».
Франки в ответ: «Рассудим мы по праву».

CCLXXIII

3780 Зрит Гуенелон, что делу быть в суде.
Тридцать родных он подозвал к себе.

Один там есть, кому послушны все:
То — каштелян Соранцы, Пинабель.
Силен в речах, в отговорах — умел.
3785 Добрый боец, чтоб защищать свой меч.
Рек Гуенелон: «Вверяюсь вам в беде:
На бой и смерть пойти не дайте мне».
Рек Пинабель: «Бояться вам не след.
Никто вас здесь не присудит к петле.
3790 Не то пускай король сберет совет:
Стальным клинком я посрамлю навет».
К его ногам пал Гуенелон в мольбе.

CCLXXIV

Баварцы есть и саксы в том совете;
Нормандцы тут с пуатвинцами вместе,
3795 Французов тьма, алеманов и немцев.
Мягче других вассалы из Оверни.
Тихо сидят: боятся Пинабеля,
И молвят все: «Оставим это дело.
Бросим судить, попросим Карла смело,
3800 Чтоб не держал на Гуенелона гнева:
Пусть служит впредь по любви и по вере.
Погиб Роланд, не вернется вовеки,
Златом, казной нам не вернуть потери.
Тот будет глуп, кто бой теперь затеет».
3805 Такого нет, что б не пристал к совету,
Опричь Тьедри (он братом был Джефрейту).
Аой.

CCLXXV

Вот к королю возвратились бароны.
Молвят ему: «Пришли мы к вам с поклоном.

Простить должны вы графа Гуенелона,
3810 Пусть служит впредь и верно и любовно.
Сжальтесь над ним: он муж высокородный.
3811a [Умер Роланд, погиб бесповоротно;]
Вовек не зреть нам от него потомков;
За злато все он не вернется снова».
Молвил король: «Вы рассудили подло».

Аой.

CCLXXVI

- 3815 Видит король, что совет изменил,
Потушил взор и головой поник.
Горюет он, себя несчастным мнит,
Как вдруг Тьедри явился перед ним,
Джефрейта брат, что над Анжу царит.
- 3820 Строен и сух и худощав на вид;
Кудри черны, смугловат его лик;
Ростом не мал и не очень велик.
С вежеством он королю говорит:
«Сударь король! Не извольте грустить.
- 3825 Знаете вы: я часто вам служил,
Как повелось от прадедов моих.
Пускай Роланд пред Гуенелоном крив.
Но, вам служба, он этим был храним.
А Гуенелон, как подлец, изменил,
- 3830 Клятву свою попрал и посрамил.
И я сужу: повесить и убить,
Тело его изрезать, искрошить,
Как подлеца, что подлость совершил.
Коль из родни кто смеет возразить,
- 3835 Мечом своим, что при бедре висит,
Этот свой суд я готов подтвердить».
- Франки в ответ: «По правде рек Тьедри».

CCLXXVII

- Видит король пред собой Пинабеля.
Он выше всех, проворней и смелее;
3840 Такого нет, кто его одолеет.
Рек Пинабель: «За вами повеленье.
Прошу сказать, чтоб люди не шумели.
Вот здесь Тьедри изрек свое решенье.
Лжив этот суд, и я готов к сраженью».
3845 И с тем вручил он перчатку оленю.
Рек Карл: «Залог мне нужен в этом деле».
Тридцать родных пошли за Пинабеля.
Тут рек король: «Даю вам дозволение».
Под стражу взял их до конца сраженья.

Аой.

CCLXXVIII

- 3850 Видит Тьедри, что нынче будет схватка.
Карлу вручил он правую перчатку.
Тот взял ее и принял аманатов.
Велел сложить он из скамей ограду.
На тех скамьях уселись супостаты.
3855 Совет решил, что все идет, как надо:
Вызов Оджьер огласил по уставу.
Просят бойцы своих коней и латы.

CCLXXIX

- Едва лишь бой одобрен был советом,
3860 Пошли бойцы, чтоб грехи исповедать.
Вкусив дары и отстояв обедню,
На монастырь внесли большую лепту.
Приходят вновь пред государя вместе,
Шпоры к ногам прицепили немедля.

- Надев юшман надежный, легкий, белый,
3865 Под бородой подвязывают шлемы.
Берут мечи с золотою насечкой.
На шее — щит четырехдольный, крепкий.
В руках — копьё, булат остроконечный.
На скакунов поединщики сели.
3870 Плачут теперь сто тысяч добрых кметей.
Роланда чтя, они Тьедри желают.
Чем кончат бой, лишь господу известно.

ССLXXX

- Обширный луг есть в ахенской округе.
Баронам там сойтись велят тиуны.
3875 Храбры бойцы и смелы и могутны.
Кони у них быстроноги и люты.
Пустив узду, бароны шпорят круто.
На всем скаку спешат разить друг друга.
Дробят щиты, пробивают кольчугу.
3880 У их коней разорвалась подпруга.
Лука скользит, седло сползает с круппа.
Глядя на них, сто тысяч терпят муку.

ССLXXXI

- Никто из них не усидел в седле.
Вскочили вмиг, оправились вполне.
3885 Силен и быстр и легок Пинабель;
К врагу бежит (ведь нет у них коней).
И каждый взял свой золоченый меч.
Разят и бьют, чтоб шеломы рассечь.
Силен удар: трещит булатный шлем.
3890 Франки скорбят, истерзались совсем.
«О, бог! — рек Карл: — Дай правде одолеть!» --

CCLXXXII

Рек Пинабель: «Поддайся мне, Тьедри.
 Как твой вассал по вере и любви,
 Отдам тебе все угоды свои,
 3895 Лишь Гуенелона с королем помири».
 «Будь я подлец, — отвечает Тьедри, —
 Коль сдамся я на посулы твои.
 О, боже, суд меж нами сотвори».

Аой.

CCLXXXIII

Сказал Тьедри: «Ты истинный барон,
 3900 Высок, могуч и хорошо сложен.
 Мощью твоей весь род твой восхищен,
 Брось этот бой, поддайся мне во всем,
 А я тебя помирю с королем.
 Такую казнь узнает Гуенелон,
 3905 Что прогремит до скончанья времен».
 Рек Пинабель: «Да не попустит бог!
 За весь свой род я сражаться готов.
 Не отступлюсь от них ни для кого.
 Лучше умру, чем заслужу укор».
 3910 И тут опять они разят клинком
 По шишкам с насечкой золотой,
 К небу от них огонь летит столбом.
 Не может быть, чтоб выдержал шелом.
 Без трупа бой не кончат нипочем».

Аой.

CCLXXXIV

3915 Был удальцом Пинабель из Соранцы,
 Разит врага сквозь шелом провансальский.

Искры летят, ковыль стал загораться.
Стальной клинок он на Тьедри направил,
Вниз по челу его скользнуть заставил,
3920 Рассек шелом и лицо окровавил.
Стекает кровь по всей ланите правой.
До живота кольчугу продырявил,
Но, бог упас, в живых его оставил.

Аой.

ССLXXXV

Видит Тьедри, что ранен он в чело.
3925 На мураву стекает кровь светло.
Тут он разит Пинабеля в шелом,
Рассек его до наносья насквозь;
Из головы ему он вышиб мозг.
У ног его противник мертвым лег.
3930 Ударом тем закончить бой он смог.
Франки кричат: «Явил нам чудо бог.
Да будет днесь повешен Гуенелон
Со всей родней, что отдалась в залог».

Аой.

ССLXXXVI

Когда за ним остался поединок,
3935 Пошел Тьедри пред Карла-властелина,
А вместе с ним четыре паладина:
То был Оджьер и герцог Найм маститый,
Вильяльм де Бле, Джефрейт Анжуйский с ними.
Король Тьедри в свои объятъя принял,
3940 И кровь утер он шубой соболиной,
Сбросил ее и другую накинул.
Бережно тут Тьедри разоружили.

На лошака арабского вскочил он.
Едет домой с весельем и со свитой.
3945 В Ахен пришли и на площадь вступили.
Тут началась расправа над другими.

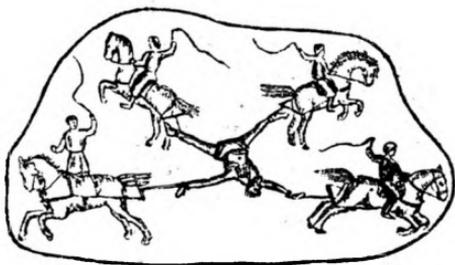
CCLXXXVII

Герцогов, графов король созвал на суд:
«Как с теми быть, кого здесь стерегут?»
Они пошли за Гуенелона в суд,
3950 Они — в залог за Пинабеля тут».
Франки в ответ: «Пусть все они умрут».
И молвит Карл: «Басбрюн, ты мой тиун,
Повесь их всех на проклятом суку.
Своей седой бородою клянусь:
3955 Коль хоть один уйдет, ты будешь труп».
А тот в ответ: «Что ж больше делать тут?»
Сто приставов их силою берут;
Тридцать их есть, кого на смерть ведут.
Злодей с собой других влечет в беду.
Аой.

CCLXXXVIII

3960 Баварцы все, нормандцы вспять вернулись,
Бритты ушли и все прочие судьи.
Больше других постарались французы,
Чтоб Гуенелон погиб в ужасной муке.
Тут четырех коней подводят слуги,
3965 Вяжут его за ноги и за руки.
Те скакуны и дики и бегучи.
Четверо слуг им держат недоуздки.
Прямо к воде, что посредине луга,
Влачат его на погибель и муку.

3970 Жилы ему свирепо растянули,
Вырвали вон ему ноги и руки.
По мураве сбегают крови струи.
Так Гуенелон, как трус бесчестный, умер.
Хвалиться впредь изменою не будет.

CCLXXXIX

- 3975 Когда свершил отмщенье император,
Призвал к себе он французских прелатов,
В придачу к ним баварских, алеманских:
«Вольная есть у меня полонянка,
Много она слыхала увещаний,
- 3980 Алчет принять наш закон христианский.
Крещенья ждет, чтоб упасть от ада».
А те в ответ: «Найти ей крестных надо,
Надежных дам, и почтенных и знатных».
Пред всей толпой у Ахена в купальнях
- 3985 Крестили там королеву Испании
И нарекли ей имя Юлиана:
Стала она по воле христианкой.

ССХС

Закончил Карл этот суд справедливый,
Душу отвел, излил свой гнев великий
3990 И окрестил Брамимонду царицу.
День миновал, на землю ночь спустилась.
Возлег король под сводами в светлице,
Но глас послал господь чрез Гавриила:
«О, Карл, сberi имперские дружины.
3995 Пойдешь войной на дальний край, на Биру.
Поможешь ты царю Вивьену в Инфе,
В городе том, что мавры осадили.
Зовут тебя христиане и кличут».
Наш государь итти не хочет в Биру.
4000 «Боже, — рек Карл, — сколь жизнь моя тосклива».
Слезы он льет, браду седую щиплет...
Джесте конец; Турольдус утомился.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРЕВНЕЙШИЙ РАССКАЗ О РОНСЕВАЛЬСКОЙ БИТВЕ (НАЧ. IX В.)

(Эйнхард, «Жизнеописание Карла Великого»,
гл. IX) ¹

...Продолжая упорную и почти непрерывную войну с саксами (Карл), расположивший гарнизоны в важнейших пограничных пунктах, вступил в Испанию со столь крупными силами, какие мог собрать. Перейдя Пиренейский хребет ² и приняв в подданство все города и

¹ Vita Caroli [Monumenta Germaniae Historica (MGH) Scriptores II, 448].

Самому Эйнхарду в 778 г. было около 8 лет. В это время он еще не жил при дворе, где появился только в 794 г. В его рассказах о событиях, происшедших ранее этого года, встречается ряд неточностей, так что нельзя и этот рассказ принимать за безусловную истину. Писал Э. около 830 г., умер в 840 г.

² Так называемый Лимузинский Астроном (IX в.) в «Жизнеописании Людовика Благочестивого» говорит: «...Хотя этот хребет по высоте достигал неба, весь оцетинился крупными скалами и окутан был мраком лесов, а узость дорог, вернее, тропинок, преграждала проход не только такому войску, но и немногим людям, все же, с помощью Христовой, он (Карл) счастливо совершил свой путь [ср. «П. о Р.» ст. 1830]... Но удачу этого перехода осквернило, если можно так выразиться, непостоянство ненадежной и неверной фортуны. А именно, когда все, что можно было совершить в Испании, было сделано и все счастливо направилось в обратный путь, то приключилась невзгода: в этих горах были убиты некоторые

укрепления, к которым подступил, он с целым и невредимым войском пустился в обратный путь. Однако при возвращении ему пришлось на самом перевале пострадать от васконского вероломства. Ибо, когда он двигался растянутым строем, как того требовали условия местности и [форма] ущелий, — васконцы, расположив засаду на самой вершине горы (места же эти из-за густых лесов, там находящихся, для засад весьма благоприятны), напали сверху, сбрасывая в долину обоз и тех, которые, идучи в арьергарде, охраняли передних. И, завязав с ними сражение, всех до одного перебили, а сами, расхитив обоз, под покровом уже наступившей ночи с превеликою быстротою во все стороны разбежались. Помогали в этом деле васконцам и легкость оружия и расположение той местности, где все сие произошло; напротив того, франков и тяжесть вооружения и неудобство местности делали во всем неравными васконцам. В сражении этом убиты Эггихард, королевский стольник, Ансельм, пфальцграф, и Хрудланд, начальник Бретонской марки. Преступление же это доселе осталось неотмщенным, ибо враг, сделав свое дело, так рассеялся, что и слуха о том не осталось, в каких местах его искать.

из арьергарда. Их же имена, *поскольку они всем известны* (quia vulgata sunt), я не считаю нужным называть» (MGH. Scriptores, II, 608). Вряд ли Астроном имеет в виду только «Жизнеописание» Эйнхарда; очевидно, павших в 778 г. помнили еще в тех кругах, для которых Астроном писал. Место это все же остается неясным: ведь и вся история похода, очевидно, общеизвестна; однакоже он не считает нужным ее опустить. Пишет он, как всякий хронист, для потомства. Почему же он сознательно опускает имена? Под этим несомненно кроются какие-нибудь соображения придворного характера.

II

ДРЕВНЕЙШИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК, ОТНОСЯЩИЙСЯ К РОНСЕВАЛЬСКОЙ БИТВЕ

ЭПИТАФИЯ АГГИАРДА ¹

В этом гробу небольшом покоится бледное тело,
 Дух же давно воспарил ввысь до небесных светил.
 Семя славной семьи от франкской кости и крови —
 Был он недавно еще всем изукрашен и добр.
 Влажный едва окаймлял пушок пурпурные щеки.
 Горе! тебя уже нет, юности сладостный цвет!
 Именем отчим он был именован, звался Аггиардом.
 Высшим он был среди всех при королевском
 дворе.
 Статью несытая смерть к теням его дольным
 низвергла;
 Светом же вечным он днесь в горний предел
 вознесен.
 В год, когда Карла полки испанский песок
 попирали,
 Умер, для мира почив; ныне ж во госпoде жив.
 Днесь италиец скорбит и франк сокрушается
 сердцем,
 И в Аквитанской земле, как и в германской —
 печаль ².
 Ты же, Викентий святой ³, о, великомученик вышний,

¹ Monumenta Germaniae Historica, Poetae aevi Carolini, I, 109.

² Плач всех земель о покойнике — обычная формула каролингских эпитафий и эпитахий.

³ *Викентий* — патрон монастыря Бове (Иль-де-Франс), где, должно быть, был похоронен королевский стольник Эггихард (см. Приложение I). *Бове* — один из центров

Господа бога проси душу приять в небеси.
Вот он в гробнице лежит, погребенный одною лишь
плотью,
Путь светозарный пройдя, в божьих палатах
живет.

Христолюбивый народ! Преступая порог освященный,
Сына господня спеша ты попросить от души:
«Бремя грязнящих грехов, — воскликните все
совокупно, —
Ты с Аггиарда-слуги силой своей совлеки!»

*Он же почил в XVIII день сентябрьских календ в мире и
блаженстве.*

латинской средневековой литературы. О литературных занятиях свидетельствует и данная эпитафия с ее несколько вычурной формой, изукрашенной леонинами и аллитерациями,

III

КРАТЧАЙШИЙ ВАРИАНТ «ПЕСНИ О РОЛАНДЕ»

«DOMINGA ERA DE RAMOS»¹

На вербное воскресенье, только начали служить,
 Как мавры и христиане на поле битвы сошлись.
 Вот уж дрогнули французы, вот спасаются они.
 О, как смело ободрял их этот Ролдан-паладин.
 — «Эй, назад, назад, французы! Ударимте, как один.
 Лучше с честью быть убитым, чем обесчещенным
 жить».

Возвращаются французы, ударили как один,
 В первой схватке уложили сорок тысяч сарацин.
 По нагорью Альтамира убегает царь Марсин.
 Скачет он верхом на зебре, хоть и богат лошадьми.
 Та кровь, что из ран струится, окрасила ковыли;
 Те вопли, что издает он, прямо до неба дошли.

¹ Испанский романс (Menendez y Pelayo: *Romances viejos castellanos*, № 183). Время возникновения этого романса трудно определить, так как он, несомненно, является осколком более крупного произведения (эпической поэмы); поется он, может быть, и по сей час. Не исключена возможность, что предыдущая стадия дробления сохранилась в романсе «Ya comienzan los franceses» (ib. II. p. 245, № 50). Там, в согласии с «П. о Р.», сначала победа склоняется на сторону французов, а затем начинается наш романс с теми различиями, которые указаны в нашем Предисловии § 4б. Кроме того, в старом романсе сохранилась «отрубленная рука Марсилия».

— «Отрицаюсь я, Маома, тебя и всех дел своих:
Из серебра я сделал тело, а из золота твой лик,
Из слоновой кости руки и ноги соорудил,
Храм тебе построил в Мекке, чтоб всякий тебя почтил,
И шестьдесят тысяч конных, тебе я их посвятил,
А жена моя, царица, тысяч больше тридцати ¹.

¹ В распространенной версии (№ 50) романс кончается так:

А жена моя, Абрайма, тысяч больше тридцати.
А дочка, Маталеона, пятнадцать тысяч своих.
И за все это, Маома, теперь я совсем один.
Не уношу я, Маома, и правой своей руки.
Волшебством ее срубил мне этот Ролдан-паладин.
Если б не был заколдован, не мог бы он так рубить.
Но теперь я в Рим поеду, умру, как христианин;
Крестным батюшкой мне будет этот Ролдан-паладин;
Окрестит меня в купели архиепископ Турпин.
... Но прости меня, Маома: от горя я говорил.
О себе я думать должен: ни к чему мне ехать в Рим.

IV
ПОЗДНЕЙШЕЕ СКАЗАНИЕ О РОНСЕВАЛЬСКОЙ
БИТВЕ

БАШНЯ ГАНДЕЛОНА

(Записано Анри Корнуа и опубликовано в «Romania»,
XI, 410 — 413)

Легенда касается башни с продольной трещиной посредине, до 1848 г. стоявшей в Эйи (Heilly), около г. Корби (деп. Соммы). Башня эта называлась la Tour Fendue (Трещувшая башня). О ней сохранилась легенда, три варианта коей здесь приводятся.

В а р и а н т I

Было однажды великое веселье и великое пирование в замке Эйи. Ганделон собрал всех дружественных ему сеньоров, и вино рекою лилось в стаканы веселых собутыльников. А между тем и восьми дней не прошло с тех пор, как изменник Ганделон покинул Роланда в горах, предал его и продал неприятелям. Роланд погиб, а Ганделон ликовал, как-мол ловко избавился он от своего недруга. Вдруг дверь палаты отворилась, и вошел Карл Великий со своим воинством. Повскакали сеньоры с мест и криками приветствовали великого короля. Один Ганделон не встал, потому что ноги под ним подкосились. Он побелел от страха, когда Карл подошел к нему и положил руку на его изменническое плечо.

— Где Роланд?

— Роланд?.. Он, думается мне, погиб в последнем сражении.

— Где Роланд, я спрашиваю?

— Ничего я о нем не знаю.

— В третий раз спрашиваю тебя, Ганделон: что ты сделал с Роландом?

— В третий раз, государь, отвечаю вам, что я не знаю, что с ним случилось, если он не погиб в недавней битве, как мне о том доносили.

— Поклянись мне, Ганделон, что ты неповинен в его смерти, ибо Роланд погиб в последней битве: тебя не обманули.

— Пусть большая башня моего замка треснет посредине, если я виновен в смерти Роланда, — поклялся негодный барон (он рассчитывал на прочность огромной башни и думал, что может клясться безнаказанно).

Но не успел он произнести эти слова, как раздался ужасающий треск, и главная башня замка Эйи вскрылась посредине сверху донизу, точно рассеченная испанским мечом.

Ганделон упал к ногам короля, прося пощады, но Карл Великий, не слушая его, приказал своей страже изменника схватить, а через несколько дней и повесить.

С того времени главная башня осталась в таком виде, и поселяне рассказывали эту легенду, проходя ночью мимо башни в Эйи.

Башня исчезла, легенда живет.

Рассказано в 1879 г. Аполинером Берно из Бокура и Фердинандом Фруадюром из Вальруа-Байона в деп. Соммы.

В а р и а н т II

Карл Великий однажды собрал своих перов в замке Эйи у Ганделона, чтобы обсудить отправку посольства к испанскому королю. Ганделон вызвался ехать в Испанию. Согласно обычаю, Карл не хотел отпустить его без присяги.

— Клянись мне, Ганделон, что никогда не нарушишь верности.

— Клянусь вам главной башней моего замка. Пусть она рассыдется посредине сверху донизу, если я предам своего короля.

— В таком случае иди и скажи испанскому королю, что я объявляю ему войну. Возвращаясь поскорей, так как нам требуется твоя помощь. Я пошлю Роланда, чтобы побить испанцев.

Вот король кончил свою речь, и Ганделон, распрощившись с ним, уехал в Испанию.

Прибывши туда, он отомстил Роланду, которого издавна ненавидел: продал его испанскому королю. Изменив таким образом своей клятве и предав Роланда, он вернулся к королю в замок Эйи. Тем временем посланный в Испанию Роланд был там убит; но перед смертью он сумел протрубить в рог, чтоб известить короля о своей гибели. Карл в эту пору почивал в одной из палат замка. Звук Роландова рога его пробудил.

— Роланд в опасности. Я слышу призыв его рога! — вскричал французский король.

Не успел он произнести эти слова, как последний замирающий звук рога донесся до его ушей, и он понял, что Роланда не стало.

В это время во двор замка въехал всадник; то был Ганделон, возвращавшийся из посольства в Испанию. Он склонился перед Карлом и сообщил, что сдержал обещание и клятву.

— Так ли, Ганделон? Крепка, видно, твоя башня, если господе еще не рассек ее пополам.

В то же мгновение башня треснула сверху донизу со страшным шумом, и уличенный Ганделон, охваченный страхом, повалился Карлу в ноги.

— А! Так ты изменил, Ганделон? Ладно же! Ты получишь возмездие, достойное твоего преступления.

Тут король приказал своей страже схватить презренного изменника, зашить его в волчью шкуру, прогнать в лес и затравить собаками.

Рассказано в 1876 г. Амедеем Дебаром из Вальруа-Байона.

В а р и а н т III

Ганделон и Бурмон¹ изменили Карлу Великому и предали его армию дикому народу, который живет очень далеко за морями и горами, в Испании.

¹ Генерал граф де-Ген де-Бурмон, изменивший Наполеону в битве при Линьи (1815). Бурмон (впоследствии маршал Франции, военный министр и завоеватель Алжира) умер в опале в 1846 г. Легенда, повидимому, почти сейчас же отнесла его ко времени Карла Великого. Весьма вероятно поэтому, что и Гуенелон (Венило) уже в X в. был пересажен в VIII в. и превратился из епископа в рыцаря.

Оба изменника прогуливались в большом парке замка Эйи, как вдруг к воротам замка прибыл Карл Великий весь в трауре, назвал сторожам свое имя и предстал перед двумя злодеями.

— Ну что? — спросил он их: — Остались ли вы мне верными, Ганделон и Бурмон?

Бурмон от ужаса не посмел ответить, и заговорил Ганделон:

— Государь, мы до конца исполнили долг.

— Так ли это? Знай, Ганделон, я крепко в этом сомневаюсь: что-то подсказывает мне, что вы мне изменили и что вам я обязан гибелью стольких моих солдат от руки испанцев.

Ганделон промолчал, а затем ответил:

— Пусть эта башня моего замка рассыдется пополам сверху донизу, если мы вам солгали.

И оба предателя дряхнули руки по направлению к главной башне и поклонились.

— Амины! — отвечал им Карл.

В то же мгновение господь бог, желая посрамить негодяев и показать им, что ложная клятва не проходит безнаказанно, дозволил, чтобы огромная башня рассылась посередине сверху донизу, как сказали предатели, принося клятву.

Преступники остоленели. По слову Карла стража схватила их.

Немного спустя их повесили¹, а трупы бросили в лесу на съедение волкам и лисицам.

*Рассказано в феврале 1881 г. Огю-
стом Корнуа из Рибмона подле Эйи.*

¹ В другой версии исчез уже и Карл Великий. Он заменен Наполеоном I, а повешение — расстрелом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Карл Великий* — франкский король (с 768 г.) и римский император (с 800 г. по 814 г.). Следовательно, во время испанского похода (778 г.) Карл еще не был императором.

2. *«Семь лет»*. — Реальный поход Карла в Испанию начался и кончился в 778 г. Может быть, ко времени сложения «П. о Р.» эти семь лет уже были заполнены какими-либо сказаниями, кроме повести о гибели Роланда и перов. Уже Т (Псевдо-Турпин — XII в.) заполняет эти семь лет множеством подвигов. Позже (XIII в.) на италийской почве возникли поэмы, подробно описывающие этот период: «Вступление в Испанию» (первые пять лет) и «Взятие Памплоны» (последние два года). Когда цикл еще разросся, то и цифра 27 лет стала казаться вполне правдоподобной (поэма «Гвидон Бургундский», конец XII в.).

3. До моря Карл в 778 г. не дошел; но его сын, Людовик Благочестивый, еще при жизни отца (801 г.) взял Барселону.

6. *Сарагоса* стоит не на горе, а под горой (Монте Торреро). Псевдо-Эйнхардовы «Анналы» (IX в.) называют Сарагосу «важнейшим городом той местности». Карл в 778 г. не дошел до Сарагосы, но оттуда исходила инициатива самого похода, так как сарагосский царек призвал Карла в Испанию (см. прим. к ст. 122).

7. *Марсилий* — см. прим. к ст. 86.

8. *Аполлин* (или Аполлин) — древне-греческий бог Аполлон. Средневековые проповедники старались представить магометан язычниками; сведения же об языческих верованиях черпались из античных (латинских) книг и главным образом из отцов церкви, имевших дело с античным язычеством. Поэтому не только культ Аполлона

приписывается маврам, но и Магомет становится языческим богом (см. прим. к ст. 853).

9. В конце 158 тирад стоит «Aoi», 8 раз оно попадает после первого стиха тирады, 2 раза после предпоследнего стиха, 4 раза — посередине. Ясно, что таким образом должен был отмечаться конец «лессы» (тирады), а 14 отступлений являются ошибками последнего переписчика; он же, вероятно, совсем опустил «Aoi» в конце 118 тирад.

Значение этого «Aoi» до сих пор не выяснено; существует несколько различных толкований:

а) Старое толкование: «Aoi» — нечто вроде припева: эмфатическое восклицание (междометие) «avoï» встречается в старо-французской поэме «Aliscans». Это толкование весьма правдоподобно. Сербские гуслеры, например, часто заканчивают отдельные абшниты эпических песен восклицаниями: «Ой-хой!», «аман!» и др.

б) *Aoi* — от *aoïge* = «увеличивать», что должно означать повышение голоса на кульминационном пункте (Дженкинс). Форма эта нигде больше не засвидетельствована.

в) *Aoi* — условное обозначение музыкальной модуляции, «*sesilogum amen*», обычно изображаемой гласными этих слов «*euouae*» (Вольф, Генрих). Передача того же музыкального понятия через «*aoï*» совершенно невероятна.

г) Изображение модуляции «*rAx vObIs*» при помощи гласных *AOI* (Гемель, 1928 г.). Это возможно, но тоже нигде больше не встречается.

10 — 12. Певец постепенно приближает действие к слушателю при помощи последовательности времен: имперфект (пробывал), перфект (пошел), настоящее время (ложится).

19. См. прим. к ст. 564.

23. *Вальфонда* — *Vallehonda* в северной Испании (Буасонад).

50. Страну Карла «П. о Р.» называет Францией, «сладкой» Францией, подразумевая под этим то всю империю (включая и германские земли), то специально Иль-де-Франс (область Парижа).

Подданные Карла обозначаются общим именем «франков» (*Franc*) или «французов» (*Franceis*), причем «П. о Р.»

не делает различия между этими терминами. Этим же словом обозначаются и франки, в отличие от других подданных Карла (бургундцев, алеманов, баварцев и т. д.). Иногда жители Иль-де-Франса специфицируются как «франки из Франции» (*francs de France*).

Понятие о франках перешло в «П. о Р.», вероятно, еще из исконной версии, говорившей о германском племени франков, реальных подданных Карла Великого и завоевателей всей Западной Европы.

Понятия о «французах» в нынешнем смысле (население всей Франции, вместе с бургундцами, нормандцами и т. д.) не было даже у автора последней версии. Под «французами» в узком смысле он подразумевает романизированных (австразийских) франков.

52. *Азен* (историческая столица Карла Великого) до сих пор по-французски называется *Aix-la-chapelle* (Ахен-Часовня.)

63. *Баласгет* (или Балагет) — вернее всего, искаженное Балагер (город в Сарагосской области).

63 — 68. Все имена мусульман — вымышленные. Особенно автор любит награждать неверных именами, производными от «mal» (лихо, зло): Мальбьен, Мальпалин, Мальприм, Малькидант, Мальтрайен и т. д. Таковы в русских былинах названия: Лиходей Лиходеевич, Марья Лиходеевна, Лиховидьевна и др.

71. *Кордр* (по Венецианской рукописи — Кордоа) — Кордова (город южной Испании). Карл, конечно, никогда не владел этим городом, отвоеванным у мавров лишь в 1236 г. Но уже в XI в. (Адемар Шабанский) было распространено мнение, что империя Карла Великого простиралась до этого места. Буассонад предлагает понимать *Cordres* как *Cortes* (местечко в долине Эбро). См. также прим. к ст. 97.

76. *Феод*, или *лен* — земельное владение, получаемое низшим (вассалом) от высшего (сеньора). Владелец феода — феодал.

77. В тексте буквально: «Мы этого (*всею*) получим вдоволь», т. е. «мы сумеем это заслужить» (?).

86. В Эйнхардовых «Анналах» (IX в.) под 809 г. значится, что сарагосский правитель (*praefectus*) *Amoros* отправил к Карлу послов «со всем имением». Возможно,

что этот факт лег в основу данного эпизода нашей поэмы и даже имя «Марсилий» является искажением имени этого царька.

90. *Сватилия* — неизвестная страна. Венецианская рукопись (V) дает «Cecilie». Может быть — Сицилия, которая, действительно, была под властью арабов от 827 г. до 1061 г. Если так, то это — старая черта, так как в момент возникновения Оксфордского текста в Сицилии уже было христианское (норманское) государство.

97. Несомненно, что во время сложения «П. о Р.» уже существовало сказание о взятии Кордр. Немецкая версия Конрада (около 1131 г.), почти современная Оксфордскому тексту, дает распространённую версию: когда Бланкандрин приезжает к Карлу, город еще не взят; во время их разговора язычники делают вылазку, которую франкские герои отражают; преследуя бегущих, они врываются в город.

104. *Оливьер* исторически не засвидетельствован. Вовсе рукописях, кроме Оксфордской, он является племянником Джирарда Вианского и, таким образом, входит в цикл Гарина Монгланского. Везде он выступает как соратник Роланда. Самостоятельная роль уделена ему в поэме «Джирард Вианский» (XII в.). См. прим. к ст. 1720 и 3708.

105. *Сансон* фигурирует только в цикле Роланда (во многих вариантах). *Ансеис* — см. прим. к ст. 796.

106. *Джефрейт* — вероятно, Джефред I Гризгонель, герцог анжуйский (958 — 987), могущественный сеньор из времен первых Капетингов (династия французских королей 927 — 1328 гг.); он нес королевское знамя в битве при Суасоне, т. е. был гонфалоньером, как и наш Джефрейт (см. ст. 3093). Попал этот персонаж Хв. в «П. о Р.», вероятно, таким образом: один из многих жонглеров, перепевавших «Песнь», принес ее к анжуйскому двору и, чтобы почтить герцога, приписал его предку славную роль в Ронсевальской эпопее.

107. *Джерин* и *Джерьер* — незасвидетельствованные лица (см. Предисловие, § 10).

111. *Тивлеи* (tables) — старо-русское название игры в трик-трак.

112. *Шахматы* в Европе впервые упоминаются около 1060 г. у Петра Дамиана (итальянский писатель XI в., см. Migne, Patrologia Latina, 145, 454).

115. Мы читаем «ог миєг» «чистое золото» (вместе с Готье, Бедье и др.), а не «огмиєг» — «перламутр» (Дженкинс); это особенно вероятно потому, что в ст. 1549 встречаются «шпоры» из этого материала.

117. В эпосе Карл — всегда старик (см. ст. 539). Историческому Карлу в 778 г. было 36 лет. «Турпин» — ближе к истории: «Волосы у него были каштановые; лицом он был румян, телом красив и статен». Впрочем и Т рисует Карла бородатым, в то время как на современных ему изображениях он представлен с одними усами.

122. *Посольство Бланкандрина* отсутствует в параллельных вариантах нашего сказания (Т, С), где инициатива переговоров исходит от Роланда (С) или Карла (Т). Да и в самой «П. о Р.» Бланкандрин после XXXVIII тирады бесследно исчезает.

Сарацинских посольств к Карлу Великому было несколько (см., напр., прим. к ст. 86). Между прочим, в 777 г. явился в Падерборн «некий сарацин (из Сарагосы), по имени Ибиналарби [Сулейман ибн Якман-ал-Арби], с товарищами и отдал (в руки Карла) себя и все города, над которыми поставил его сарацинский царь» (Э й н х а р д, «Анналы»). Среди участников этого посольства фигурировал также некто по имени Багалул, Багалук или Беласкут (ср. ст. 477, 564).

132. *Безам* (лат. byzantinum) — византийская золотая монета. Византия вплоть до эпохи крестовых походов была почти единственной поставщицей золотой монеты для Западной Европы.

147. См. прим. к ст. 434.

152. День архангела Михаила праздновался в те времена (по крайней мере, до конца XI в.) 29 сентября (после XI в. — 16 октября). Культ архангела Михаила был издавна популярен во Франции. Церковь Михаила-Спасителя-на-водах (St. Michel du Péril), выстроенная в начале VIII в. на торчащей из моря скале близ Авранша в Нормандии, является до сих пор излюбленным местом паломничества для ревностных католиков.

154. Теплые целебные воды около Ахена. Здесь, видимо, намек на какую-то не сохранившуюся легенду о чудесном возникновении этих ключей.

166. *Бароны* — здесь не титул, а название всякого рыцаря, независимо от титула; это слово (синоним «рыцаря», «витязя») применяется в «П. о Р.» к графам, герцогам, королям и даже к самому Карлу.

170. *Одзьер Датчанин* — популярный герой старофранцузского эпоса. О нем существует особая эпопея: Одзьер, сын датского короля, отдан Карлу в качестве заложника; за измену своего отца приговорен к смерти, но, совершив многочисленные подвиги во время похода против итальянских сарацин, становится любимцем Карла; когда сын императора убивает сына Одзьера, этот последний пытается отомстить, порывает с Карлом и уходит к врагу Карла, лонгобардскому королю Деидерию (Дидьер); он совершает чудеса храбрости, но попадает в плен; Карл хочет его уморить голодом, но опять вынужден прибегнуть к его помощи против сарацин; Одзьер побеждает великана Бреюса и спасает Францию; жизнь свою он кончает в почете, славе и благочестивых деяниях. В некоторых поэмах (но не в «П. о Р.») он причислен к 12 перам.

Турпин — архиепископ реймский (753—794), пользовавшийся милостями Карла Великого. Об участии его в походах ничего не известно, но в эпос он вошел в качестве воинственного прелата и отважного бойца (в поэмах «Одзьер», «Вступление в Испанию» и др.) и чудотворца («Аспремонт»). Версия Т приписывает ему сохранение рассказа о Ронсевальской битве (см. прим. к ст. 2242).

171. *Ричарт* — Ричард I Старый (ум. в 996 г.), герцог Нормандии. Относительно его появления в «П. о Р.» см. прим. к ст. 106. *Анри* — неизвестен.

172. *Ацелин* — не засвидетельствован. *Гасконь* во времена Карла Великого была герцогством, а не графством.

173. *Тедбальт Реймский* и *Милон* — неизвестны. В более поздних источниках Роланд является сыном Милона, но «П. о Р.» еще не знает этого сказания.

178. *Гуенелон*. — Изменник назван последним, подобно тому как в Евангелии от Луки (VI, 16) Иуда-предатель стоит в конце перечня апостолов (замечание Тавернье).

Имя предателя заимствовано, вероятно, у сансского архиепископа Wenilo или Guenilo (837 — 865), изменившего Карлу Лысому во время аквитанского восстания 856 г. Его судили в 859 г. Была составлена особая «Книга обвинений». Хотя он потом был прощен, все же возможно, что слава изменника за ним сохранилась. Подобно нашему Гуенелону, архиепископ был знатен родом и вероломен. (Ср. прим. к ст. 277).

184. Соколы, уже пережившие критический период линяния (во время коего сокол мог заболеть или издохнуть), ценились выше.

190. *Марка* — пограничная область с военным управлением. Карл Великий учредил Испанскую марку для защиты от арабов.

198. *Нопль* — Ноблехас близ Толедо (Тавернье) или Напаль близ Барбастро, на пути в Сарагосу (Буасонад); последнее — правдоподобнее. Относительно взятия этого города Роландом см. прим. к ст. 1775.

Комибли — имя вымышлено или искажено до неузнаваемости. Другие версии дают здесь Меринду или Моринду (Миранда дель Эбро?).

199 — 200. *Вальтерна* — Вальтерра, сарацинский замок в 95 км от Сарагосы. *Пина*, *Баласет*, *Тудела* — реальные местности между Ронсевалем и Сарагосой: Пенья, Балагер, Тудела. *Себилия* — вероятно, Севилья, крепость в горах Сьерра-Севиль близ Барбастро (Буасонад).

208. *Базан* и *Базилый* — может быть, намек на какое-то сказание (?). Эпизод о казненных послых изложен в поздних вариантах, но возможно, что это только развитие упоминания в «П. о Р.». В франко-итальянской поэме «Взятие Памплоны» послы тоже названы Базаном и Базилем, но в итальянской поэме «Испания» («Spagna in rima») они носят имена Ансельмо и Аллорино (откуда взяты эти имена, неизвестно); в обоих вариантах послов вешают. Во «Взятии Памплоны» мотив осложнен посылкой третьего посла, которого Марсилиий тоже хочет повесить, но он убивает множество язычников, успеваает прибежать к Карлу и умирает у его ног. Итальянская повесть «Поход в Испанию» (Viaggio) сохраняет только этого добавочного посла, Бальдуино, который срывает корону с головы у Марсилия и приносит ее императору. В повести

«Деяния Карла у Каркасоны» (см. ст. 385) Марсилиий тоже хочет повесить послов Карла, но его жена за них вступается.

Убийства христианских послов во времена крестовых походов засвидетельствованы историей.

209. *Альтилля* («*Altilla*» — по-испански) — возвышенность, холм.

220. *Врисон* — обманщик, лгун, пустой человек; здесь — намек на Роланда. Вероятно, Гуенелон имеет в виду то, что Роланд перечислял свои победы в предыдущей тираде, т. е. «хвастовство» Роланда, но политично включает и себя в число тех, кому не следует верить на слово.

223. Обряд «*homagium*», т. е. принесения ленной присяги, сопровождался символическим актом: вассал, стоя на коленях, вкладывал свои руки в руки сеньора.

230. *Найм* (*Naims*, косвенный падеж *Naimon*) — мифическая личность, мудрый советник и престарелый боец, Нестор Карлова цикла. В других версиях он назван баварским герцогом, и потому немецкие переделки (Конрад, Штриккер) уделяют ему много внимания.

263. *Пер* — буквально «равный». Это те из вассалов, которых сеньор считал себе равными. В «П. о Р.» это слово, очевидно, означает боевых товарищей, связанных тесной дружбой; сюда могут входить и родичи (большею частью младшие братья и их потомки, получившие землю при разделе лена); у Гуенелона тоже есть свои «перы».

У Карла — 12 *перов*, которые составляют ядро его войска. Происхождение этого института спорно. Число 12 было священным в древне-германском праве, что восходит к дуодецимальной системе счета, которой встарину пользовались германские племена. 12 человек (иногда 24,36 и т. д.) — обычная численность дружины у викингов. Некоторые возводили 12 перов к 12 судьям германского тинга (народное собрание). Другие думают, что 12 перов приписаны Карлу (как представителю Христа на земле) по аналогии с 12 апостолами. Сравнение воинов Карла с апостолами встречается в Т; но как раз Т не знает 12 перов и перечисляет всех (33) паладинов Карла вместе. Имена 12 перов варьируют не только по разным поэмам Карлова цикла, но и в самой «П. о Р.» (см. ст. 792 — 798 и 2402 — 2410).

277. *Гуенелон*, как явствует из ст. 312, женат на сестре Карла, матери Роланда. Версии Т и С не знают об этом свойстве и потому иначе мотивируют вражду между Гуенелоном и Роландом. Компильатор «Карламагнуссаги», стараясь примирить разные версии, рисует следующую картину отношений: Роланд рождается от кровосмесительной связи Карла со своей сестрой Гелейн (историческая Гисла), которую Карл затем выдает замуж за Милуна аф-Ангрс. Этот последний затем умирает во время испанского похода (как в Т). Карл выдает сестру за Гвенелуна; у них рождается сын Балдвин (см. прим. к ст. 314), «но затем обнаружили ученые люди родство между Гвенелуном и Гелейн и их развели, а Карл отдал сестру Эффарду-герцогу; и было у них два сына, Адалрад и Эффард, а Гвенелун взял за себя сестру Эффарда-герцога».

Далее «Карламагнуссага» мотивирует вражду Гвенелона к Роланду. Роланд после усмирения разбойников заезжает по дороге к жене Гвенелуна, Гелувиц, которая пленяется его красотой и говорит ему: «Я пришла к тебе нынче ночью одну из своих девушек, красивую и хорошего рода; придет она не раньше, чем все в доме заснут, и сумеешь ты забавляться с нею, сколько захочешь». Вместо девушки является она сама и, соблазняя Роланда, открывает ему свое имя. Роланд ее выгоняет. «Затем рассказал Роланд Гвенелуну наедине все это дело. Гвенелун попросил его содержать все в тайне и уверил, что не сердится на него, так как она сама захотела. Но с той поры стал он злобствовать на Роланда».

312. У Карла Великого были три сестры, из коих две, повидимому, умерли в очень раннем возрасте (Ротхейда и Адельхейда). Третья, Гисла, «которую Карл так же, как и мать, очень любил», не вышла замуж, а была в юности пострижена в Шельском монастыре, где она после стала аббатиссою. Роланд мог бы быть только внебрачным сыном этой принцессы. Это была очень образованная женщина, принимавшая деятельное участие в Академии Карла Великого. Сохранилась ее переписка с Алкуином (см. Я р х о, «Юный Роланд», II, 2). В других рукописях «П. о Р.» мать Роланда прямо названа Гислой (Gile).

314. По «Рифмованной хронике» Филиппа Мускеса (XIII в.), от брака сестры Карла, Берты, с Милоном Англеским рождаются Роланд и Балдуин: «однако о последнем говорят, что он был сыном Ганелона».

В нидерландском «Roman van Karel den Grooten en zijne XII reege» сестра Карла после смерти Миллона долго противится браку с Геллуном (Гуенелоном), но Карл угрожает ее. Затем Геллун вынужден удалиться в изгнание; там он женится на дочери языческого царя Десрамеса и становится отцом Марсилия и Балиганта. Приводим эту версию как пример путаницы, происшедшей в результате скрещения множества вариантов одного мотива при непомерно пышном развитии цикла.

371. *Апулия* и *Калабрия* никогда не входили в состав империи Карла Великого, — напротив, на границе этих областей кончалась власть Карла в Италии.

372. В Англии Карл тоже никогда не бывал. Дженкинс предполагает, что это результат недоразумения: будто бы слова «Annales Xantenses» относительно посылки войск в Бретань (Britannia) в 786 г. были истолкованы как завоевание Британии. Большой нужды в таком объяснении нет, так как Карлу и без того приписывается множество фантастических завоеваний.

373. *Петров динарий* — ежегодный взнос по одному пеннингу с дыма в пользу папского престола (папа — наместник св. Петра) — действительно практиковался в Англии, но был введен, конечно, не Карлом. Установление этой подати приписывают то уэссекскому королю Ине (688 — 726), то мерсийскому королю Оффе (755 — 794).

385. «Деяния Карла у Каркасоны и Нарбоны» описаны в особой латинской повести, переведенной и на провансальский язык. Там говорится о войне с Марсилием, причем Роланд завоевывает Серданью (см. прим. к ст. 856) и Барселону, убивает сарацинских витязей Бальдрага и Тамиза и совершает еще много других подвигов; Марсилиий спасается бегством; стены Каркасоны склоняются перед Карлом («Gesta Caroli Magni apud Carcassonam et Narbonam», Romanische Bibliothek, № 15, Halle 1898).

Местное каркасонское сказание повествует о поленице Каркас, мужественно оборонявшей город против Карла; император выдал ее замуж за Роже и тем положил начало рода графов Каркасонских. Изображение девицы Каркас, трубящей в рог, до сих пор можно видеть на воротах города (Paris, «Histoire poétique de Charle-

magne», р. 255). Можно думать, что автор Оксфордского текста уже знал какое-то сказание о взятии Каркасоны.

386 — 388. *Яблоко* — символ императорской державы; на державах иногда изображались короны подвластных государств.

416. *Маом* — Магомет.

422. В других рукописях: «Он — франкский граф», что больше соответствует ситуации.

434. По «*Annales Petaviani*»: «Лета 778-го явился король Карл в землю Галисию и взял Памплону. Затем он получил в Испании заложников от городов [*находились под властью*] Абитаура и Эбиларбия... И самого Эбиларбия (*Ибн-ал-Арби*) связанным увез в землю франков».

453. *Алгалиф* (арабск. «ал-халифа») — халиф, т. е. наместник пророка. Автор, видимо, совершенно не понимает значения этого слова, так как халиф (наивысшее лицо во всем мусульманском мире) оказывается дядей и вассалом второстепенного испанского царька.

473. «Другую даст племяннику — Роланду». Позднейшие версии эти коварные и лживые слова Гуенелона истолковали как реальное желание Карла доставить Роланду испанскую корону. Коронация Роланда стала чуть ли не главной целью похода. Франко-итальянская поэма «*Entrée*» Николая Падуанского начинается словами:

Я в сих моих стихах	вам хочу изложить,
Как с перами решил	Карл в Испанию вступить,
Чтоб Роланду венец	на главу возложить.

Этот мотив получил дальнейшее развитие в Италии.

564 — 566. Это противоречит высказыванию того же Марсила в ст. 19:

«И нет людей, чтоб рать его расстроить».

Противоречие это обыкновенно выдвигают в качестве доказательства того, что «посольство Бланкандрина» является позднейшей прибавкой: если Марсилиус считает себя достаточно сильным, ему незачем посылать Бланкандрина; а так как впоследствии обнаруживается, что у него действительно имеется 400 000 войска, то можно считать, что это не пустое хвастовство. Кроме того, если откинуть «посольство Бланкандрина», то получается обстановка,

сходная с Т и С (см. прим. к ст. 122 — 570). Более чем вероятно, что версия без Бланкандрина старше.

570 — 572. Совет Гуенелона вполне покрывает совет Бланкандрина и делает его излишним (см. прим. к ст. 564).

583. *Цизерские врата* — Цизера или Цизра, нынешнее Сиз (Cize) — долина у северного склона Пиренеев (во Франции).

600. *Большая Земля* (Tere maior) — название Франции, встречающееся и помимо «П. о Р.».

607. Останки святых и прочие реликвии очень ценятся как защита против смерти в бою и ранения; поэтому они вправлялись в рукояти мечей.

609. Этот престол (или кресло) здесь, повидимому, служит лишь для того, чтобы положить на него басурманскую книгу.

Итальянская поэма «Испания» (Spagna in rima) использует его иначе:

Тут бог явил и мощь свою и силу:
Кресло под ними начало шататься,
На землю вместе упали злодеи,
Но Ган не бросил преступной затеи.

А после клятвы:

Ручей, что тек такую светлой струйкой,
Краснее крови стал и горше яда;
Повысыхали все деревья сада.

Итальянский роман «Испания» («Spagna in prosa») говорит, что в момент клятвы разразилась буря.

В «Походе в Испанию» (Viaggio) указаны четыре чуда: а) перевернулся большой камень, б) сосна расщепилась пополам, в) родник высох, г) трава заглохла. Источник итальянских вариантов следует искать во Франции. Поэма «Aie d'Avignon» говорит о лаврах, лишившихся листьев после клятвы Марсилиа и Гуенелона. Все эти варианты приводятся нами как примеры *романического* развития сказания, характеризующегося, между прочим, любовью к чудесам и знамениям (см. Предисловие § 3 г).

618. *l'cil levat lo rei Marsilion* — «которым был царь Марсилиий крещен», Филологи толкуют это как посвя-

щение в рыцари; вернее всего, так и надо понимать это место, хотя не совсем исключена возможность, что автор, крайне невежественный во всем, что касается ислама, приписывал мусульманам «крестных отцов» и «крестников» (см. прим. к ст. 3637).

630. *Маркиз*. — Здесь Роланду, обычно в «П. о Р.» именуемому графом, присвоено его историческое звание маркиза, т. е. маркграфа, с тою только разницей, что во времена Карла Великого это была должность (военный губернатор марки, см. прим. к ст. 190), а во время возникновения Оксфордского текста — титул, связанный с владением определенным феодом.

634. *Брамимонда*. — Роль ее трактуется различно уже в самых древних вариантах. «Псевдо-Турпин» (Т) ее вовсе не знает. Немецкий переводчик Конрад («*Ruolantes liet*», нач. XII в.) по ошибке принял ее за мужчину и перевел:

Тут Брахмунт встал,
Генелуна он поцеловал.

Очевидно, поцелуй был в оригинале, но ничем не отличался от поцелуя Климборина или Вальдеброна. Но иначе это толкуется в «Песни о предательстве Гвенона» (С), которая не жалеет для Брамимонды словесного орнамента в стиле галантных клириков XII века:

(91) Тут же ошую царя сидящей под этой сосною
Зрит он Марсилья жену, что Брамимондой звалась.
Станом сияет сия, как светлого Феба сиянье
Так украшают ее прелесть, величье, краса.
Очень красива? О, нет! Ты к «очень» прибавь еще «очень».
Этого мало еще: всякое «очень» мало.
В яркий пурпурный наряд разодета царева супруга.
Красит одежда ее, красит одежду она.
Тут обнялися они, многожды друг друга лобзая;
Сладко объятье ему, слаще еще поцелуй.

Прельщенная красотой Гвенона, Брамимонда отвращает от него гнев Марсилия (в «П. о Р.» эта роль принадлежит Бланкандрину и алгалифу).

(140) Силою не спасся Гвенон, спасся своей красотой:
Видя царица его таким и толико прекрасным,
Этой красой смягчена, царское сердце смягчит.

Это — первые шаги романического развития в сторону эротики. (См. предисловие § 3, г, см. также прим. к ст. 208).

В позднейших вариантах нашего сказания роль Брамимонды в соращении Гуенелона еще усилена. В поэме «Гальен» (XV в.) она сидит за столом рядом с Ганелоном и клянется «богом своим Барритоном», что будет принадлежать ему навек; «тут же она подлила ему зелья, так что он впал в безумие и стал больше всего на свете желать смерти Роланда и Оливьера».

648 — 649. Переход от «ты» к «вы» и наоборот — постоянное явление в средние века.

651. *Подкуп Гуенелона.* Наш цикл богат различными мотивировками измены Гуенелона. В «П. о Р.» основным мотивом является злоба на Роланда за назначение в послы, питаемая обычным нерасположением отчима к пасынку. Дары Марсила являлись лишь незначительной подробностью, ничуть не определяющей хода действия. Иначе в Т (гл. XXI): «Ганелону же дали двадцать лошадей, нагруженных золотом и серебром и тканями, чтобы он предал бойцов в их руки: он согласился и принял эту плату».

Другие варианты упирают на красоту Брамимонды (см. прим. к ст. 634). По «Гальену» (XV в.), Ганелон считает себя первым после Роланда претендентом на французскую корону; кроме того, здесь играют роль царица и выпитое зелье.

Итальянская поэма «Рончисвальское поражение» выводит на сцену беса, который подговаривает Гана на измену:

Будешь царь христиан, и все язычество
Еще подпадет под твое владычество.

662. Идентифицировать *Гельну* (или Гальну) не удастся. Наиболее вероятная конъектура — Хельса (Gelsa), в 8 милях от Сарагосы (Дженкинс).

664. Это, повидимому, тоже реминисценция какой-нибудь легенды. Аналогичные мотивы встречаются в Т (гл. III): «Вот города, которые он [*Карл*] проклял, а посему они пребывают без жителей по сей день: Луцерна, Вентоза, Капарра, Адания».

678. Версия Т (гл. XXI) развивает этот эпизод: «...и послали шестьдесят лошадей, нагруженных сладчайшим

чистейшим вином для угощения бойцов и тысячу прекрасных сарацинок ради сотворения блуда... Старшие бойцы одно только вино взяли, женщины же никоим образом; но младшие их приняли». Мавры нападают на арберггард. «Но поелику бойцы в предыдущие ночи упивались сарацинским вином (а иные забавлялись с язычницами и с христианками, коих многие привезли с собой из Франции), то всех их постигла смерть».

Эта версия вошла во многие варианты, восходящие к «Турпину» и, в частности, в английский роман «Song of Roland» (XIV в.):

Вот прислал он ключи Сарагосского града
И этих красавиц тебе на усладу;
Все — дочери лордов и знатных людей.
А вот и вино: его ты испей.

696. *Руки вложив* — см. прим. к ст. 223.

711. *Бармица* — кольчужная сетка, спадающая с шлема и закрывающая затылок и щеки; застегнутая наглухо у подбородка, она закрывает также горло и часть груди.

713. Щит в походе носили на перевязи. *Прапор* — флажок.

720 — 723. Толкование этого сна — см. ст. 835 — 840. То, что осколки летят в небеса, очевидно, должно означать, что души погибших при Ронсевале героев будут взяты в рай.

725 — 736. Аллегорический сон в духе весьма распространенной в средние века литературы видений и откровений. Толкование: кабан — Марсилий, правая рука — Роланд, барс — алгалиф, выжлок — Роланд, правое ухо — правая рука Марсилия. Ср. прим. к ст. 2555 — 2567.

755 — 759. Арберггард охранял обоз. В *Анналах Гинкмара Реймского* (IX в.) под 869 г. значится: «Когда Людовик возвращался после осады сарацин из пределов Беневента, означенные сарацины, выйдя из Баиры и преследуя войско Людовина, отбили более 2000 лошадей».

762 — 765. Ясно, что тирада X несовместима с тирадой IX: гнев и грубость неожиданно приходят на смену радости (по поводу назначения) и вежливости. Вторая тирада: а) не встречается в других, рукописях, б) плохо вяжется с героическим характером Роланда, приветст-

вующего опасность, в) заключает в себе фактические ошибки (Гуенелон в ст. 333 роняет не жезл, а перчатку, и Роланд получит в ст. 782 не перчатку, а лук).

Бедье («*Légendes épiques*», III, 426) тщетно пытается спасти единство Оксфордского текста. Несомненно, что тирада X неудачно вставлена одним из многих перепевателей «П. о Р.» в погоне за грубоватым эффектом и не устранена последним редактором. В особенности пункт (в) не может быть (как хочет Бедье) объяснен погрешностью первоначального автора: неужели, собираясь в *следующей тираде* рассказать о луке, он мог по рассеянности заменить его перчаткой?

769 — 770. Смысл (по Дженкинсу) такой: «Как Гуенелон [*уронил перчатку*], когда вы вручали ему посольский жезл [*т. е. отправляли его к Марсилию*]».

Если это неясное выражение было в тексте, то возможно, что именно оно и привело *другого сказителя* к ошибке, отмеченной в прим. к ст. 762 — 765 (?).

Вся эта конъектура Дженкинса, однако, делается ненужной, если принять во внимание, что слова «как жезл своей принял он» вписаны в рукопись другой рукой. Вернее, что эти слова вписаны писцом для согласования с тирадой X, и таким образом ошибка усугублена.

792 — 801. Из поименованных здесь лиц первые десять (включая Роланда) являются, очевидно, перами. *Турпин*, один из высших прелатов империи, вряд ли может быть товарищем этих мирян; *Гуальтьер-дель-Ум*, леник (hom) Роланда, как лицо подчиненное, тоже, вероятно, не входит в число «равных».

Однако, если даже исключить этих двух, перечень перов не совпадает с перечнем в ст. 2402 — 2410: не хватает Ивона и Ивория, Энджельера из Гаскони и герцога Сансона; лишними, напротив, являются Аусторий и Гуайфьер.

Множественность сказителей является наилучшим объяснением этого противоречия; но не исключена, конечно, возможность забывчивости одного лица.

795. *Атон* (в тексте здесь ошибочно: *Отон*) встречается вместе с Беренджьером и вне Роландова цикла («*Coronement Loois*»). Происхождение этих персонажей неизвестно.

796. *Аусторий* (или Астор) — не засвидетельствован. *Ансеис* в этой тираде, очевидно, ошибочно назван «старым»

(li vielz, вместо li fiers «гордый» или «свирепый», «буйный», как в ст. 105): почти невозможно, чтобы жонглер употребил бы в двух рядом стоящих стихах (796 и 797) одинаковые рифмующие слова (vielz — vielz).

Этого Ансеиса (погибающего при Ронсевале в ст. 1599) следует отличать от героя поэмы «Ансеис Картаженский», которого Карл делает испанским королем после смерти Роланда.

797. *Джсерарт Русильонский* — герой особой франко-провансальской поэмы того же имени (XII в.). В нем видят историческое лицо IX в., графа Парижского, который с 855 г. был опекуном Карла, короля Прованса.

798. *Гуайфьер* — может быть, тождествен с аквитанским герцогом Вайфарием, с которым сражался отец Карла Великого, Пипин Короткий (VIII в.), но после помирился.

Под именем «Гайферос» этот персонаж сделался героем испанских романсов. Сервантес («Дон Кихот», т. II, гл. 26) упоминает о представлении кукольного театра, где разыгрывались приключения рыцаря Гайфероса.

800. *Гуальтьер del Нит* (дель-Ум и дель-Юм одинаково неверно передают звук этого имени) — повидимому, предок какой-нибудь нормандской знатной семьи (?).

849 — 850. При дворе Марсилия странное смешение христианских титулов (герцоги, графы, виконты и почему-то сыновья комтуров) с арабскими (алгалифы, амирафлы).

Герцог (лат. dux — вождь) — древне-германский титул племенного вождя.

Граф (лат. comes) во франкской монархии — должность вроде губернаторской, которая постепенно превратилась в наследственный титул.

Виконт — вице-граф, первоначально заместитель графа (чиновник), затем — титул.

Комтур — титул ниже виконта.

Алмасор — от арабского «ал-мансур» = «победитель».

Амирафлы — вероятнее всего, это арабское «ал-модаффер» — победитель. Не смешивать с «amirail» (от арабского «амир») — эмир. Эти титулы напоминают «мурз-улановой» наших былин.

853. *Идол Магомета*. — Версия Т посвящает целую главу (IV) баснословному рассказу об идоле Магомета.

Любопытно, что нелепое представление об идолопоклонстве мусульман (как известно, не признающих никаких антропоморфных изображений) было очень распространено в Европе во время крестовых походов, когда, казалось бы, христианский мир имел возможность ближе познакомиться с исламом. Напротив, до крестовых походов как будто господствовали более просвещенные взгляды. Так, в «Житии Магомета» Эмбрихона Майнцского (около 1050 г.) ничего не говорится об идолопоклонстве, хотя все «Житие» есть тенденциозный и злостный пасквиль на магометан, выставляющий Магомета в виде обманщика, который якобы сам являлся игрушкой в руках богоотступного чародея.

856. *Серданья* — область в Испании, в долине Сегры.

870. *Аспра* (ныне Аспе) — горный проход в Пиренеях (лат. *Aspera Vallis*). *Дюрестант* — не установлен.

877. 12 сарацинских перов (очевидно, Аэльрот включает себя в это число) в pendant к 12 перам Карла — *сюжетная симметрия*. Во главе их — племянник Марсилия в соответствии с племянником Карла.

Этот прием — свойство эпопеи. Между прочим, ни церковно-пропагандистское сочинение T, ни схоластическое упражнение C не знают этих сарацинских перов.

879. *Фальзарон* (от *fals*—«лживый») — см. прим. к ст. 63 — 68.

886. Христиане, воевавшие с испанскими маврами, издавна сталкивались с берберами, которых много было в Испании начиная с VIII в. Но особенно усилилась роль африканцев с половины XI в., когда кордовские халифы призывали на помощь воинственных и фанатических Алморавидов, африканскую династию, глава которой Юсуф в 1086 г. получил халифат с титулом «мираль-муменин» (повелитель правоверных).

892. *Ронцесваль* — в настоящее время городок в Испании (провинция Наварра), в долине, соединенной с Францией так называемыми Роландовыми Воротами.

909. *Мориана* — местечко в области верхнего течения Эбро, по пути из Франции к церкви св. Якова Компостельского.

915. В приписываемых Эйнхарду «Анналах» (IX в.) по поводу Ронсевальского побоища 778 г. говорится: «По-

лучение этой раны омрачило в сердце короля [Карла] большую часть достигнутых в Испании успехов».

916. *Тортолоза* — обычно толкуется как Тортоса в долине Эбро. Но очень заманчива конъектура Буасонада: *Тортолес* в районе Туделы. *Торджис* — сарацин, странным образом носит нормандское имя (от скандинавского Тор-гисл).

926. *Дюрандаль* — меч Роланда. Вводя это имя впервые в таком ничего не объясняющем контексте, жонглер очевидно предполагал, что оно прекрасно известно слушателям (см. Предисловие, § 1, г).

Происхождение слова «Дюрандаль» — неясно: от «dur» «твердый» или от «durer» — «долго сохраняться», «быть прочным» (см. прим. к ст. 2318 — 2320).

955. *Маргерит* — «рenegат», «вероотступник» (D u s a n g e «Glonarium, s. v. Margarizare»). *Сибилля* — вероятно, имеется в виду Севилья в Испании (см. прим. к ст. 956), хотя был г. Сибилля в Тунисе.

956. *Казмарина* — м. б., Камариньяс в Галисии (Буасонад).

973. *Обитель св. Дионисия* (в 9 км от Парижа) — усыпальница французских королей. Св. Дионисий — патрон Франции. В его обители сарацин собирается расположиться лагерь, что для француза XI в. являлось величайшим оскорблением религиозного и национального чувства.

975. *Монейгр* — область Лос Монегрос неподалеку от Сарагосы (?). В других версиях это осмыслено как Val nigre (черный дол) или Mont nigre (черная гора); может быть — городок Монегрильо (?).

980 — 987. Эти стихи подражают знаменитой библейской песне Давида на смерть Саула и Ионафана (2-я книга Самуила, гл. I, ст. 24): «Горы Гельвуйские! Да не будет на вас ни росы, ни дождя, ни полей плодоносных». Это место из Библии было чрезвычайно популярно в средние века: поэты подражали ему уже в эпоху Каролингов (VIII — IX в.).

988. Меч побежденного принадлежал победителю.

997. *Вьена* — г. во Франции на берегу Роны.

1014. *Дурная песня*. — Насмешливые песни про трусов складывались постоянно в дружинном и феодальном быту. Они засвидетельствованы уже в каролингскую эпоху. Теган в «Жизнеописании Людовика Благочестивого» рассказывает, что тесть короля Лотаря, граф Гуг, был «труслив превыше всех людей» и собственная челядь издевалась над ним в песнях.

1032. *Вороненый* — вернее, покрытый окисью кобальта, что придавало кольчуге синеватый блеск (Дженкинс).

1078. Число 1700 употребляется синекдохически (вместо «много») и в других поэмах старо-французского эпоса.

1111. Эта строка часто повторяется во французских *chansons de geste*; очевидно, она очень понравилась жонглерам.

1134. Церковь обещала крестоносцам причислить их к мученикам, если они падут в борьбе с неверными.

1135. *Вышний, или больший рай*. — Средневековые эсхатологи различают разные степени посмертного блаженства. Райские местности сильно варьируют в обширной литературе, посвященной этому вопросу (видения, проповеди, трактаты). Но к XI — XII вв. начинает намечаться излюбленная структура; места блаженства (как и места пыток) делятся на две главные области: низший рай для обыкновенных праведников и высший — для мучеников, исповедников, девственниц и чистых младенцев. Оба рая — различного происхождения. Первый восходит отчасти к Эдемскому вертограду, но главным образом к античному представлению об Елисейских полях (изображается большею частью в виде цветущего луга); здесь души испытывают по преимуществу физические радости (благовоение, благозвучие, пестрота красок). Высший рай — продукт спиритуалистического понимания блаженства: из физических красот здесь наличествует только неугасимое сияние, но основная радость заключается в лицезрении божества.

1153. *Вельянтиф*, или *Вейльянтиф* — вероятно, «бдительный» (?).

1181. «*Монджой!*» — боевой клич французов (из Иль-де-Франса); впервые засвидетельствован в 1119 г. в битве между французами и нормандцами.

Вероятно, что это восклицание пилигримов, приближавшихся к Mons Gaudii (Monte Mario), с которого они впервые могли увидеть Рим, цель своего паломничества (?).

О происхождении этого клича, повидимому, существовало традиционное предание, которое «П. о Р.» передает в ст. 2508 — 2510 (см.), но которое, конечно, исторически неправдоподобно и лингвистически немислимо (Монджой — от Джойозы).

Как название знамени, «Монджой» нигде, кроме «П. о Р.» (ст. 3095), не встречается.

1215. *Дафан и Авирон* — мятежники, которых, согласно библейскому преданию («Числа», XVI, 31, 32), поглотила земля за неповиновение Моисею.

1217 — 1218. Рауль Канский («Gesta Tancredi», гл. 57) повествует, что в битве под Антиохией в 1098 г., после поражения сарацин, «найдеца была среди прочих голова, у которой — это замечательно! — от глаза до глаза было расстояние в полфута». Убиение этого гиганта будто бы покрыло славой род Бозмунда; оно подтверждено и другими хрониками. Это считается важным доказательством того, что Оксфордская версия не могла возникнуть раньше 1098 г., и возможно, что этот рассказ повлиял на «П. о Р.». Следует, однако, помнить, что, поскольку физически такой факт невероятен, самое показание Рауля является преувеличением, и возможно, что мы здесь имеем дело с ходячим выражением (вроде «в плечах косая сажень» или «промежду глаз сажень мерная»), которое могло встретиться в «П. о Р.» совершенно независимо от указанного свидетельства хронистов. Такое же выражение встречается при описании великана в поэме «Юон де Бордо»: «полфута у него было между глазом и носом».

1263. *Шип* — возвышение (большею частью металлическое) в середине щита, служащее для отражения стрел и метательных копий.

1269. Это — амурафль из Балагета, т. е. из Балагера (см. ст. 894).

1275. Это — алмасор из Морианы (см. ст. 909):

1298. *Бордела* (гальско-латинская Бурдэгала) — старое название Бордо, главного города Гаскони.

1298 — 1299. Щит (почти всегда деревянный) обтягивался холстом или кожей сверху и снизу. Верхняя, казовая часть расписывалась цветами или изображениями.

1300. Очевидно, удар пришелся в живот, и пола нашла на полу.

1327. *Мисюрка* — собственно шлем с бармицей (см. 711). Но встречаются изображения старо-русских мисюрек, где верхняя часть либо тоже кольчужная, либо очень плоская, так что могла бы надеваться под шлем. Поэтому мы передали так французское «*coiffe*»: это — железная ярмолка со свисающей бармицей, надевавшаяся под шлем.

1363. *Альтеклера* (буквально «Высокосветлая»). — Согласно поэме «Джирард Вианский», Оливьер получил этот меч в подарок от доброго еврея, Иоахима, ровесника Понтия Пилата. Во время поединка с Роландом у Оливьера ломается меч. Роланд великодушно разрешает ему послать в Виану за другим. Тогда Иоахим посылает ему Альтеклера, и поединок кончается вничью.

1386 — 1387. Эти стихи, стоя на своем месте в рукописи (т. е. после ст. 1385), должны относиться к рыцарям. Дженкинс считает, что это позднейшая вставка переписчика, притом пришедшая не на месте: замечание относится к лошадям. Соглашаясь с этим мнением, мы переставили стихи на соответствующее место.

1392. Точнее: «Юпитер свел его в ад чародейством». *Юпитер* — здесь наименование дьявола. Уже евреи, признавая существование богов (ваалов), которым поклонялись окрестные арамейские народы, считали этих богов бесами, откуда — перешедшие и в европейскую литературу названия бесов: Вельзевул (Баал-Зебуб), Вельфегор (Баал-Пехор), Бедрагон (Баал-Дагон — филистимское божество), Астарот (финикийская богиня, так называемая Астарта) и др.

Христианские богословы перенесли это воззрение на богов античного мира, в результате чего появились — демон-Венера, демон-Юпитер, демон-Аполлон и др.

1409. Так как Гуенелон был впоследствии не повешен, а четвергован, то некоторые считали этот стих (и ближайшие к нему) позднейшей вставкой, другие видели здесь остаток какого-то старого сказания о повешении Гуене-

лона. Для последнего мнения нет оснований, так как и Т и С совпадают в этом отношении с «П. о Р.».

Напротив, казнь через повешение встречается только в самом позднем варианте, в устном народном предании из Neilly [см. Приложение IV].

1428. *Сан-Мишель* — церковь Михаила-Спасителя-на-Водах (см. ст. 152). *Санс* — город во Франции.

1429. *Безансон* — главный город провинции Франш-Конте. *Гуитсант* — ныне Висан, у моря, около Кале.

1435. В средние века постоянно ожидали светопреставления, даже после того, как предсказание на 1000 г. не оправдалось.

1440. По другим текстам спасся один, а именно Маргерит, который извещает Марсилию о поражении и побуждает его двинуть новое войско. Здесь даже Бедье признаёт пропуск в Оксфордской рукописи.

1443. «Деяния Франков» — *La Geste Francor*. Автор здесь и в ст. 3262 ссылается на свой писанный источник; если верить «Песни», то «Деяния» следует представлять себе в виде хроники или исторического повествования, притом весьма подробного (см. ст. 1685, 2095, 3262, 3742). Однако к таким ссылкам жонглеров не следует относиться с преувеличенным доверием.

В ст. 3742 речь несомненно идет о той же *Geste Francor* («писано есть...»); поэтому мы переводим: «Деяния».

Вероятно это и для ст. 1685 и 2095, но с уверенностью этого нельзя утверждать («джеста говорит...»); поэтому мы перевели: «Джеста».

Менее вероятно это относительно «джесты», приписываемой Турольду (см. прим. к ст. 4002).

В ст. 3181 речь идет о многих джестах (эпические песни?).

1470. *Абисм* — буквально «бездна», «ад».

1476. Может быть, здесь имеются в виду богатства церкви св. Якова Компостельского в Галисии?

1480. *Дракон* — ср. ст. 3266.

1486. *Трус* и *трусость* не относятся к свирепому Абисму: Турпин понимает, что он сам был бы трусом, если б не убил этого врага.

1502. *Валь-Метас* — местоположение не установлено: вероятно, вымышленная долина. Буасонад видит в этом имени Мекку, что мало вероятно.

1503. *Галафр* — amiralz Galafres. Буасонад установил, что Алеппо (в М. Азии) в латинских памятниках XII в. именуется «Галапия», а властитель этого города — admiralz Calefi (Г и л о н, «Деяния сего времени на пути иерусалимском»).

С другой стороны, Галафр — известный персонаж французского эпоса. Согласно поэме «Юность Карла Великого» и др., Карл, принужденный бежать от преследования братьев под именем Майнета, встречает радушный прием в Толедо со стороны неверного царя Галафра, дочь коего, Галисна, становится его невестой.

Можно отметить, еще один случай *сюжетной симметрии*: в ст. 2318 — 2319 ангел в долине Морианской распоряжается мечом христианина; здесь, в долине Метас, дьявол дает меч язычнику.

1523. Невинно-убиенные младенцы виффлеемские.

1556 — 1557. *Арабиты* — особое конное войско у сарацин. Замечание об их негодности на войне ничем не подтверждается; напротив, Т (гл. III) говорит: «храбрейшие рыцари, в просторечии именуемые арабитами».

1566 — 1568. Патриарх иерусалимский был убит сарацинами в 1010 г., причем был осквернен гроб господень. Это и подобные события, усиленно распространяемые паломниками и проповедниками, могли лечь в основу этого эпизода «Песни».

1585, 1587 Редкий случай одинакового асонанса на таком близком расстоянии. Вернее всего, один из стихов испорчен.

1597. *Сальтпердют* — «Потерянный прыжок».

1614. *Кападокия* (в М. Азии) — единственная несомненно малоазиатская область, упоминаемая в «П. о Р.» помимо эпизода с Балигантом (Байст). Но Дженкинс замечает, что это название было хорошо известно из легенды о Георгии Победоносце.

1624. *Сент-Антония* — неизвестна. Может быть, вместо Saint Antonie надо читать Saintonie, т. е. Сентонж во Франции (Бёмер).

1626. Вивьер — читаем вместе с Дженкинсом Viviers (город на Роне). *Валерия* — вероятно, St.-Vallier, городок в округе (департамент Дромы) рядом с Viviers.

1647. *Алжирский юшман* — может быть, «кольчатый юшман» — так переводят Готье и Бедье, исходя из французского «jasegan» — цепочка (состоящая из звеньев): Мы держимся основного значения «jazaгeпs» (от арабского «Джезайр» — Алжир), по аналогии «сарагосских шлемов», «виенских мечей», «валенсийских копий» (ст. 997 — 999). Это слово в XI в., вероятно, еще не успело стать нарицательным.

1652 — 1653. Ст. 1652 — типичная концовка тирады, а ст. 1653 — типичное зачало. Очевидно, здесь две тирады с одинаковыми асонансами.

1666. Этот стих оказалось необходимым вставить из Венецианской рукописи (V4), так как иначе непонятно, кто говорит последующие слова.

1685. «Джеста» — вернее всего, «Деяния франков» (см. прим. к ст. 1443).

1702. *Olifant* — «Слоновая кость», название Роландова рога.

1720. *Альда*. — Фраза построена так, точно отношения между Роландом и Альдой уже хорошо известны слушателям (см. прим. к ст. 927). Почти невозможно предположить, что имя Альды произносится здесь впервые, как нечто только что выдуманное жонглером. И так, позади «П. о Р.» стояла какая-то традиция, какое-то сказание, существовавшее до возникновения «Песни». Но какое? Старшие варианты не дают материала для разрешения этого вопроса: Т и С вовсе не знают Альды; по немецкой поэме Конрада, Альда — жена Роланда («Мужа моего ты мне верни, которому меня ты отдал в жены»); рукописи «П. о Р.» только развивают «смерть Альды» (см. прим. к ст. 3721), но умалчивают о праистории. Хотя они и связывают Альду с Джирардом Вианским, ее дядей, однако вряд ли XI век уже знал тот тонко-психологический галантный роман Роланда и Альды, который дает нам Бертран де ла-Бар-сюр-Об в своем «Джирарде Вианском» (около 1190 г.). Особенно оригинален созданный им образ Альды: смелая, остроумная, шаловливая и ласковая, соединяющая доброту с героизмом, благочестием и целомудрием, эта Альда стоит особняком среди несложных женских фигур французского национального эпоса. Роланд хочет похитить ее насильно, но Оливьер отбивает сестру. После Альда со стены иде-

вается над Роландом, но сквозь насмешку уже проглядывает зарождающаяся симпатия. Затем она вызывает ревность Роланда, кокетничая с мудрым и благородным графом Ламбертом. Ее ласковый обихай настолько пленяет графа, что он выступает перед Карлом в качестве ходатая за мятежных баронов (Джирарда и пр.). Это не мешает Альде во время штурма Вианы сбрасывать на осаждающих тяжелые камни. Видя это, Роланд полунасмешливо-полувосхищенно восклицает: «С этой стороны, клянусь Марией-девой, не будет город ни взят, ни завоеван». Во время поединка Роланда с Оливьером Альда горячо молится за обоих, потому что сердце ее разделилось поровну между братом и молодым рыцарем. Поэма кончается примирением Карла с вианцами и обручением влюбленных. Каковы источники этого мастерского произведения с его оригинальными ситуациями и поразительно живыми персонажами? Вопрос остается нерешенным.

1725. *Умеренность* (*mesure*) — одна из основных добродетелей в рыцарской этической системе.

1775. *Нопль* (см. прим. к ст. 198). — Сказание о взятии Роландом этого города существовало, повидимому, отдельно от «П. о Р.». Полностью этот эпизод рассказан в франко-итальянской поэме Николая Падуанского «Вступление в Испанию» (XIII в.): во время боев у Памплоны Роланд узнает, что город Nobles плохо защищен, и отправляется туда со всем арьергардом, оставив Карла без помощи; он берет город и разбивает подошедшее сарацинское подкрепление; вернувшись к войску с богатой добычей, он застаёт Карла в страшном гневе; император ударяет Роланда перчаткой по щеке; тот сдерживает гнев, но покидает войско; следуют его приключения в заморских землях. Старо-скандинавская «Карламагнусага» (XIII в.) рассказывает, что Nobilis был с разрешения короля взят Роландом и Оливьером, но Роланд, несмотря на строгое запрещение, умертвил царя Фула; за это Карл ударяет его перчаткой и разбивает ему нос в кровь; дальнейших последствий это не имеет. Итальянская поэма «Испания» («Sragna in rima», XIV в.) даёт третью причину Карлова гнева: во время самовластного похода убит Сансоне ди Пиккардия, о чем Карлу доносит Ган да Понтъери (Гуенелон).

1807. Не совсем ясная строка:
«Рассведи вечер и день». Очевидно: прошел вечер и воссиял (*следующий*) день.

1843. Борода, выпущенная наружу, означала гордый вызов врагу (ср. ст. 3122 — 3124, 3522).

1856. Здесь уже, повидимому, имеется в виду не высший рай, а «луг блаженных» (см. ст. 1135).

1886. *Тот, кто узнал, что не будет полон* — т. е. тот, кто знает, что всех будут беспощадно убивать. Обычно старались брать в плен только знатных рыцарей (богато вооруженных), чтобы получить за них выкуп.

1890. *Гайньон* — «Пес-ворчун».

1892. *Бельна* — нынешний Бон (Beaune) в Бургундии. *Дижон* (в тексте — Дигон) — главный город Бургундии.

1895. *Ивон* и *Иворий* встречаются и помимо «П. о Р.». Поэма «ГAUDФРЕЙТ» присоединяет их к циклу Доона Майнцского, внуками коего они именуются. По франко-итальянскому «Взятию Памплоны», они — сыновья Найма.

1914. В «Анналах» Эйнхарда под 827 г. значится: «Пришло донесение, что на помощь Айцону сарацинским царем [*т. е. кордовским халифом — алгалифом*] Абдеррахманом послано войско в *Сарагосу*» (см. прим. к ст. 86).

1915. Владения алгалифа находятся в Африке, судя по *Карфагену* (римская провинция на месте нынешнего Туниса и прежней Карфагенской республики).

Альферна толкуется как область племени бени-Ифрен, в X в. занявшего Кайруан (в Тунисе).

Гармалия — может быть, область племени «гамара» (упоминаемого в XI в.) в нынешнем Марокко. Оба сопоставления — сомнительны.

1960. В латинской поэме «Валтарий» немецкого монаха Энкехарта (X в.) герой говорит (ст. 560):

Не прихвастнет, возвратясь, пред женой ни единый из франков
Тем, что богатством таким безнаказанно он поживился.

Может быть — это старо-германская эпическая формула (?). См. предисловие, § 3, а.

1988. Герои французского эпоса плачут и падают в обморок, что не мешает представлению об их мужественности, а должно только свидетельствовать о силе темперамента и интенсивности эмоций.

2047. *Maëlgut* — совершенно неопределимое название местности: повидимому, оно искажено до неузнаваемости.

2048. *Дроон* — неизвестен.

2095 — 2097.

Co dist la geste é cil ki el champ fut;

Li ber sainz Gilies, por qui deus fait vertuz.

E fist la chartre el mostier de Lodum.

Буквальный перевод: «Так молвит «Джеста» и тот, кто был на поле, барон святой Эгидий, ради коего господь творит чудеса, и составил хартию в Ланской обители». Возможны два толкования этого места:

а) Эгидий присутствовал чудом при битве и составил об этом рукописание (хартию), на которую наш автор и ссылается;

б) на поле брани был св. Эгидий, ради которого бог творит чудеса и (в свое время) составил (всем, кроме невежд, известную) хартию (см. прим. к ст. 2096).

Если читать вместо «е»—«еп» (в ст. 2097), то получается третье толкование:

в) Так говорит джеста и тот, кто был на поле брани. Святой Эгидий... составил об этом хартию.

Т и С не знают Эгидия в этой роли.

Переводчики XII и XIII вв. (Конрад и Штриккер) примыкают к толкованию (а), т. е. считают Эгидия не очевидцем, а лишь начертателем. Конрад: «Это велел записать св. Эгидий в Леуне-городе, по просьбе императора».

Мы склонны присоединиться к толкованию (б): Эгидий был вместе с Карлом на Ронсевальском поле и видел убитых; в эпосе такая ситуация возможна под влиянием легенды о Карле и Эгидии (см. прим. к ст. 2096); если мы предполагаем у автора этих стихов знание легенды, то и в ст. 2097 речь, вероятно, идет о легендарной хартии, а не об описании битвы. В переводе мы нарочно сохранили неясность: «он» можно отнести и к Эгидию и к богу.

2096. *Св. Эгидий* жил в Аквитании в VII в.; но «Житие» его, возникшее в IX в., приводит его в связь с Карлом Великим: император якобы явился к святому, чтобы

тот отпустил ему некий грех, такой страшный, что Карл не смел его назвать; ангел принес Эгидию с неба *хартию*, на которой грех был написан; император покаяться и получил отпущение. То же рассказывается в соответствующих житиях про Карла и св. Феодула, а также про франкского короля Хлодвига и св. Элевферия (ум. в 531 г.).

Грех Карла, о котором идет речь, в средневековой литературе толкуется различно: сожитительство с сестрой (матерью Роланда), с мертвой королевой Фастрадой (баварка, жена Карла Великого); большею частью грех совсем не назван.

2120. Один из историков первого крестового похода (1098 г.), Бальдерик Боргейльский, говорит: «Многие окружили малочисленный отряд; таков обычный военный прием у сарацин» (Дженкинс). Впрочем, таким «свидетельствам» пристрастных историков не надо безусловно доверять: все воюющие стороны любят утверждать, что сражались против превосходных сил противника.

2134 — 2136. См. прим. к ст. 1486.

2208. Рейньер, как отец Оливьера и Альды (Reiniers de Gennes), известен из «Джирарда Вианского» (см. прим. к ст. 1420).

2209. *Val de Runers* — не установлен; все конъектуры слишком отдаленны.

2213. Вероятно, испорчено переписчиком.

2225. В Ронсевальской долине есть два ручья: Урроби и Эрро.

2230. *Арпан* — старинная мера площади (от 30 до 50 аров).

2242. *Умер Турпин*. — В Т весь рассказ ведется от имени Турпина, якобы уцелевшего в Ронсевальской битве. Те памятники цикла, которые исходят из Т, сохраняют эту версию. Но компиляторы, пользующиеся обоими источниками, попадают в затруднительное положение. Один из них; автор датской «Хроники Карла Великого», нашел выход в следующем компромиссе: «Затем велел он [*Карл*] отделить христианские тела от языческих и нашел архиепископа, лежавшего между ними. Император велел перевязать его раны и подверг его хорошему лечению; но тот не совсем излечился и ходил на двух костылях до скончания дней своих».

2280. В версии С два язычника покушаются на рог Роланда. Это довольно обычный случай *редупликации* второстепенных персонажей.

2295. По версии Т (гл. XXIII): Олифант треснул еще тогда, когда Роланд трубил в него: «от дыхания уст его расселся рог посредине».

За Т следует «Рифмованная хроника» Мускеса (XIII в.):

Столь гневно затрубил Роланд.

Что раскололся Олифант.

Поднесь видать, что он разбит,

Во храме в Бле, где он висит.

См. прим. к ст. 3685.

2313. *Sardaigne* — сердолик (разновидность агата) или сардоникс (разновидность халцедона).

2318 — 2320. Следует ли понимать это так, что ангел тут же и вручил Карлу меч? Повидимому, так было в тексте, с которого переводил Конрад (XII в.): «В Морiane в долине ангел принес тебя моему сеньору» (Штриккер — XIII в. — видимо, от себя прибавляет: вместе с Олифантом). Но Джирард Амьенский в своей поэме «Карл Великий» (XIV в.) говорит, что Карл в юности владел Дюрандалью: он взял ее с бою у африканского царя Полинора.

2320. По феодальному праву («*Libri feudorum*») «капитанами государства» именовались высшие феодалы (герцоги, маркграфы, графы), которые могли раздавать феодалы (см. «Средневековье в его памятниках», сб. под ред. Д. Н. Егорова, М. 1913, стр. 56).

2322 — 2330. Перечень Роландовых завоеваний свидетельствует о полном незнании автора с историей: *Анжу, Пуату, Мен, Прованс и Аквитания, Бавария и Фландрия* достались Карлу от предков.

Нормандия. Такого государства в эпоху Карла Великого вовсе не было: норманны заняли названную по ним часть Северной Франции лишь в 912 г. Интересно, что из всех стран автор Оксфордского текста только *Нормандию* снабжает почетным эпитетом. Так как самый текст написан на англо-нормандском наречии, то эта черта понятна. Неизвестно только, была ли она вставлена нормандцем в первоначальный текст или же удалена из

него другими жонглерами (авторами Венецианской, Парижской и др. рукописей), не питавшими особого пристрастия к Нормандии.

Бретани Карл завоевать не сумел, хотя воевал с нею в 786 г., одержал победу и взял заложников.

Ломбардию, тогда еще королевство лангобардов, Карл завоевал в 771 г. Это завоевание положило начало расширению его власти и открыло ему путь в Рим. Культурные последствия этой победы огромны: с нее начинается то великое движение, которое называют первым или каролингским Возрождением и из которого вылилась ново-европейская культура.

Романья — эту часть Италии Карл не взял, а закрепил за папою.

Саксов Карл действительно покорил после многочисленных войн.

Покорение *Венгрии*, *Польши* (?), *Шотландии*, *Ирландии* (в тексте: *Islande*), *Англии* и *Царьграда* — плод фантазии.

Польша. В тексте *Poillanie*, и некоторые полагают, что это — земля полян, т. е. киевская область; но помещение этого названия рядом с Венгрией скорее говорит за Польшу (?).

2351. *Судьба Дюрандали* в «П. о Р.» остается невыясненной. Этот пробел восполняется «Карламагнуссагой», вероятно, из какого-нибудь французского источника: «И сказал [*Карл*] сильнейшему из своих рыцарей, чтобы он взял у Роланда меч и подал ему. Рыцарь пошел, но ему не удалось... Затем послал он пятерых рыцарей, так чтобы каждый схватил [*Роланда*] за один палец, но и тогда меч остался на прежнем месте». Карл молится, и меч сам собой выпадает из руки. «Он снял с меча рукоять ради святых мощей, а клинок бросил в воду далеко от берега, ибо знал, что никому не пристало носить его после Роланда».

2365. Перчатка служит залогом явки (на службу, на место поединка). Здесь Роланд отдает ее богу, как вассал своему будущему непосредственному сеньору.

2385. Евангелие от Иоанна, гл. II, ст. 43 — 44.

2386. Книга пророка Даниила, гл. 6. ст. 22.

2393 — 2396. В версии Т (гл. XXV) это изображено в форме «видения», явившегося Турпину, который якобы

видел толпу черных воинов, уносивших душу Марсилиий в ад, и сонм небожителей, улетавших в рай с душою «мужа, трубящего в рог» (т. е. Роланда).

2402 — 2409. Перечень двенадцати перов. Ср. ст. 792—801. Турпин не входит в число двенадцати.

2450 — 2451. Чудо это заимствовано из Библии (Книга Иисуса Навина, X, 12): по молитве Иисуса Навина бог остановил солнце, пока Израиль поражал аморреев. Падение стен Памплоны по молитве Карла во II главе «Истории Турпина» (Т) взято из той же книги (VI, 20: разрушение стен иерихонских). «Сент-Онжская хроника» рассказывает, что после взятия Луцерны Роланд и Гвидон воспомнили об обладании ею; тогда Карл помолился... «и великие воды, наподобие пруда, поднялись посреди города, черные, мрачные и ужасные; плавали в них большие рыбы, совсем черные».

2461. *Val tenebrós* — вероятно, собственное имя.

2465. *Себра* — может быть, скрещение имен двух испанских рек: Сегре и Эбро (?).

2501. «*Джойоза*» — «Радостная» (см. прим. к ст. 2508). Этот меч встречается и в других поэмах Карлова цикла.

2508 — 2510. Джойоза и Монджой происходят от слова «джойе» — радость. Джойоза — «радостная». Монджой — здесь толкуется, очевидно, как *mon joi* (мужская форма, существующая в старо-французском языке рядом с женской *ma joie* — «моя радость»), вместо реального *mont joie* — «гора радости». См. прим. к ст. 1181.

2555 — 2567. Толкование сна: Медвежонок — Гуенелон, медведи — его родня, самый свирепый (ст. 2564) — Пинабель, выжлок — Тьедри. Ср. ст. 725 — 736.

2602. *Эмир* — Балигант.

2609 сл. Здесь начинается особая часть поэмы, известная под именем «*Эпизода с Балигантом*» и составляющая специфическое отличие «П. о Р.» от Т и С, которые вовсе не знают этого эпизода.

Т, гл. XXI: «Пребывали в ту пору в Сарагосе два сарацинских царя, а именно Марсилиий и Белвиганд, брат его». Те, которые видят в этих двух царях исторических царь-

ков Абитаура и Ибн-ал-Арби (см. прим. к ст. 434), считают версию Т более старой.

Многие исследователи полагают, что весь эпизод есть поздняя вставка в основной текст, попавшая туда во время 1-го крестового похода, т. е. на рубеже XI и XII в. Это весьма вероятно, хотя неоспоримых доказательств нет (см. Дженкинс, стр. XII — XIV). Как бы то ни было, «Эпизод с Балигантом» расширяет географический кругозор и всю историческую концепцию «П. о Р.», превращая крестовый поход против испанских мавров в грандиозную борьбу Западной империи против всего нехристианского мира.

2615. *Вавилон*. — Под этим названием западные историки эпохи крестовых походов разумеют не древний Вавилон (в Месопотамии), а *Каир* (Новый Вавилон) в Египте, резиденцию султанов из династии Фатимидов (с 972 г.). Встречается даже титул Балиганта — *ammiratus Babiloniae* (Буасонад).

2622. Дженкинс («*La Chanson de Roland*», р. LXII») приводит в связь с этим местом реальный эпизод из эпохи крестовых походов. Уже в первый год (ср. ст. 2613) прибытия крестоносцев в Палестину (1099 г.) фатимитский властитель прислал из Египта войско на помощь туркам, но оно было разбито. Через шесть лет, *на седьмой год* (1105 г.), он послал второе войско во главе с *эмиром Эль-Афдалом*, которое опять-таки было разбито Робертом Нормандским («*Iter Ierusalem*»). Между прочим, эмир прибыл морским путем, но бой дал на суше.

2633. В средние века полагали, что самоцветные камни светятся ночью.

2641. Места эти не установлены. Повидимому, они вымышлены и являются только аллитерирующей парой.

2678. Злая насмешка: Марсилию уже не на что надеть перчатку.

2680. Время от времени, при особых случаях, сеньор требовал от вассалов вторичного подтверждения данной клятвы и признания вассальной зависимости.

2710. *Дурной привет*. — Они приветствовали царя и царицу во имя языческих, т. е. «дурных», богов; оттого и привет их дурной, несмотря на доброе отношение к Марсилию.

2910. *Лан* (Laon) был столицей Западной Франкской державы в эпоху последних Каролингов, в конце IX и начале X в. Упоминание Лана в этом контексте (наряду с обычным Ахеном, ст. 2917) представляет наслоение X в. на основу сказания.

2924. *Калиферн* (или Калиферна) — вероятно, местность в Азии, недалеко от Алеппо.

2991. *Виторна* — может быть, искаженное Витербо в Италии (?).

2994 — 2995. Повидимому, намек на какое-то не дошедшее до нас (но известное слушателям) сказание.

2998. Карл, как римский император, призывает в бою апостола Петра, патрона г. Рима.

3005. *Еловец* — маленький флажок, прикрепляющийся к острию (шишке) шишака (остроконечного шлема).

3008. *Антельм* — неизвестное лицо.

3014. *Рабель и Гуинеман* — нигде более не засвидетельствованы. *Рабель* — имя, очень распространенное в Нормандии.

3026. Войска Карла с баварцами, алеманами, фризами — это историческая рать императора Карла Великого, а ни в коем случае не французского короля из династии Капетингов, как думают сторонники позднего происхождения сказания, везде ищущие черты XI и XII вв. Анахронизмом являются только нормандцы, упоминаемые в тираде ССХІХ (см. прим. к ст. 2324). Бретонцы «из Бретонской марки» могли быть в войске Карла.

3042. *Трация*. — Сохранена форма текста, ибо трудно предположить, что жонглер имел в виду Фракию. Кто был *Hermans li duc de Trase* — неизвестно. «Трация» — вероятно, ошибка переписчика.

3050. *Ричарт* — см. прим. к ст. 171.

3083. *Аргона* никогда не была герцогством. Это — лен, зависевший от графов Шампанских.

3090. *Знаки на щитах*. — Рыцаря в вооружении можно было узнать по краскам щита и по рисункам на нем. В этом смысле они названы «*multes conoissances*», ибо служили для распознавания своих во время боя. Вероятнее всего,

в конце XI в. эти изображения не были символическими, т. е. еще не превратились в эмблемы: это был орнамент, не заключавший в себе определенного смысла (?). Поэтому мы не решились перевести его словом «эмблема», а поставили нейтральное выражение: «знак». Через одно или два поколения (XII в.) орнамент превращается в эмблему, а затем в герб (см. прим. к ст. 1298 — 1299).

3093 — 3095. *Орифламма* — первоначально знамя Римской империи (в христианскую эпоху) или города Рима. Последнее было послано Карлу Великому папою Львом III в 796 г. (во время испанского похода 778 г. оно, конечно, не могло фигурировать). На ранних мозаиках IX в. в церкви св. Иоанна на Латеране (в Риме) видны две картины: 1) апостол Петр вручает Карлу Великому зеленое знамя города Рима, с копейным острием на древке; 2) Иисус Христос вручает Карлу Великому алое знамя Римской империи, с крестом на древке. Если «орифламма» действительно происходит от «ауреа фламма» (золотое пламя), то название больше подходит для красного знамени. Капетингские короли (династия, правившая Францией от 927 г. до 1328 г.) в XI в. стали называть свое знамя (стяг св. Дионисия) орифламмою, возводя его к знамени Карла Великого. Автор этих стихов «П. о Р.» имеет ясное представление о римском происхождении орифламмы: он считает его знаменем Вечного города (ст. 3094). Это знамя было в 1096 г. вручено брату французского короля Угону де Вермандуа, который был, таким образом, назначен генералом христианских войск в борьбе с исламом.

Откуда наш жонглер взял историю о переименовании знамени в «Монджой», — неизвестно.

3102. *Иона*. — Книга пророка Ионы, гл. II, ст. 11: «И сказал господь киту, и он изверг Иону на сушу».

3103. *Ниневия*. — Книга пророка Ионы, гл. III, ст. 4 — 9: Иона в Ниневии [Ассирия] убеждает царя и народ покаяться в грехах. Ст. 10: «И увидел бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел».

3104 — 3105. *Даниил* — см. прим. к ст. 2386.

3106. *Отроки* — Седрах, Мисах и Авденаго (Книга пророка Даниила, гл. III) по приказанию царя Навуходоносора ввержены в печь за то, что не поклонились золотому

кумиру; в печи они славят господа и выходят оттуда невредимыми.

3123 — 3124. Это ветераны из тирады ССХХIV. *Выпущенные бороды* — см. прим. к ст. 1843.

3146. *Прециоза* — «Драгоценная». В Оксфордском тексте нет этого стиха: он восполнен из Венецианской рукописи, так как без него не получается смысла.

3173. Образ эмира построен в pendant к образу Карла.

3181. *Джесты* — см. прим. к ст. 1443. Здесь, в отличие от прочих мест, речь идет не об одной определенной «Джесте», на которую поэт ссылается, как на свой источник, а о многих. Мы воздержались от «голковательного» перевода, так как неизвестно, что разумеется под джестами: писанные тексты (вроде «Деяний Франков») или эпические песни.

3189. Выражение, означающее: «Все другие ни гроша не стоят».

3205. *Лютичи* — славянское племя, жившее по низовьям Одера, в нынешней Померании (Поморье). Главным городом их был Щетин (читай Штетин). В X и XI вв. немцы вели упорную борьбу с этими язычниками.

3208. *Чериант* — может быть, Кайруан, город в Тунисе, где погребен брадобрей пророка, важное место паломничества, прозванное Африканской Мединой. *Валь-Маркиз* — может быть, город Маракеш в Марокко, действительно расположенный в долине (val) и основанный в 1056 г. Он был резиденцией альморавидского вождя Юсуфа, в 1086 г. появившегося в Испании (Дженкинс).

3211. *Флорит* — неизвестен. Непонятно даже, идет ли речь о каком-нибудь стародавнем владельце этой земли, или же она тут же отнимается у Флорита, чтобы быть переданной Мальприму.

3213. Ne vestuz ne saisiz — юридические термины феодального права, означающие инвеституру (буквально «облачение»), т. е. дарование лена, и формальное вступление во владение.

3217. Войско Балиганта являет грандиозную картину всего язычества, ополчившегося на Карла. Автор «Эпизода с Балигантом» включил в эту рать все известные ему неверные народы Европы, Азии и Африки.

Встречаясь в этом перечне с рядом непонятных имен, мы не всегда можем решить, являются ли эти имена искаженными названиями реальных народностей, или же просто вымышленными.

3220. *Бутентрот* — название опасного горного прохода в Каппадокии, на сухом пути через М. Азию в Палестину. Это место якобы служит доказательством возникновения «П. о Р.» в эпоху крестовых походов, так как раньше это ущелье не могло быть известно во Франции. Действительно, вряд ли можно сомневаться в том, что «Эпизод с Балигантом» возник в начале крестовых походов. Но, в частности, Бутентрот мог стать популярным в Европе уже в середине XI в., когда начались массовые паломничества в Палестину, предшествовавшие вооруженным походам.

Очень рано Бутентрот начали смешивать с Бутинтро на эпирском побережье, напротив Корфу. Венецианский текст «П. о Р.» гласит:

Первым был полк людей из Бутентрота,
Иуда там рожден, предавший бога.

Недавно (1927 г.) Бедье указал на апокриф, изданный Баумом («*Romanic Review*», 1916), в котором рассказывается, что Иуда был в детстве положен в корзину и брошен в море. Корзинку прибило к о. Корфу, и Иуда, подобранный царицей, был воспитан в Бутинтро (в Эпире). На Корфу имеется местность Скария, жители коей зовутся «скарютами»: отсюда и легенда.

3221. *Милцны*. — Возможно, что это милцены — полабские славяне, жившие в области Мейсена, по верховьям Эльбы (Лабы).

3224. *Нюблы* — вероятно, нубийцы. Nuble встречается во французском эпосе, но старо-французский язык знает также название Nubie. Неизвестно, тождественны ли эти два названия.

Блосы. — В историях крестовых походов волохи (по старо-славянски и по-сербски — «власи») иногда именуются Vlasi; конечно, тождественность «блосов» с волохами сомнительна. Но еще более сомнительно их отождествление с половцами. В Венецианской рукописи на этом месте стоит Ros, т. е. Русь.

3225. *Брюны*. — Их возводят к брауншвейгцам, т. е. к саксам, которые были язычниками во времена Карла Ве-

ликого. Но это не выдерживает критики, так как саксы фигурируют в «П. о Р.» как христианские войны, подданные Карла. *Славонцы* — вернее, славяне.

3226. *Сербы и сорбы* — Sorbres e Sorz. Sorabi — полатыни «сербы». Sorz — неизвестны, вероятно, вставлены для создания аллитерированной пары с Sorbres (ср. ст. 2641). Имеются в виду сербы-лужичане, с которыми Карл воевал в 789 г. В XI в. они были еще язычниками.

3227. *Армяне* не раз выступали в качестве союзников мусульман против крестоносцев (Беде). Автор «Эпизода», конечно, мог и не знать, что армяне исповедуют христианскую веру.

3228. *Иерихон* — город в Палестине, занятый сарацинами.

3229. *Негры* (Nigre). — Считается, что слово «негр» (испанское «negro» — «черный») введено в употребление испанцами в XVI в. Наша поэма показывает, что это слово (от латинского «niger» — «черный») употреблялось уже раньше как название племени («черный» по старо-французски — *peir*).

Гросы. — У средневековых историков «Grudi» означает курдов (сближение это мало убедительно). Другое толкование: «грузины» (?).

3230. *Балида*. — Буасонад видит в этом Балис (Балиц, Балес), город между Алеппо и Багдадом (?). Другое толкование — *Palide* (нынешний Röhld) в Нижней Саксонии (это уже совсем невероятно).

3238. *Хананеи* (семитическое племя) были, повидимому, ненавистны христианам, так как «хананей» в виде ругательства встречается в поэме «Джирард Русильонский».

3239. *Валь-Фюит* (или Фюит) — не установлен.

3241. *Печенеги*. Крестоносцам часто приходилось с ними иметь дело, как с наемным войском византийских императоров.

3242. *Сольтрас* — неизвестное название. *Авары*. — Любопытно, что это племя, разгромленное Пипином, сыном Карла Великого, еще в 796 г. и вскоре затем исчезнувшее с лица истории («погибоша, аки обре»), фигурирует здесь в обстановке эпохи крестовых походов. Ясно, что автор «Эпизода» сваливает в одну кучу все свои исторические и географические познания.

3243. *Угличы* — славянское племя, жившее во времена Карла Великого при устьях Днестра и Прута и впоследствии слившееся с тюркскими кочевниками.

Ормалеи — балтийское племя, обитатели Эрмланд (по-скандинавски — Ормланд), т. е. области в устье Прегеля (?).

3244. *Самуилово племя*. Существует два мало вероятных толкования: а) балтийское племя, жители Самланда, т. е. области вокруг Кёнигсберга (это очень сомнительно); б) болгары, названные так по (искаженному) имени своего царя Самуила.

3245. *Прусы* — Bruise. Два толкования: а) прусы — балтийское племя, населявшее нынешнюю Пруссию. б) Брусса (в М. Азии).

Словенцы — вернее, славяне (Esclers, синоним Esclavoz, см. 3225).

3246. *Окциан*, или Оциант, — может быть, Описцианская фема (т. е. провинция) в М. Азии (??).

3253. *Мальпроза* (Мальпрейс) — неизвестное название.

3254. *Гунны*, вытесненные аvaraми, исчезли уже в конце V в., но память о них была так живуча, что гуннами называли в средние века не только сменивших их аваров, но и пришедших на смену аварам мадьяр.

Мадьяры, хотя и крещенные при св. Стефане (царствовал в 997—1038 гг.), попали в число язычников или в силу исторических воспоминаний об их набегах на Западную Европу (X в.), или в результате их враждебного отношения к первым крестоносцам: проходя по сухому пути в Константинополь, крестоносцы должны были пройти через Венгрию, а так как шествие их сопровождалось мародерством и вытаптыванием полей, то венгры беспощадно истребляли их, где и как могли.

3255 — 3257. *Бальдиза*, *Валь-Пеноза* («Дол Мучений»), *Мароза* и *Иманца* — неизвестны.

3258. *Лей*. Два сомнительных толкования: а) ливь — финское племя, жившее в нынешней Лифляндии; б) ляхи (поляки).

Астримонцы — стримонское племя в М. Азии, упоминается в истории.

3259. *Арголь*, *Аргойль* — Эрегли (древняя Гераклея), значительный город в М. Азии (Буасонад). *Клербона* — неизвестна.

3260. *Вальфонда* — см. прим. к ст. 23.

3285. *Мальпрейские дивы*. — Мальпрейс, конечно, то же, что Мальпроза в ст. 3253: окончание изменено для асонанса.

3297. *Олоферна* — Алеппо.

3312—3313. *Флоредя* и *Валь-Севреда* — не установлены.

3360. *Люттич* — Дапаморт из ст. 3205.

3361. *Тарч* — круглый щит.

3409—3410. Обязательство, заключенное между феодальным сеньором и вассалом, было обоюдным: сеньор должен был защищать вассала и заботиться о его благосостоянии.

3472. *Баски* — реальные противники франков в Ронсевальском побоище; упоминаются здесь вскользь под именем «люди из Баскли». Некоторые сомневаются в таком толковании; мы тоже не настаиваем на нем. Историческая роль басков была окончательно позабыта; Эйнхарда жонглеры не читали. Мусульмане являются универсальными врагами, как татары в русских былинах.

3518. *Энфры* — неизвестная народность.

3546. Большинство издателей считают этот стих вставленным, выпускают его, а следующий засим подвиг приписывают Джефрейту. Это весьма вероятно.

3637. *Каноник*. — Каноникаты — организации белого духовенства в римско-католической церкви, члены коих живут по известному уставу, но не всегда в общежитиях и без монашеского обета. Здесь этот сан перенесен в мусульманский мир, так же как герцоги и графы в ст. 849—850.

3640. Здесь «Маома» (Mahome) вместо обычного «Маом» (Mahom).

3665. Отрицая божественную власть языческих богов, христиане признавали за ними мощь дьявольскую, в частности — возможность совершать лже-чудеса при помощи чародейства (ср. прим. к ст. 1392).

3675. CCLXVI. Начиная с этой тирады все рукописи совершенно расходятся с Оксфордской и дают усложненную развязку.

Главнейшие части этого дополнения таковы:

А) Карл возвращается в Ронсеваль и молится за усопших.

Совершается чудо: небесный свет озаряет долину, ангелы уносят души бойцов, из могил вырастают зеленые рябины (это чудо есть и в Т и в Карламагнуссаге).

Б) Карл строит монастырь.

В) Карл переходит Пиренеи и посылает вперед гонцов, чтобы вызвать к себе Джирарда Вианского с его племянницей Альдой, а также свою сестру Гислу, мать Роланда.

Г) Гуенелону удается бежать и обмануть преследователей, однако во время сна Одон его настигает; добрый конь предупреждает изменника об опасности. Бой Гуенелона с Одоном. Гуенелон вскакивает на коня своего противника и опять убегает. Одон настигает его. Бой. Появляются другие витязи, и Гуенелона приводят в лагерь.

Д) Приезжает Альда. От нее долго стараются скрыть несчастье, даже устраивают в лагере ложное веселье. Наконец, ей открывают истину. Она умирает.

Е) Гондробёф Фризский вызывает Гуенелона на судебный поединок, но тот снова убегает, его ловят вторично.

Ж) Бой Пинабеля и Тьери.

З) Очень развита сцена суда, во время которого бароны наперебой предлагают казни одна другой страшнее. Оставиваются на четвертовании.

Весь рассказ обильно пересыпан утомительно однообразными молитвами и прочими длиннотами.

3683. *Нарбона*. — Предполагают, что здесь имеется в виду не Нарбона близ Средиземного моря, а васконское местечко Арбона близ Биаррица (?). Венецианская рукопись (V₄) вставляет здесь рассказ о взятии Нарбоны. Стены падают по молитве Карла. Франки входят в город. Карл хочет отдать город кому-нибудь из баронов, чтобы он остался там с гарнизоном, но все отказываются: им хочется поскорее вернуться в сладкую Францию. Арнальд Монгланский соглашается принять город в лен для своего сына Аймери, и Карл велит ему ехать за юношей. Длительное описание путешествия Арнальда, встречи его с сыном и женой. Наконец отец и сын приезжают в Нарбону, где Аймери посвящают в рыцари и награждают леном.

Вообще же взятие Нарбоны в большинстве источников приписано самому Аймери, популярному герою феодального цикла.

3684—3693. *Бордо*—см. прим. к ст. 1289. *Бле* — город в Сентонже, при устьи Жиронды. Каноники базилики св.

Северина (одного из древнейших храмов во Франции) по меньшей мере с XI в. хвалились, что у них хранится подлинный Олифант.

В Т (гл. XXIX) читаем: «Блаженного Ротоланда он с честью похоронил... в базилике блаженного Романа (в Бле); меч же его повесил в ногах, а рог из слоновой кости в головах во славу Христа и воинской доблести Ротоланда; но рог спустя некоторое время *недостойно* (т. е., вероятно, не по справедливости) перенесен в базилику блаженного Северина в Бордо». Можно думать, что церкви в Бле (св. Роман) и в Бордо (св. Северин) спорили друг с другом за обладание подлинным рогом Роланда и что Т («История Турпина») в данном случае стоит на точке зрения клира св. Романа. В XIII в. Мускес (см. прим. к ст. 2295) думает, что Олифант висит в Бле.

По «Карламагнуссаге» похороны Роланда происходят в Арле.

В XV в. немецкий рыцарь Арнольд фон Гарф видел «рог Роланда-исполина» и в Тулузе и в Ронсевале: в конце средних веков фальсификация реликвий была в большом ходу.

В XVI в. (1528 г.) венецианец Андреа Навиджери повествует, что в подземной часовне в Бле похоронены с одной стороны Роланд, с другой — Оливьер.

Начиная с этого времени известия о могилах Роланда прекращаются.

3688. *Жиронда* — река, образуемая слиянием Гаронны и Дордони. Немецкая «Песнь о Роланде» священника Конрада вводит здесь эпизод с городом Герундо, который Карл берет измором; жителей он обращает в христианство; конечно, это основано на каком-нибудь недоразумении.

3694. *Имена господни*. — Во многих молитвах для большей действительности старались называть возможно большее количество имен божества, встречавшихся в священных книгах. Раймонд Луллий (1235 — 1315) насчитывает до ста таких имен. Этот прием восходит к магии, в которой важную роль играет знание и название имен заклинаемого божества или демона. Одну из таких молитв и прочитали над героями, чтобы препоручить их души богу.

3715. *Лодевис* — Людовик Благочестивый, будущий император (814—840).

3721. *Смерть Альды* (см. прим. к ст. 1720).—Другие рукописи пространно рисуют горе Альды: она непрерывно молится и причитает. В видении ей является ангел в образе Оливьера и зовет ее на небо. То, что эта тема растянута на множество стихов, указывает на умиление, которое вызывал у слушателей XII в. образ Альды.

Гробницу Альды показывали в обители св. Фарона (близ Мо) еще в XVI в.

3742. По феодальному праву сеньор сам не мог судить вассала. Этот последний подлежал «суду равных» (перов). Сеньор должен был созвать свой «двор» (court, hof) и предложить дело на рассмотрение этого судилища. В данном случае Карл только обвинитель и находится всецело в зависимости от решения своих вассалов. Правовая сторона процесса исследована у Tavernier (Zeitschrift für romanische Philologie, XXXVIII, 435).

3746. *Сильвестров день* — 31 декабря.

3752. Теганово «Жизнеописание Людовика Благочестивого» рассказывает про аналогичный суд по испанским делам, имевший место в 828 г.: «В феврале месяце следующей (после поражения 827 г.) зимы было созвано народное собрание в Ахене, во время которого он (император Людовик) особенно интересовался как другими делами, так и военными действиями в Испанской марке, проведенными перед тем трусливо и постыдно. Когда все было выяснено и тончайшим образом расследовано, то признали виновными тех, кого император поставил в качестве вождей. Император заставил их искупить вину такого малодушия только лишением почестей». Более чем вероятно контаминация этого факта с преданием о поражении 778 г.; таким образом национальный позор получал оправдание: измена отдельных лиц.

3756. *За деньги*. — В этом заключается, повидимому, главный пункт обвинения, который должен обесчестить Гуенелона. Ниже мы увидим, что Гуенелон не отрицает самого факта заговора против Роланда и перов, а только приводит другие мотивы (ст. 3758, 3771 — 3773).

3766. В позднейшем эпосе Гуенелон сделался главой целой семьи изменников, *майнциких* баронов. В Италии этот мотив пустил корни благодаря национальной ненависти к немцам, «Maganzesi» стали нарицательным именем изменников вообще.

3783. *Соранца* — может быть, Саранса (Sarrance) в Пиренеях.

3785. *Меч* и все вооружение побежденного переходило к победителю. Вот почему поединщик защищает одновременно и себя и свое оружие.

3795. Под *немцами* (Tiedeis), может быть, подразумеваются жители Нижней (Северной) Германии в отличие от южных немцев (баварцев, алеманов); но, с другой стороны, саксы, фризы, фламандцы названы отдельно. Diutsh (deutsch) в виде общего понятия в XI в. тоже уже установились. Вероятно, певец сам неясно представлял себе, кого он имеет в виду.

3797. Неизвестно, относятся ли эти слова к овернцам или ко всем судьям вообще.

3804. Речь идет о судебном поединке.

3806. *Джефрейт* — см. прим. к ст. 106. Продолжается возвеличение анжуйского дома: Тьедри предоставлена почетная и решающая роль в последнем конфликте поэмы.

3811. После этого стиха несомненный пропуск: он восполняется по аналогии ст. 3802.

3832. Вторая половина стиха в рукописи опущена. Переводим по конъектуре Штенгеля.

3847. Они идут в заложники и отвечают не только за своевременную явку Пинабеля на место поединка, но и за правоту его дела.

3850. Здесь начинается судебный поединок (один из видов «божьего суда»). Эрмольд Нигелл (IX в.) в своей поэме «В честь Людовика Благочестивого» (III, 543 — 620) описывает судебный поединок аквитанских графов, Беры и Санилы, имевший место в 820 г. Хотя этот поединок происходил между готами, однако Эрмольд замечает, что это — «древний обычай франков, и пока он будет существовать, он пребудет честью и украшением франкского племени».

Интересно, что поединок происходил на том же лугу подле Ахена, который описан и в «П. о Р.» (см. ст. 3873).

3860. Имелся особый чин литургии перед «божьим судом».

3953. Дерево, на котором вешали или вешались, считалось проклятым.

3957. По итальянскому роману «Поход в Испанию», семья Маганцезов (см. прим. к ст. 3766) в ту же ночь убежала из Франции... «и распространилось это племя по всей Италии». Это, конечно, сатира на итальянское феодальное общество.

3984. См. прим. к ст. 154.

3995. *Бира* — может быть, Эль-Бира на юге Испании, где было много арабов-христиан (мосарабов) (?). В 1090 г. Альморовид Юсуф занял Эл-Биру и сравнял с землей христианские церкви.

3996. *Вивьен* — не установлен. *Имфа* — тоже. Некоторые читали вместо *en Imphe* — *en Nimphe* и видели в ней г. Нимфу, который Карл Великий отвоевал у лангобардов (?).

3999. Таким образом, «П. о Р.» как бы обрывается в начале нового эпизода. Он до нас не дошел. Датская «Хроника Карла Великого» дает продолжение рассказа, но вряд ли это продолжение восходит к старой традиции. См. предисловие, § 3, г.

4002.

Ci falt la geste, que Tuoldus declinet.

Здесь (кроме *ci*) каждое слово — загадка.

1) *falt* — кончается, изменяет нам, обрывается? Впрочем, это, повидимому, типичная концовка:

Ci falt la geste des Bretuns. W a s e, «Brute», ст. 15293.

2) *geste* — историческое сочинение (книга), эпическая песня, устная повесть? См. прим. к ст. 1443 и 3181.

3) *que* — которую, потому что, так что?

4) *Tuoldus* — неизвестное лицо. Имя это (от скандинавского *Thórolfr*) часто встречается у нормандцев и англо-нормандцев.

Разные исследователи видели в этом лице то того, то другого исторического Турольда:

а) Турольд, аббат в Питерборо, дальний родственник Вильгельма Завоевателя, умерший в 1098 г. С 1066 г. он был аббатом Малмсбери, откуда к нам дошло первое сведение относительно «П. о Р.» (см. Предисловие, § 1, б). Этому Турольду приписывал автор-

ство нашей песни G é n i n (La Chanson de Roland, poème de Théroutde. Paris, 1850).

б) Турольд, с 1090 г. капеллан английских королей Генриха I и Вильгельма II, с 1097 — епископ в Байё, с 1104 — монах в Ле-Бек. Умер, вероятно, в 30-х годах XII в., когда он якобы был чудом исцелен от грыжи. Он имеет отношение к церкви св. Веры в Нормандии, которая в свою очередь связана с Ронсевальской церковью св. Веры. В монастыре Ле-Бек хранились реликвии (зуб св. Петра, часть риз пресвятой девы), сходные с упоминаемыми в «П. о Р.», ст. 2346, 2348. За авторство этого Турольда стоит Дженкинс.

в) Турольд, нормандский священник, пришедший с крестоносцами в Испанию около 1128 г. и получавший доходы с церкви близ Туделы (бывшая мечеть). Его открыл Буасонад. Множество других Турольдов упоминается в нормандских хартиях.

Помимо того, что ничего убедительного не сказано в пользу авторства этих Турольдов, мы даже не знаем, какова роль, приписываемая Турольду в ст. 4002. Автор «Джесты», т. е. источника данной «Песни»? Автор данной версии «П. о Р.»? Писец оригинала? Переписчик Оксфордской рукописи? Мы не знаем, говорит ли автор этой строки о себе (называя себя Турольдом) или о другом лице. Одно только более чем вероятно: Турольдус (с латинским окончанием) — клирик (лицо, получившее духовное образование), а не простой жонглер.

5) declinet: а) непереходный глагол: спускаться, кончаться, склоняться, приходить в упадок (в том смысле — в «П. о Р.» ст. 2447: спускается вечер); б) переходный глагол: повторять, рецитировать, произносить.

Поэтому возможны разные переводы:

А) Первой половины стиха 4002:

а) На этом замолкают «Деяния франков».

б) Здесь обрывается сказание «Песнь о Роланде».

в) Здесь кончается сказание о Ронсевальской битве.

г) Здесь я прекращаю повествование.

Б) Второй половины стиха 4002:

а) Которые [деяния] передает Турольдус.

б) Которую [песнь] рецитирует Турольдус [а я записал].

в) Потому что я, Турольдус, не могу продолжать [Д ж е н к и н с] «от страданий, причиняемых грыжсей».

г) Так что я, Турольдус, вынужден прекратить [положенный мною на стихи] рассказ.

д) Так что я, Турольдус, прекращаю запись [слышанной мною песни].

Возможны различные комбинации этих двух половин. Не видя никаких оснований для предпочтения той или иной экзегезы, мы намеренно дали неясный перевод.

СПИСОК РИСУНКОВ

Рыцарь с копьем. — С печати Тибо IV, графа де Блуа. (1138 г.)	8
Рыцарь с копьем. — С печати Гильома II, графа Невер. (1140 г.)	—
Рыцарь с мечом на коне. — С печати Гюи IV, графа Лаваль. (1095 г.)	10
Жонглер. — С латинского манускрипта Национальной библиотеки. (XI век)	16
Жонглер. — С латинского манускрипта Национальной библиотеки. (XV век)	17
Бой крестоносцев с мусульманами. — С витража аббатства Сен-Дени. (XII век)	25
Император Лотарь	33
Рыцарь XI века. — С ковра в Байе	41
Рыцарь с мечом. — С печати города Суассона. (XII век)	42
Вооружение рыцаря. — С ковра в Байе. (Конец XI века)	43
Карл Великий. — Мозаичный портрет. (Начало IX века)	50
Статуи Роланда и Оливье в портале Веронского собора. (XII век)	55
Статуи Роланда в германских городах в Стендале и Гальберштадте	57

Статуя Роланда в городе Цербсте. (Германия). . .	59
Турпин примиряет Роланда и Оливье. — С мозаики в Бриндизи. (XII век)	81

Географические карты:

Мир в представлении «Песни о Роланде»	24—25
Испания в представлении «Песни о Роланде» . .	26—27

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
И. Истори я	
§ 1. Сложение «Песни»	12
§ 2. Происхождение сказания	19
§ 3. Развитие сказания	28
§ 4. Отмирание сказания	64
II. Поэтика	
§ 5. Жанр	73
§ 6. Концепция	75
§ 7. Сюжет	79
§ 8. Персонажи	80
§ 9. Топика	82
III. С т и л ь	
§ 10. Фигурация	85
§ 11. Стилистическая композиция	91
IV. С т и х о с л о ж е н и е	
§ 12. Стих	94
§ 13. Строчка	96
§ 14. Совзвучия	—
V. Л и т е р а т у р а	97
Песнь о Роланде	99
(Содержание ¹)	
I. Завязка	
Вступление (I)	101

¹ Относительно разделов Содержания см. Предисловие, § 7.

1) Посольство Бланкандрина	
а) В Сарагосе (<i>II — VII</i>)	103
б) Под Кордр (<i>VIII — XXVII</i>)	107
2) Посольство Гуенелона	
а) Гуенелон в Сарагосе (<i>XXVIII — LII</i>)	117
б) Гуенелон в лагере Карла (<i>LIII — LXVII</i>)	129
II. Трагедия	
1) Гибель сарацинских перов	
а) Сборы сарацинского войска (<i>LXVIII — LXXVIII</i>)	137
б) Бой с первой армией (<i>LXXIX — CXI</i>).	143
2) Гибель французских перов	
а) Бой с Марсилием (<i>CXII — CXLI</i>)	160
б) Бой с алгалифом (и смерть Роланда) (<i>CXLII — CLXXV</i>)	177
III. Развязка	
1) Наказание сарацин	
а) Битва при Себре (<i>CLXXVI — CLXXXVII</i>)	195
[Эпизод А: Балигант] (<i>CLXXXVIII — CCLXII</i>)	203
б) Взятие Сарагосы (<i>CCLXIII — CCLXVI</i>).	240
2) Наказание Гуенелона	
[Эпизод Б: Альда] (<i>CCLXVII — CCLXVIII</i>).	242
а) Суд (<i>CCLXIX — CCLXXV</i>)	244
б) Поединок (<i>CCLXXVI — CCLXXXVIII</i>)	248
[Эпизод В: Брамимонда] (<i>CCLXXXIX</i>)	255
Заключение (<i>CCXC</i>)	256
П р и л о ж е н и я	
I. Исторический рассказ о Роланде	259
II. Древнейший поэтический памятник, связанный с Ронсевальской битвой	261
III. Кратчайший вариант сказания о Ронсевальской битве	263
IV. Позднейшее устное сказание о Ронсевальской битве	265
П р и м е ч а н и я	271

Редактор Б. И. Ярхо. Художеств. редакция М. П. Сокольников. Технический редактор Н. Н. Филиппов.

*

Сдана в набор 11·II·1933 г. Подписана к печати 9·I·1934 г. Тираж 5 300. Уполномоч. Главлита № Б-24119. Инд. А-1. Изд. № 98. Зак. № 509. Бум. 73,8×104,4. Печатн. л. 10,125 + 2 вклад. л. Бумажных листов 5,062 по 110 000 знаков в листе.

*

Отпечатана во 2-й типографии „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“, Ленинград, Гатчинская, 26.

*Цена Р. 9.—
Переплет Р. 2.50*

**Л И Т Е Р А Т У Р А
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Вышли в свет:

ИРЛАНДСКИЕ САГИ
2-е исправленное издание

Готовятся к печати:

СКАНДИНАВСКИЕ САГИ
Выпуск 1:
Сага о Волсунгах

ОКАССЕН и НИКОЛЕТТ

МУЛ БЕЗ УЗДЫ

А С А Д Е М И А

Москва: Покровский бульвар
Б. Вузовский, 1
Ленинград: Пр. 25 Октября, 28
Дом Книги

ПЕСНЬ
О
РОЛАНДЕ

ACADEMIA